

4298 K

7

С-22
Роспись
в объём

7279

Сборн. Г.
С-22 Револю. пов.
и рядск.

659	22 1/2	Гузанин.
184	9 1/4	
1895	2 1/2	Киселев
		21. Коробов.
216	28 1/2	Баранов
1050	4 1/2	Кривоше
57	10 1/2	Зиндел
16.12.00		Переворот

7279

Apr

11/11

100

100

100

100

C-22

13

ИЮН. 1928

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

№ 4298.К

6777

ПРОВ. В 1929

СБОРНИК 1-й

Ивановская Обл. Науч. Библ.
Отдел Красной

Издание „РАБОЧЕГО КРАЯ“
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК
1924

1941

94

--2010

МНОГ. КОПИЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Напечатано в типо-литографии «Красный Октябрь»
Книгоиздательского Т-ва «Основа», Ив.-Вознесенск.
Ив.-Возн. Гублит № 538. Тираж 5000 экз.

Изд. 1938

100

Издательство «Красный Октябрь»
Ив.-Вознесенск

Издательство «Красный Октябрь»
Ив.-Вознесенск
1938

100

Человек с трубкой

Малое сказанье о больших делах.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Автор предупреждает читателя.

Ты не знаком с героем? Знай, он среди нас.

Он жив, хотя часто говорили, будто он убит и больше не встанет. Где же он?

Видишь извозчицью пролетку—вон, на углу той улицы? Смореная кляча опустила усталую голову. На козлах дремлет узкоплечий человек с заплатой на спине кафтана. Быть может, это **он**, наш герой?

А вон у дверей магазина нищий просит на пропитание. Не **он** ли это?

И вдруг **он**—чистильщик сапог, который от нечего делать покури-вает трубочку в ожидании работы?

Он сумеет нарядиться каменщиком, плотником, ткачем, маляром и вы никак не догадаетесь, что это Человек с трубкой.

Его можно встретить на улице, в магазине, в парикмахерской, в театре, в фабрике, в городе, в деревне—езде, ибо он вездесущ.

Присматривайся внимательно к лицам рабочего, солдата, учителя, врача, музыканта, писателя, артиста, ученого. **Он** и рабочий, и солдат, и учитель, и врач, и музыкант, и писатель, и артист, и ученый. Он все знает, все умеет, он всемогущ.

Но почти невозможно узнать его, ткнуть пальцем в его сторону и сказать—вот он! Он с нами, а не видим. Станный, загадочный человек!

Кто же он? Человек с трубкой многих лиших сна и покоя и многие ненавидят его. Страшный для таких, он сам бесстрашен, а маленькие дети тянутся к его сильным рукам. Разве не интересно, читатель, узнать этого человека?

Давай вместе искать его. Только не подумай, что это легко. Нужен холодный ум, горячее сердце и правдивый глаз, чтобы воскликнуть:

— Вот он, знаменитый Человек с трубкой!

Лет семь тому назад по всей России начали усиленно искать Чело-века с трубкой...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«По имеющимся сведениям на днях отбыл из Москвы выдающийся политический агитатор в целях противоправительственной пропаганды, устройства забастовок и волнений на фабриках Вашего города и для подпольной деятельности в войсковых частях расквартированного там же запасного полка в видах подрыва воинского духа, измены престолу и родины и скорейшего окончания войны.

Личность упомянутого государственного преступника точно не выяснена, известно лишь прозвище «Человек с трубкой».

Довода о вышеуказанном до Вашего сведения предлагаю Вам в самом срочном порядке принять необходимые меры к обнаружению означенного лица и немедленному задержанию. О ходе надзора сообщать ежедневно.

Начальник №—губернского Жандармского Управления».

**

Глава 1-я, из которой видно, что Человек с трубкой без особых примет.

..... он приехал в наш город, — сказал своему помощнику жандармский ротмистр.—Приказано словить. Самое тщательное наблюдение за ним! Слышите?

— Какие приметы?—говорит помощник.

Тревожен полумрак в комнате при лампе с зеленым абажуром. Лицо ротмистра озабочено, глаза беспокойны. Перегнувшись через стол, приклеил он цепкий взгляд к глазам помощника, который ждет ответа, чтобы занести в записную книжку.

— Примет особых нет,—шепчет ротмистр.—Известно лишь прозвище: Человек с трубкой.

— Как же искать?

Оба волнуются, словно в боязни, что их подслушают.

— Поднять всех на ноги!—приказывает ротмистр.—Бросить другие дела, заняться только этим, этим... чортом! Ну?

Теперь глаза ротмистра змеиные. Гипнотизируют. Слова ротмистра бросают в жар.

— Приму все меры,—обещает помощник, плотоядно обливаясь. Так голодная собака облизуется при виде куска мяса.

— Когда он приехал?

— Неизвестно... след затерялся.

— А верно, что здесь он?

— Есть основания предполагать.

— А именно?

— Брожение умов, недовольство. Вы заметили, народ ропщет?

— Народ всегда ропщет,—меланхолично замечает помощник.

— Во всяком случае, надо искать,—решает ротмистр.—Осторожность! Он опасен и надо... вот что надо.

Распахнув китель, ротмистр показывает на груди легкий панцирь от пуль.

— Понимаю,—бормочет помощник и ладонью оттирает пот, внезапно покрывший лоб.

Маленький, остролицый, теперь он похож на лису, которая попала в капкан.

— Докладывать ежедневно.

— Слушаю...

— Итак, за поиски?

— Слушаю.

Глава 2-я знакомит читателя с военными людьми.

С вокзала едут телеги, в которых корчатся раненые солдаты. В каждой белой платочек сестры милосердия, повязанной на манер монашенки, треугольником.

Страшный лик смерти, которая пощадила в бою, наложил землянистую печать на скуластые лица солдат. Из фуры торчат стоптанные грязные сапоги.

— Где были эти сапоги?—размышляет коренастый прапорщик, который в легком чемодане шагает тротуаром.—В Пруссии? Под Варшавой? В снежных Карпатах?

— Эй, псющте... прапорщик!—о крикает деревянный голос.

Долговязая фигура. Щегольский френч с погонами полковника, колючие глаза, колючие усы, рыбы губы.

— Что угодно господину полковнику?

— Потрудитесь честь отдать штаб-офицеру!

— Извольте... больше ничего?... Разрешите пройти, я спешу.

— Чтэ-э-э такэ-э-э? Как вы смеете тэ-эк с штаб-офицером?

— Как?

— А так... псющте, почему вы улыбаетесь?

— Потому, что плакать не хочется.

— Не смей дерзить!

— Потрудитесь не орать, господин полковник. Я не глухой.

— Какой части, фамилия?

— В здешний полк прибыл. Фамилия Дымов.

— Ага! Харьшо. Я помощник командира полка... я вас проучу, прапорщик. На фронт в два счета!

— По вашему, фронт—каторга, куда штаб-офицеры ссылают прапорщиков с солдатами?

— Ма-а-алчать!

— До свиданья!...

Прапорщик спокойно идет дальше. Взбешенный петух велед кричит:

— Эт-того я не забуду!

— Ну, память у меня тоже не дурная,—весело шепчет прапорщик.

Глава 3-я про дурака в солдатской шинели.

— Покорнейше благодарю, ваше благородие!—гаркнул над ухом радостный голос, когда прапорщик прошел шагов сто.

Рослый, плечистый солдат смотрит восторженными влюбленными глазами. Улыбка обнажила крепкие зубы.

— За что спасибо?

— За то, что первостатейной скотине хвост обрезали! Это наш Хлопачевский! Такая сволочь, доложу я вам!.. Ваше благородие, дозвоьте чемоданчик донесу?

Растопыренные пальцы у мясистого уха великана, который козыряет прапорщику.

Тот внимательно разглядывает веснушчатое лицо солдата и, подумав, говорит:

— Ты дурак!

Солдат сконфужен.

— Где служишь?

— В выздоравливающей команде в кучерах состою.

— Кипяток сегодня у вас будет?

— Так точно, вечером чай пьем...

— Тогда во время чая обвари кипятком свой язык. А еще лучше топором обрубил. Понял?

— Никак нет.

— Ну, подумай. Может, смекнешь...

Прапорщик шагает дальше. Растяпя рот, солдат долго стоит на месте, шевелит губами, вдруг хлопает по лбу широкой ладонью и быстрыми прыжками настагает прапорщика.

— Понял, ваше благородие! Больше не буду языком.

— Правильно. Голова надежнее языка.—с загадочной усмешкой замечает прапорщик.

В главе 4-й краткое и совсем непонятное описание Человека с трубкой.

Действие в комнате, меблированной простым столом, пятком табуреток и длинной скамьей у стены. В углу большой неуклюжий шкаф. В пыльные с железными решетками окна видна только обувь очень редких прохожих. Рукой можно достать до потолка в сырых пятнах. Шум улицы не долетает сюда.

Сидя на скамье, на табуретах, несколько оборванцев и солдат слушают помощника ротмистра, который за столом, спиной к окнам.

— К нам приехал преступник, большой государственный преступник. Приказать агентам неусыпный надзор за ним. Обнаружат, взять немедленно. При попытке бегства—убить!

— Как узнать его?—хором спрашивают слушатели.

— Сейчас скажу.

Помощник ротмистра делает таинственным свое рысье лицо.

— Во первых. Прозвище—Человек с трубкой. Значит, он курит трубку. Правильно?

— Верно!

— Во вторых. Начальство пишет, он приехал сюда. Значит, он здесь. Правильно?

— Верно!

— Дальше. Раз здесь, значит, новая личность. Ясно?

— Понимаем!

— Значит, старых оставить в покое, искать среди них этого нового.

Так?

— Верно!

— Дальше. Он знаменитый бунтовщик. Где бунт и недовольство, там он. И надо: обнаружить недовольство, ропот, волнение, чтобы обнаружить его. И не медля взять его.

— А как узнать?—недоумевают слушатели.—Приметы какие?

— Примет нет, фотографии нет, а есть приказ: взять, словить, убить при бегстве.

— Но кого же ловить?—восклицают оборванцы и солдаты.

— Черт возьми!—сердится помощник.—Сказано, Человека с трубкой. За дело! После увидим, как быть. Всех агентов на эту дичь! Ненадежным ни слова. Слышите? У него везде сообщники...

Глава 5-я загадочная.

Вокзальный буфет. Тщательно бритый, прекрасно одетый, в каше, с трубкой в зубах за столиком сидит человек, похожий на англичанина. На стуле рядом чемадан из желтой кожи. Холеными пальцами лениво листает журнал, зеваает от скуки, изредка глотает из стакана черный кофе.

Напротив смуглый человек в упор рассматривает англичанина. Этот замечает, наконец, настойчивый взгляд и с легкой гримасой закры-

вается журналом. Через минуту—другую, украдкой глядит поверх журнала и... встречает тот же упорный взгляд. Человек с трубкой садится боком, нервно кашляет. Смуглый человек глядит попрежнему. Как бы случайно пассажир с трубкой бросает еще взгляд в сторону смуглого: нахал смотрит. Пассажир садится спиной к нему, на другую сторону столика. Смуглый невозмутимо встает, занимает столик напротив. Пассажир сердито кусает губы, сдвигает брови, лицо—кусок льда. Смуглый человек упирает в него свой горящий взгляд, лед темнеет и на чистейшем русском языке пассажир с трубкой раздраженно говорит смуглому человеку:

— Какого черта вам от меня нужно? Это невежливо, милостивый государь!

Глава 6-я краткая и всем, вероятно, понятная.

«Вашему высокоблагородию доношу, что мы напали на след трубки. Распорядитесь установить дежурство троих вооруженных агентов в Павловской улице, при доме Самосекина, рядом с чайной. По сигналу свистком занять выходы во двор и на улицу. Лично доложу ночью. Стрелок».

— Очень хорошо! Оч-чень, оччень хорошо!—улыбается ротмистр и забирает в гол служебную записку помощника.

Глава 7-я посвящается березовому веннику, казенному сену и голодной лошади.

На крыльце флигеля во дворе штаба полка стоит краснолицый капитан и наблюдает за тощей кобылой под седлом, которая щиплет грязный березовый веник. Прапорщик Дымов с чемоданом входит во двор.

— Костюмеров!—кричит капитан в дверь флигеля.

На крыльце появляется тощий зауряд-чиновник с карандашом за ухом.

— Почему лошадь ест веник?—говорит капитан.

— Кушать хочет,—отвечает зауряд-чиновник.

— А почему ее не кормят?

— Сена нет.

— А куда оно девалось?

— Два воза для коровы командира полка, два воза начальнику хозяйственной части, два воза вам, воз мне и воз полковые лошади скушали.

— Гм,—сказал капитан, покачал головой и ушел во флигель.

— Плясалов!—крикнул в дверь зауряд-чиновник.

На крыльце бравый фельдфебель глаза на выкате.

— Чего изволите?

— Набей рожу ординарцу. Его лошадь казенный веник с'ела. Привязывать лошадь надо к забору.

— Так она и забор с'ест, Михал Михалыч. Голодает скотина.

— Кормить надо,—сурово замечает зауряд-чиновник.

— А где сена взять? Из новокупки четыре воза вам, три воза...

— Тише,—обрывает зауряд-чиновник, показывает глазами на прапорщика и уходит во флигель.

Фельдфебель идет за ним и скоро возвращается с рябым ординарцем.

— Вот здесь лежал веник,—показывает рукой фельдфебель.

— Точно так, лежал.

— Что такое веник?

Ординарец нерешительно говорит:

— Что такое веник-с? Веник-с, это дар божий.

— Врешь! Веник—казенная вещь, инвентарь, а ты скотину допускаешь, рябая рожа. В другой раз за это вывеску набью и в маршевую роту прогоню. Чуешь?

Фельдфебель величественно уходит. Ординарец подбегает к лошади, злобно бьет по морде и приговаривает:

— Не ешь веник, не ешь веник!

— А ты сам, приятель, каждый день обедаешь? — раздается насмешливый вопрос.

Глава 8-я. Неожиданный результат минутного разговора о лошади и венике.

Обернувшись солдат видит незнакомого прапорщика. Делает подковырек:

— Так точно, каждый день обедаю, ваше благородие.

— А лошадь можно не кормить?

— Никак нет.

— За что же ты бьешь ее?

— Казенный веник слопала.

— Значит, веник дороже лошади?

— Лошадь дороже веника, ваше благородие.

— А ты дешевле веника?

Солдат стоит вытараща глаза.

Не понимает, почему он должен быть дешевле веника.

— Тебя за веник ругал фельдфебель?

— Так точно.

— Значит, грязный веник ему дороже тебя... Как пройти к командиру полка?

— Вон в ту дверь, а там писаря покажут.

Оставшись один, солдат сосредоточенно смотрит в землю, потом поворачивается к флигелю и бормочет с ненавистью.

— Веник дороже человека? Ну, и начальство!

Глава 9-я, в которой опять говорят о Человеке с трубкой.

Командир полка шагает нервно по кабинету. Жандармский ротмистр вполголоса говорит:

— Как я сумею описать его, если сам ничего не знаю? Известно одно прозвище: Человек с трубкой. Чорт его знает, что это за человек и какая такая трубка у него.

— Он может взбунтовать солдат?—жалобно спрашивает командир.

— Все может эта гадина,—отвечает ротмистр.—Вы слышали, что творится на фабриках, на базарах, в трактирах—езде, где толпится простой народ?

— А что такое?

— Волнения, ропот, зреет бунт. Я уверен, что это *его* работа. Смотрите в оба за солдатами полковник. С ними тоже неладное.

— Что такое?—пугается командир, потяя от волнения.

— Солдаты тоже ропщут. Моя обязанность предупредить. Берегитесь, это *его* работа.

— Боже, какие ужасные времена!—растерянно восклицает командир.—Что же делать?

— Твердость, спокойствие и решительность, полковник. Бдительность и осторожность! Моя обязанность предупредить...

Ротмистр встает, кланяется. Командир открывает дверь кабинета, провожает гостя, который бросает мельком взгляд на столы канцелярии.

где десятка два писарей скрипят перьями, щелкают счетами, стучат машинками.

— Образцовый порядок.—мило льстит ротмистр, останавливаясь у выхода.

В это время в дверь входит прапорщик Дымов с чемоданом в руке. Поставив чемодан к сторонке, он подходит к столу дежурного писаря и громко спрашивает:

— Доложи обо мне командиру полка.

— Командир заняты сейчас.—сообщает писарь.

— Тогда я подожду,—решает прапорщик и, вынув из кармана шинели маленькую трубочку, говорит так громко, что слышно во всех углах большой канцелярии:— Дай мне спичку закурить трубку. Свои спички где то потерял.

Глава 10-ая, посвященная маленькой трубке, которую рассматривают ротмистр с полковником.

— Извините, я позабыл на вашем столе перчатку.—внезапно вспоминает ротмистр, берет полковника под руку и ведет с собой обратно в кабинет, шутливо замечая на ходу:

— Перчатка эта для меня дороже жизни, боюсь ее потерять. Я вам не рассказывал истории моей единственной перчатки? Придется отнять у вас еще минутку и...

Войдя в кабинет, ротмистр взволнованно и торопливо шепчет в ухо полковнику:

— Этот офицер с трубкой! Понимаете? Я буду в вашем кабинете... Позовите сюда этого офицера... он пришел к вам... у него трубка... хладнокровие!

Командир бессильно падает в кресло, прижимает дрожащие руки к седым вискам и хрипло кричит в дверь:

— Позвать адъютанта, эй, кто там!

— Не волноваться!—грубо, начальнически замечает ротмистр, садится напротив и с громким, деланным смехом, говорит:—одна женщина подарила мне пару отличных замшевых перчаток. Когда она меня бросила, то—представьте себе!—потребовала эти перчатки назад... да смейтесь же, чорт возьми,—яростным шопотом приказывает ротмистр полковнику, который сидит истуканом.

— Чего изволите, господин полковник?—влетает расторопный офицер, почтительно сгибая спину и щелкая шпорами.

— Хе-ех-ех-хе.—с усилием, словно икает, смеется командир.—Замечательно... хе-хе... интересно... хе-хе-э-эх-эх-хе.

— Чего прикажете?—повторяет офицер

— Какие там еще дела, бумаги, давайте. Ктонибудь спрашивал меня? Зовите сюда!

— Новый прапорщик прибыл в полк. Пришел с рапортом.

— Давайте сюда.—страдальчески морщится командир,—тысячу раз говорить!

— Сью минуточку.

Адъютант бабочкой из кабинета и торжественно возвращается с новым прапорщиком. Прапорщик рапортует о прибытии. После рапорта ротмистр делает усталый зевок и, отвернувшись к окну, внимательно рассматривает ближние крыши. Адъютант садится за соседний стол. Командир зорко разглядывает прапорщика, который спокойными глазами глядит на командира. Последний долго молчит и вдруг задает вопрос, от которого ротмистр гневно багровеет.

- А вы курящий?
- Так точно.
- Папиросы или трубку курите?
- Трубку, господин полковник.
- Тэк-с.

Полковник молчит.

— Виноват,—мягко улыбается ротмистр.—Разрешите полюбопытствовать, почему одни курят папиросы, а другие трубку?

— А—вероятно—потому, что одним нравится папироса, а другим трубка,—с легкой усмешкой отвечает прапорщик.

— Гм, кхы,—кашляет командир. Однако, ответ... не того...

— Не имею понятия об удовольствии от трубки,—ласково улыбается ротмистр, попутно обжигая командира сердитыми глазами.

— Ну-те-ка, покажите вашу трубку, дружок? — решает командир заглазить свой промах, но, посмотрев на ротмистра, чувствует, что сделал новую глупость: ротмистр до крови закусил губу, стул под ротмистром трещит.

— Извольте,—вынимает прапорщик из кармана трубку.

Трубка похожа на маленький наперсток с длинным черенком.

— Отличная трубка, — бормочет сконфуженный полковник, разглядывая вещь.

— Интересно, сколько в нее надо табаку?—спрашивает ротмистр, виваясь глазами в трубку.

— Не мерял,—отвечает прапорщик спокойно.

— Фунта на месяц достаточно?

— Можно и пуд выкурить при желании.

— Гм, кхы,—строго кашляет полковник.

— Ну-с, мне пора,—поднимается ротмистр, красный от бешенства.

— Честь имею кланяться..

И уходит с веселой улыбкой на лице, с ненавистью в сердце.

Глава 11-я. «Это он! Немедленно приму меры к аресту этого негодяя.

Так думает ротмистр, торопя кучера.

— А тот дурак едва не раскрыл карты,—ругает он мысленно командира. — Нужно же было с таким ослом болтать. Живо! Скорее!—кричит он кучеру.

Кучер бьет лошадь, которая мчится с быстротой гончей собаки. Прохожие изумленно смотрят вслед.

— Что-то случилось,—думают они.

Глава 12-я. Еще девять человек с трубками.

Та же комната с лампой при зеленом абажуре. Ротмистр слушает доклад помощника, пожимает плечами, щиплет усы, нервно барабанит пальцами по столу. Он оглушен новостями помощника, он ничего не понимает.

— Мы арестовали девять человек,—ликует помощник. — Засада взяла троих в доме Самосекина. Двоих арестовал я лично на вокзале. Остальных агенты накрыли в разных местах. Один скрылся. Стреляли, но безрезультатно.

— Что вы наделали?—со стоном восклицает ротмистр.—Человека с трубкой обнаружил я сам! Самого настоящего.

— Извините, наши то же не поддельные,—обидчиво возражает помощник.—Мы работали на совесть.

— Но который из них настоящий? — плачущим, злым голосом спрашивает ротмистр.—Предписание говорит об одном, а тут вдруг де-

еять! Это невероятно, тут какая то ужасная глупость. Послушайте, я с ума схожу. Что мы будем делать с ними? Нас поднимут на смех. Это скандал, позор, срам... о, проклятый человек с трубкой.

Помощник молчит. Он соображает: действительно, произошла какая то путаница.

— Допросим, а там видно будет,—робко замечает он.

— За что взяты эти девять человек?—отрывисто, резко задает вопрос ротмистр.

— Двое на базаре взяты... Разговаривали о мире с немцами и... и... оба курили трубки. Трое в доме Самосекина взяты за то, что один из них... курил трубку, а прочие подозрительно перепугались. Я на вокзале задержал двоих, потому что... потому что... оба курили подозрительные трубки.

— Как это все глуп-по!—со скрежетом зубовым шипит ротмистр.

— А почему вы думаете, что ваш настоящий?—несмело говорит помощник.

— Почему? Потому что, потому что... ах, уберите вы к черту с вашей дурацкой трубкой!—рычит ротмистр и тяжелой гирей опускает кулак на стол.—Я ничего не понимаю, ни-че-го! Слышите!

Глава 13. где автор приподнимает краешек занавеса, чтобы читателю дать ключ к дальнейшим происшествиям.

— Куда мы назначим прапорщика?—спрашивает адъютанта командир, измученный загадочным поведением ротмистра.

— В двенадцатую роту нужен младший офицер.

— Вы назначены в 12 роту,—сухо говорит командир.—До свидания, прапорщик Трубка.

— Дымов,—поправляет с улыбкой прапорщик.

В коридоре он берет свой чемодан, выходит во двор и, оглянувшись по сторонам, за поленицей открывает чемодан, в котором находит записку:

«Служка, пароль открыт, явка провалена, осторожность, фабричные уцелели, ждите».

Слегка поморщившись, прапорщик катает записку шариком, кладет в трубку, которую не спеша закуривает. Потом выколачивает пепел и на улицу.

Глава 14-я о том, как прапорщик Дымов приступил к служебным обязанностям.

Полк обучается за городом. Тысячи грязных, оборванных людей одиночками, по двое, шеренгами, отделениями, взводами на огромном лугу маршируют, кричат ура, колют чучела, щелкают затворами ружей. Офицеры в шпорах и без шпор, с золотыми и защитными погонами, в щегольских френчах и простых гимнастерках, молодые, пожилые и старые прохаживаются мимо солдат, курят и смотрят на часы.

На опушке ближнего леса торговая армия баб и мальчишек с молоком, хлебом, яблоками, табаком, семечками, квасом. Перед лесом розь, в которой ныряют белые платки жней.

Цепи солдат наступают на розь. Она изображает врага. Это двенадцатая рота обучается атаке. Растопыря руки с газетой, позади солдат бредет чернобородый прапорщик. Это командир роты. Перед цепью солдат на правом фланге шагает коренастый прапорщик. Это Дымов.

— Прячьте головы,—наставляет он. Во время боя пули летят, как пыль.—Нет ли кого из бывших на фронте?

— Я был, вашбродь.

— Расскажи нам, как там пулями угощают.

— Одна ужась, вашбродь. Словно дождем прыщут.

— Многих убивают?

— Бугры вашбродь.

— Вот, значит, и надо хорошенько окапываться, чтобы напоказ не торчать. А ты, дядя, не так лежишь, бок под пули выставил. Непременно убьют. Оставишь бабу вдовой. Ребятишки, поди, есть?

— Шестеро, вашбродие.

— Вот видишь... значит, прятать бок надо. От снаряда никуда не спрячешься, а от пули можно побережся. Эй, фронтовик, не знаешь ли, как от снаряда прятаться?

— Никуды не спрячешься, вашбродь, ежели окопа нет.

— А в окопе не достанет?

— И в окопе достанет, ежели снаряд большой...

— Ну, авось—на счастье в нас маленькими стрелять будут.

Дымов идет к другой цепи. Оставшиеся рассуждают:

— Душу выворачивает...

— В самое сердце перчит...

Глава 15-ая рассказывает еще про одну трубку.

*В. Спешно.
секретно.*

Командиру полка

Командира 8-ой роты

Рапорт.

Допошу:

Сегодня, 18 сентября, во время послеобеденных занятий при обучении штыковому бою рядовой 2 взвода, 3 отделения Харчугин Николай убил младшего офицера прапорщика Пенько, в грудь которого воткнул штык до штыковой трубки. По словам Харчугина, он убил Пенько за плохое обращение и побои во время обучения»...

— До штыковой трубки!.. еще одна проклятая трубка!—в ужасе восклицает командир полка.—Да что же это за напасть такая!..

Глава 16, где один хотя и без трубки, но с трубкой, прочие пусть с трубками, но без трубок, а двое с большим носом.

— Вот этот нынешний гусь и есть самый настоящий Человек с трубкой—с торжеством говорит помощник ротмистру.—При обыске не нашли у него никакой трубки, а записки его ясно указывают, что он с трубкой. Все прочие пускай с трубками, но на деле то они все без трубок, то есть самые безвредные люди. Да, вот вы сами увидите! Можно ввести?

Разговор в комнате, где помощник инструктировал оборванцев с солдатом и где желтый шкап. Ротмистр задумчивый и хмурый нервно черкает карандашом по столу.

— Давайте,—цедит он сквозь зубы.

Через минуту помощник вводит в комнату худощавого человека в пенсне. Бледное лицо, глубокие темные глаза и насмешливые тонкие губы незнакомца ротмистр рассматривает с большим вниманием и невольным уважением.

— Садитесь,—показывает он на табурет против своего места.
Помощник, опустив руки в карман, сторожит у двери. Незнакомец молча садится.

— Давно сюда пожаловали?—любезно улыбается ротмистр.

— Это вы знаете сами,—коротко бросает незнакомец.

— Почему?

— Такая ваша профессия—все знать, слышать и видеть.

— Мерси,—мило благодарит ротмистр. — Но, может, укажете нам точный срок?

— Не укажу.

— Почему?

— Потому что моя профессия—все скрывать от вас.

— Зачем вы сюда приехали?

— Местность нравится.

— Природа или люди?

— Если не считать вас за людей, то и люди нравятся.

— Откуда вы приехали?

— С луны свалился.

Ротмистр гневно краснеет, нервно кашляет.

— У вас, видимо, веселое настроение?—замечает он ехидным голосом.

— Отличное настроение,—невозмутимо отвечает незнакомец.

— Напрасно, на вашем месте я держал бы себя несколько иначе.

— Если угодно, садитесь на мою табуретку. я вон там сяду,—предлагает незнакомец и показывает глазами на скамью.

Ротмистр багровеет.

— Послушайте, черт возьми, я запрещаю говорить со мной таким тоном!—кричит он, сдвигая брови.

— А я разрешаю вам даже тоном выше,—следует хладнокровный ответ.

— Довольно!—решает ротмистр, поднимаясь.—Сейчас же заковать в кандалы, отправить в Москву, сегодня же.

— Благодарю за хлопоты,—мне, кстати, очень надо в Москву—спокойно замечает незнакомец.

— Распорядитесь заковать эту личность и марш из города,—бросает ротмистр, величественно удаляясь из комнаты.

— Не полагается так, сударь мой,—укоризненно говорит незнакомцу помощник ротмистра, когда они остаются одни.—Это в законе называется отягчающим обстоятельством.

— Разве у вас имеются и полегче кандалы?—Любопытствует незнакомец.

— А вот сейчас узнаешь, какие у нас кандалы. Поскучай здесь минутку.

Помощник уходит, слышно, как гремит железный запор. Почти в то же мгновение открывается дверца большого желтого шкапа и сдавленный шопот командует:

— Стогов! сюда живо!..

Когда через некоторое время помощник возвращается вместе с чернявым человеком, который несет кандалы, в комнате пусто. В помощника словно молния ударила. Придя в себя, он бросается к окнам. Решетки целы и стекла не разбиты. Выхватив из кармана револьвер, помощник змеей глядит под стол, ползает по полу, прыгает на шкаф. Незнакомец исчез.

Тогда помощник в диком ужасе, стреляя в стены и в потолок, бросается к выходу с безумным воплем:

— Держи-и-и! Трубка сбежала!..

Глава 17 описывает чудеса в решетке.

В той же комнате, полной людей с револьверами, беснуется ротмистр, который жестикулирует кулаками перед носом помощника, топает ногами, брызжет слюной и визжит:

— Оцепить всю улицу! Поднять всех на ноги! Звонить в сыскное, в полицию, на вокзал! Обыскать весь город!

— Все сделано, Васс-ссс-коро-одне!—дрожащим голосом отвечает помощник с лицом блее мела и синими губами.

— Осмотреть пол, потолок, выстучать везде молотком! Открыть шкап! Что в шкапу, гардероб?

— Костюмы для агентов...

— Жи-ваа открыть, не рассуждать! Где ключ? Не надо ключа! Перец, сбей дверь.

Дверь шкапа с треском отлетает. Пиджаки, брюки, рубашки всех цветов, сорочки, парики, сапоги, лапти, шляпы, картузы и другие наряды летят вон под яростной рукой ротмистра, который до пояса в шкапу.

— В стенке дыра!—взвизгивает он, показывая присутствующим обезображенное бешенством лицо.—Перец, Кенарейка,—ж-жи-ваа в дыру!

Не в силах сдержатъ бурю злобы, ротмистр несколько раз стреляет в шкап. Два агента друг за другом исчезают в шкапу.

— Пролом в стене,—говорит один.

— Лезь!—кричит ротмистр.

В комнате тишину ожиданья прерывает только частое, со свистом дыханье ротмистра. Несколько голов наклонились к шкапу, в руках револьверы. Минута, другая молчания. Где то под полом раздается глухой звук выстрела, еще, жалобный крик.

— Смелей!—кричит ротмистр, наклоняясь к дыре.—Печеный, Бичева, Токарь,—марш туда на помощь!

Три агента покорно лезут в шкап, бледнея от страха.

Опять тягостное ожиданье. Но вот под полом глухой шум, говор, болезненный стон.

— Принимайте Кенарейку,—слышится голос из шкапа.

— Что такое?

— Ему Перец ногу прострелил.

— Возня. Из шкапа ползет, охая, бледный агент, за ним другие, в пыли, в паутине, в известке. Последний несет решето яблук, на которых белый лоскут бумаги.

— Это что такое?

— Записка, васкородие.

Ротмистр читает:

«Зря вам деньги платят, плохая работа. В Москву ехать раздумал. Человек с трубкой».

— Там подвал,—докладывает агент ротмистру.—Яблоки с прочими продуктами лежат. Одно окно в сад. В подвале никого и в саду пусто. Около разбитого окошка лесенка и вот это решето. Перец впотемках принял Кенарейку за бегуна, подшиб нечаянно...

— Ка-кой скан-дал,—по слогам со стоном шепчет ротмистр и обомли кулаками грозит кому то в пространство.

— Говорил я, что сегодня мы самую настоящую трубку накрыли! с плачем восклицает помощник.

Глава 18. Отличный помощник дежурного офицера по полку.

Поручик Сатанелов, тщательно выбритый, благоухает духами, дешевой сигарой, ваксой щегольских сапог, смотрится в крошечное зеркало и, картавя в нос, просит:

— Пажагаста, прапогщик Дымов, я вас прошу, очень прошу. Провеите все кагаулы и особенно гауптвахту, где этот газбойник, котогый нашего Пенько уложил. Гасстеляют, повесят прохвоста... через неделю военно-полевой. Сволочь, поднять гуку на офицера! Я, знаете, эту скотину сапогом в хаю пинал... Так провеите кагаулы, прапогщик Дымов?

— Проверю.

— Отлично! А я поеду в концент... отличные женщины в этом годе, прапогщик Дымов. И все в меня влюблены. Как это вам нгавится?

— Для меня это безразлично, поручик.

— Ну, как хотите. Кстати, нет ли у вас мегочи... копеек семьдесят? У меня, представьте, только крупные, а мне нужно немного мегочи.

— Гривенник могу предложить.

— М-м. Ну, что делать, давайте гхивенник.

— Извольте, господин поручик... виноват, только девять копеек, господин поручик... у меня тоже крупные...

— Э-э... м.м.м, а крупных не можете?

— У вас свои есть, а мои мне самому нужны...

— Ну, хогошо, давайте девять копеек...

Глаза прапорщика высекают веселый огонек, когда он передает деньги.

Оставшись один, он долго шагает из угла в угол караульного помещения. Лицо сосредоточено, на лбу морщины. Он как бы решает какую то мудреную задачу. Потом садится к столу и шипит левой рукой на маленьком плочке бумаги, который прячет на груди шинели.

В полночь прапорщик Дымов входит в помещение гауптвахты. Караульный начальник, седоусый хоход рапортует. Происшествий никаких не случилось.

— Преступника хорошо сторожите?— строго спрашивает прапорщик.

— Стараемся, вашбродь.

— А ну, посмотрим.

Караул наряжен прочный, надежный—из кадровых учителей. Перед дверью каморки часовым глазастый ефрейтор.

— Открыть дверь!

Убийца офицера Панько не спит. Прапорщик встречает глазами презрительный, полный ненависти, горящий взгляд худоцавого солдата с нервным лицом. Убийца лежит в соломе на полу.

— Он не закован?

— Никак нет, здесь прочно, не вырвется.

— Харчугин, жалоб и заявлений никаких нет?

— Нет,—сухо замечает арестант.

— Ты бы хоть евангелье читал, раз не спишь. Знаешь ли грамоту?

— Знаю.

— Вот и читай евангелье.

— Не надо евангелье.

— Дело твое... Постой, это что у тебя в кружке?

— Пустая кружка.

— А вот погляжу... действительно, пустая. Караульный начальник, дверь крепко запирается, надежно?

— Так точно, вашбродь.

— Покажи... У меня, чтобы смотреть зорко. Дежурный по полку приказал усиленно смотреть за этим молодчиком. Слышишь?

— Так точно.

— *Не забывай* распоряжения дежурного по полку. Ну, запереть дверь!

Прапорщик Дымов тщательно и долго рассматривает запор, так что часовой должен отойти от двери, которую охраняет.

Покинув гауптвахту, прапорщик долго стоит перед окном преступника, чтобы—видимо—убедиться в бдительности наружного часового.

Глава 19, в которой автор приподнимает другой краешек занавеса, чтобы читателю дать ключ к последующим событиям.

Когда прапорщик Дымов первый раз вошел в канцелярию полка и громко спросил спичку для трубки, скуластый белокурый писарь на крайнем столе поднял голову, внимательно взглянул в его сторону. Когда прапорщик прошел в кабинет командира, скуластый писарь поднялся, и направился к выходной двери, загнувшись ногой за чемодан прапорщика и, покачав виновато головой, бережно переставил чемодан на другое место, в темный уголок.

Сейчас скуластый писарь торопливо пишет карандашом записку.

«К полку сегодня приставлены глаза. В канцелярии, видимо, двое. Усиленно глядят. Вчера С. бежал. Для Х. готовляем, встретят, укажут дорогу. На фабриках скоро жарко, топят сильно. Теперь особенная осторожность».

Дописав, свертывает трубочкой и торопливо выходит в корридор, где прапорщик Дымов с группой офицеров ожидает казначея. Увидя писаря, прапорщик роняет перчатку на пол.

— Ваше благородье, перчатку обронили,—поднимает писарь.

— Спасибо... где же другая перчатка? В карманах... нет, где же она?.. Посмотрю на улице...

И прапорщик Дымов быстро выходит за дверь. Искать перчатку.

Глава 20-ая. По причине темной ночи поздней осени не видно в пустынном переулке лиц трех фигур, которые вполголоса говорят.

1-ая фигура.—У нас недурно дела. С маршевскими ротами снабжаем фронт прокламациями. Здесь ребята подобрались хорошие, надежные.

2-ая фигура.—А мы вклиниваем наших фабричных в среду ваших. У рабочих много знакомых солдат.

3-ая фигура.—Жены фронтовиков крепко помогают... Кончай войну, требуют они...

2-ая фигура.—Народ изморился, устал озлоблен. Сегодня камнями провозжали коляску нашего хозяина. Свистели, кричали: «жирный паук!» На базарах гул о дороговизне.

1-ая фигура.—Раненные тоже гудят.

3-ая фигура.—Вся страна волнуется. Скоро закурим...

2-ая фигура (опасливо).—Тсс, шпик нагнал опять. Вон прижался у того столба, где лужа блестит.

1-ая фигура (быстро).—В разные стороны, скорее! Я останусь. Пора проучить. Следы заметем старой запиской.

2-ая фигура.—А вдруг засада?

1-ая фигура.—Тогда выручайте, а пока оба сразу назад. Ступайте!..

Две фигуры круто поворачивают назад, исчезли в темноте. Третья решительно, быстро шагает вперед среди переулка, тоже пропадает во тьме, в которую внезапно вшиваются и тухнут две красные вспышки.

Два выстрела, крик, тревожный свист, еще выстрел, быстрый топот.

И снова в пустынном переулке тишина темной ночи поздней осени. Где то вдали торопливо допочут полицейские свистки.

Глава 21-ая. Из хроники местной газеты.

«Позавчера в Завражном переулке произошел кровавый случай. В третьем часу ночи началась ужасная стрельба, слышались отчаянные просьбы о помощи. Подоспевшая полиция в дождевой луже обнаружила убитый труп неизвестного прохожего жителя следующего описания. Возле трупа убитого покойника валяется поношенный и в грязи котелок. На простреленной груди жертвы довольно чистая но грязноватая крахмальная грудь-манжика при галстуге и крахмальный воротничек в дожде, то-есть подмоченный лужей. В правой руке окоченелый револьвер при всех пулях. На трупе обнаружена напечатанная пишущей машинкой бумажка с такими словами: «Человек с трубкой закуривает». Что обозначают эти таинственные слова, никто нашему сотруднику не мог объяснить. Да, небезопасно стало ночью в нашем городе мирному населению при таких непорядках и убийствах. Пора бы поставить керосиновые фонари, а полиции не в будках сидеть надо, а бодрствовать. Кавсан консулес, говорили римские мудрецы. А мы скажем, кавсант господа отцы города, которые только умеют в своих лавках на товары дороговизну накидывать.

Трезвое Око».

Глава 22-я. Из приказа по полку, параграф 12.

«Вследствие тревожных толков в городе о лицах, курящих трубки, и вследствие нежелания предметом таких разговоров видеть подчиненных сверенного мне полка предписываю:

1) с сего числа запретить курение трубок во всех ротах и командах полка;

2) имеющиеся трубки упразднить;

3) командирам батальонов и рот, господам офицерам за исполнением надблости и разъяснить нижним чинам об отмене трубок».

Глава 23-я, в которой трубка дымит без огня.

Казарма ночью. На сырых стенах коптят жестяные лампы. Два этажа нар. Под шинелями сотни солдат храпят, стонут во сне, охают, бормочут, чешутся.

Кислый хлеб, мокрые портянки, копоть, табачный дым смешались в терпкий запах.

Дежурный по роте спит поперек входной двери, чтобы начальство не накрыло. Дневальный наклонился к мигающей лампе на столе и пишет на родину:

«И еще кланяюсь низко дядиньке Якову Васильевичу и еще со любовью niskий поклон тетиньке Алене Митревне и мое почтение.

А служу еще я на старом месте и скоро на фронт погонют и конца краю мученью не видно. Очень даже сильно шибко надоела всем нам такая жизнь и лучше бы смерть пришла, до чего война надоела»...

Дневальный так увлекся письмом, что не слышит возни у двери и вскакивает только при сердитом окрике:

— Спишь, скотина?

— Никак нет-с,— уверяет кого-то дежурный по роте.

— Врешь, мерзавец! Отчего рожка вспухла?

— Поручик Сатанелов ушибли, васкродье.

Входит помощник командира полка, с ним незнакомый офицер, еще офицер, чужой фельдфебель.

— Эт-та что?—помощник командира берет со стола письмо дневального.—Какая мерзость... кто это писал.

— Мы, — вас-сокородие!
— Как твоя фамилия?
— Старичков, вассокородие!
— Взять Старичкова!.. Эта-та что такое?
— Сочиненья Пушкина, господин полковник, козыряет офицер.
— Взять Пушкина! Эт-тэ чтэ-э-э т-тэ-экоэ? Откуда жидовская газета? Чья это газета?

Шум поднимает солдат, которые морщатся, зевают, кашляют.

— Взять газету!.. А что в этом сундучке?

На пол выброшено из сундучка солдатское имущество. Штаны, рубаха, наперсток, пачка писем, крендели, осьмушка махорки.

— Чей сундучок?

— Мой, ваше сиятельство, — говорит ражий дядя, борода лопатой.

— Дур-ррак! Устава не знаешь!..

— Точно так, ваша светлость. Неприиспособлены мы...

— К чему неприиспособлен? — щурится помощник командира.

— А вот к такой жизни... К оружию здешней.

— К чему же ты приспособлен?

— Крестьяне мы и грязя не допущает, чтобы оружием понимать...

Домой бы!

— Ма-а-алчать! Своего долга не понимаешь... А что в этом сундучке?

— Обыск — шепчет казарма.

Начальство смотрит под тыфяками, трясет одеяла, осматривает подушки, шарит в карманах шинелей, ищет чего то в шкапчиках.

— Эт-то что в мешечке?

— Сушена ящерица, вассеродие. От клопа, говорят, пользительна, ежели у постели повесить. Зажрали, окаянные...

— Не трогать ящерицу!.. Эт-тта кто т-такой? Взять!

Фельдфебель за ногу тащит из-под нар перепуганную старуху в козухе.

— Это мамаша моя, — объясняет пожилой солдат. — Извините... как, значит, на позицию скоро, так вот проститься приехала... сухарей привезла.

— В-вон эт-ту бабу, немедленно вон!

— Ваше высокое благородие, дозвоьте мамаше переночевать. Деваться некуда.

— В-вон! На постоялый двор может... Эй, баба, а-арш отсюда! Дежурный, гони вон бабу!.. А в этом сундуке что?..

— Полотенце... портянки... кислые носки... варежки... письма...

Трубка...

— Стой! Трубка! Где трубка? Чья это трубка?

— Моя.

Владелец трубки черноусый солдат. Холодное, каменное лицо. Маленькие уши. Упрямый подбородок. Глаза — глубокий, немой омут. На правой щеке шрам.

— Ты слышал приказ по полку? Упразднить трубку! А?

— Почему прячешь трубку? В рожу захотел?

— Не имеете права в рожу, — твердо говорит черноусый человек.

— Что-о-о?

— Не имеете права в рожу, запрещено бить солдат.

Ладонь полковника метнулась в сторону и пощечина резким бичем щелкнула в казарме.

Солдат сжал губы, сдвинул тонкие брови, омут загорелся желтым огнем и полковник невольно отвернулся. Ему почудилось, что на него взглянула сбесившаяся кошка, которая готова прыгнуть.

Глава о веселом празднике, который омрачил рядовой Харчугин.

Под управление капельмейстера Фистанки гремит подковой оркестр. В залах купеческого собрания душно, весело, людно. Концерт-бал-кабаре в пользу инвалидов войны. Над входом плакаты.

1. Пожертвуйте, что вам не нужно.

2. С миру по нитке — голому рубашка.

3. Потомки, на вас смотрят Минин и Пожарский.

Внутри говор, смех, танцы, серпантин, конфетти, цветы, мороженое, шампанское, женщины, офицеры, чиновники, купечество. Давка.

Снаружи безлюдная, холодная улица, покрытая первым снегом. Черные пятна лошадей и кучеров, которые смотрят в окна, греют плясом озябшие ноги, курят. Обрывки замечаний:

— Ишь, выхлывают...

— Пьяных то сколько!

— Кому радость, кому слезы.

— А который час?

— Три скоро...

— Чтоб их разорвало! Каждый день у них праздник, а ты мерзни.

— В окопах, поди, совсем не годится сейчас. Сын писал: залило водой, вошь заела. Мыла просит.

— Гниет народ...

— Скоро ли напасть эта кончится?..

— Конца краю не видно.

Внутри гремит — ура! Музыка играет туш. В одной из зал офицеры подкидывают к потолку почетного распорядителя вечера, владельца самой большой фабрики в городе. Встав на ноги, он достает из кармана сюртука платок, прижимает к сухим глазам и говорит, морща ишеничное лицо так, словно собирается чихнуть:

— Господа офицеры... до глубины сердца тронут... спасибо, мерси. Располагайте, в случае чего. Солдатам фабричные бани, а вам... всегда гости... прошу всегда... мерси, я кончил!

— Ур-ррра!..

Фабриканта снова к потолку. Музыка опять туш. Зрители плотной стеной обступили героя вечера. Впереди всех командир полка, который аплодирует и командует офицерам:

— Еще, еще!..

В это время вбегает в залу офицер в караульной форме. Расталкивая гостей, пробивается к командиру полка, взволнованно кричит:

— Господин полковник, по срочному делу! Разрешите?

— Что такое?

— Рядовой Харчугин, убийца Пенько, сбежал с гауптвахты.

— Куда сбежал? — восклицает командир.

— Неизвестно.

— Как он посмел?

— Не могу знать. Караул спит, опоили чем то, господин полковник.

— Что же это такое? — раздается в злощастной тишине растерянный вопль командира.

— Не могу знать, господин полковник.

Присутствующие безмолвно, тревожно переглядываются. Смех потух, музыка молчит, вечер испорчен.

Глава 24-я. Хлопачевский не забыл.

— Помяните мое слово, этот субъект наделает нам неприятностей.

— Почему вы так думаете?

— Много причин. Я за ним внимательно наблюдаю. И—знаете—мне кажется, он вроде переодетого агитатора. Совершенно не похож на офицера, никакой выправки и ужасно подозрительно держит себя.

— Теперь все офицеры без выправки. Какие это офицеры?

— О, нет! Другие уважают, например, вас, меня... почитательны, а этот груб, дерзок и... и... насмешлив. Наконец, разрешите мне снять последний камень с сердца и, так сказать, исполнить свою присягу?

— Ну?

— Вы обратили внимание, что среди солдат это самая популярная личность? О нем толкуют во всех ротах и командах.

— Откуда вы знаете?

— Мне говорят об этом... преданные люди.

— Гм. Что-ж говорят вам преданные люди?

— А вот что. Вы сами знаете, какое настроение умов сейчас. Война надоела всем.

— Не вижу.

— Это слепые видят, господин полковник. Везде ропот и недовольство.

— Ну, и что-ж из этого?

— А то, что эта личность, по моему, поддерживает этот огонь в нашем полку.

— Как он это делает?

— Этого не сумею сказать. Но что-то делает—для меня ясно. Я наблюдаю. Он может вызвать пожар.

— Чепуха!

— Поверьте, это так. Мой долг предупредить вас. Советую, пока не поздно, принять меры.

— Какие же меры?

— По моему, следует совсем избавиться от него.

— Каким путем?

— На фронт! Паршивую овцу из стада вон.

— Он и там будет паршивой овцой.

— А это не наша забота. И потом, авось, хороший бой и... и... вы понимаете?

— Подумаю, соберу справки... надо приглядеться.—решает командир полка.

Санки останавливаются у канцелярии. Помощник под локоть поддерживает командира, с которым был на смотре маршевых рот.

Глава 25-я. Дурак, а умный.

В офицерском собрании щелкают бильярдные шары, гремит рояль, в одной комнате играют в карты, в другой ужинают, а в третьей украдкой пьют, доставая бутылки из карманов. Большинство офицеров—прапорщики. Недавно прибывшие из военных училищ сконфуженно жмутся к стенам, на стульях сидят боком, шашками цепляются за собственные ноги, стулья и людей, краснеют и очень извиняются, прикладывая правую руку к непокрытой голове. Пробывшие в полку два-три месяца считают себя стариками, смотрят львами на молодежь и держатся капитанами.

— Потрудитесь встать, когда с вами говорит старший,—строжничает надменного вида юноша с погонами подпоручика и брезгливо морщит безусое лицо.

Дядя лет сорока с пышной седеющей бородой, но с погонами прапорщика покорно поднимает со стула свое толстоватое тело и почти-точно смотрит на юношу.

— Почему вы нынче опять не были в роте?

— Ревматизм замаял, господин поручик.

— А сюда шляться ревматизм не мешает?

— Скучно очень одному дома сидеть... извините.

Прапорщик Дымов ест щи. Напротив сидит командир его роты, тоже пожилой прапорщик. Лицо последнего расстроено, глаза печальны.

— Одного сына убили, другой в окопах,—глухо говорит он.—Вчера приснилось, будто его убили.

— Ну не всех же убивают,—утешает Дымов.—Хотя... нынешняя война вроде мясорубки. Много жизней пропало.

— Ох!.. И когда все это кончится?—вздыхает ротный.—Каждый день газеты читаю, а ничего не понимаю.

— Лет через пять кончится,—замечает Дымов.

— Что вы, что вы!—в ужасе собеседник.—Людей не хватит.

— Молодые подрастут, невозмутимо говорит Дымов.—Нет ли у вас еще сына?

— Типун на язык, извини за выражение!

— Ваше благородие, солдат с запиской от барышни,—сообщает Дымову вестовой.

В коридоре у вешалок ожидает знакомый великан с крепкими зубами и мясистыми ушами.

— От барышни,—говорит он, подавая бумажку.—Оченьно обижаятся и просят в гости. Счастливо оставаться!

Круто повернувшись, великан исчез за дверью. Дымов читает:

«Хлопача севодни с командиром катал и слова разные про вас, что бы на фронт и глядеть, потому опасный, а я дурак, да умный».

Глава 26-я (при участии хорошо одетых людей, совершенно секретная). Везде измена!

Действие в большом кабинете. Окна занавешены, двери плотно закрыты. За столом военные и штатские. Посредине полицмейстер, справа от него командир полка, слева жандармский ротмистр. Напротив полицмейстера рыжеусый брюхатый человек. Это городской голова. Справа от него в шюртуке представитель фабрикантов. Слева представитель купечества в просторном пиджаке.

— Господа, итак!—возглашает полицмейстер.—Высшим начальством приказано собраться и обсудить меры. Как и везде, у нас волнения пошли...

— На базаре вчера лавки хотели громить,—вставляет купеческий пиджак.

— На моей фабрике управляющего побили,—добавляет шюртук.

— Враги родины поднялись, к чему то готовятся,—продолжает полицмейстер.

— Это жида мутят,—вздыхает пиджак.

— Солдаты от рук, сволочи, отбились,—мрачно говорит командир полка.—Недавно триста самовольно разбежались в отпуск. Харчугина выпустили с гауптвахты. Какая то шайка орудет. Это измена!

— Везде измена!—уныло замечает ротмистр.—У меня сбежал при допросе важный государственный преступник. Предполагаю, что это знаменитый Человек с трубкой. У него везде сообщники...

— Человека с трубкой поймали?—восклицают присутствующие.

— Был схвачен, но сбежал,—бессильно разводит руками ротмистр.—Его сообщники, видимо, подкупили двоих надежных агентов, которые устроили пролом в стене. Они тоже скрылись.

В кабинете длительное тревожное молчание.

— Господа, обсудим положение, — робко предлагает полицмейстер. — Медлить невозможно, нужны меры.

— Вешать прохвостов, — заявляет командир полка, сдвигая брови.

— На кол сажать, — сердито бормочет купеческий пиджак.

— Рабочие жалятся на дороговизну, — говорит сюртук. — Нельзя ли рыночные цены понизить?

— А вы жалованье рабочим повысьте, — советует представитель купечества.

— Это невозможно... мы разоримся.

— Ну, так мы тоже не желаем разоряться.

— Господа, не забывайте, — отечество в опасности, — строго напоминает полицмейстер. — Нужно сообщать. Отчего не допустить вам маленькие жертвы на алтарь родины.

— А по моему, запретить разные волнения и баста! — кулаком по столу стучит командир.

— Совершенно правильно, — поддерживает купеческий пиджак. — Улицы оцепить казаками, солдатами, сборища разгонять. Строгость, да твердость нужна, господа хорошие.

— Вы как полагаете? — обращается полицмейстер к ротмистру.

Зажмурясь и мечтательно улыбаясь, тот откидывается на спинку кресла и тихо говорит:

— Я думаю, следует так. Не мешать. Лучший способ вызвать преждевременное движение. Когда обнаглеют, проучить. А чтобы не допустить опасного накопления гноя, своевременно осторожную операцию. Маленькое кровопусканье и... и... организм здоров.

— Верно, — соглашаются все хором.

— Молодчина, вашскродие, — одобрительно крутит головой пиджак.

Полицмейстер с просветлевшим лицом говорит:

— Вот и столкнувались, господа, к общему удовольствию. И отлично. Я, господа, с своей стороны предлагаю вот что. Поручим ротмистру разработать план. Мы все, конечно, всемерно содействуем ему.

Пиджак торопливо кивает в сторону ротмистра:

— С нашим удовольствием. В случае чего только мигни. А ежели там какие расходы, мы всегда готовы.

— В отношении расходов располагайте, конечно, — с готовностью улыбается сюртук. — Для родины ничего не жаль...

— Дело ясное, чего толковать, — перебивает развеселившийся полицмейстер. — Господа, озаменуем наше единодушие? Поедемте ко мне блины есть, а?

Глава 27-я, тоже совершенно секретная, но при участии плохо одетых людей.

Небольшая комната с рваными обоями. Единственное окно закрыто одеялом. В комнате солдатские шинели, рабочие пиджаки, две женщины в темных платках. В углу лопька на шесте, которую качает старуха. Полумрак — керосин в стеной лампочке выгорел, свет мутный и лиц не видно. Человек в пенсне говорит вполголоса:

— На днях мы — вероятно закуриваем. В Петербурге начались волнения, поднимается Москва, на фронтах расстрелы — солдаты бегут домой, ждут мира. Тыловые солдаты против войны, раненные рождают, рабочим надоело голодать. Так везде, всюду. Народ требует хлеба, мира, свободы. Не будем зевать, товарищи! На чеку будем.

Солдатская шинель. — У нас все готово. Хоть завтра полк встанет. Солдаты гудят.

Рабочий пиджак. — У нас тоже готово. Хоть завтра.

Женщина в платке. — У нас тоже...

Остальные.—И у нас... пора, надоело ждать!

Человек в пенсне.—Не будем горячиться. Решающий день неизвестен. Необходимо считать, мерять, взвешивать...

Рабочий пиджак.—Тогда фабрики без нас выйдут на улицу. Невозможно удержатъ.

Женщина в платке.—Все измучились, нервничают. Чем скорее, тем лучше.

Рабочий пиджак.—Только бы солдаты не выдали...

Солдатские шинели.—Не выдадут. Мы Харчугина выпустим... за ним все пойдут.

Человек в пенсне.—Он в надежном месте?

Солдатская шинель.—В надежном... Недавно у нас опять искали Человека с трубкой.

Все весело смеются.

Солдатская шинель.—Пускай ищут, для нас это лучше. Бесъ город толкует о трубке.

Человек в пенсне.—Когда же мы закуриваем?

В окно с улицы торопливо стучат. Сначала три раза, потом два, потом четыре. Старуха молча поднимается, выходит. Скоро она возвращается с солдатом огромного роста, который говорит, тяжело отдуваясь:

— Уф... беда, братцы. Его благородию Дымова взяли... это все Хлопач настроил. В канцелярии писаря Опискина взяли... это Хлопач, братцы... горло перерву этой сволочи. Двенадцатая рота арестована.

Все ошеломлены новостями. Человек в пенсне глухо говорит:

— Значит время закуривать.

Глава 28-я, в которой укрепляют воинский дух, играют в карты и чистят винтовки.

Прапорщик Дымов шагает по коридору 12-й роты с газетой в руках. Делать нечего; первый и второй взвод чистят винтовки, с третьим и четвертым беседует полковой священник о. Виталий. Для укрепления воинского духа раз в неделю он посещает каждую роту. Младшие офицеры сражаются в преферанс в ротной канцелярии, пользуясь отсутствием командира, который захворал. Батюшка ходит между нарами, на которых сидят солдаты.

— Зачем ты пошел на войну?

— Забрили, ваше преподобие.

— Неправильно говоришь. Ты пошел на войну защищать веру, царя и отечество. Повтори...

— Защищать веру, царя и отечеству.

— Совместима ли с духом Христа военная служба?

— Не можем знать... малограмотные мы.

— Вполне совместима. Значительное число наших святых были **воиннами**.

— Так я ж не святой...

— Тем более обязан... А кто скажет, почему мы воюем?

— Начальство приказывает.

— Неправильно. Мы воюем потому, что враги наши нарушили законы божеские и человеческие... А скажите, как должен воин держаться во время битвы?

— Штыком колоть, бить прикладом, зубами грызть врага...

— Верно, мой друг, но этого мало. Истинный воин должен просить Создателя о даровании победы и одоления.

Отвечая, солдаты встают на вытяжку, руки по швам. Здесь тихо, как в классе. Первый и второй взвод без начальства гудит пчелиным роем.

- Говорят, войне конец.
- Фабрики не работают. На улицах казаки...
- В бумажках велят оружие бросать.
- В каких бумажках?
- А на заборах наклеены.
- Чу, в Петербурге солдаты бунтуют...
- Откуда знаешь?
- От хороших людей слышали. Будто, сражение большое.
- Эх, кабы!..

Говорящий выразительно поднимает кулак.

— А то, что за жизнь! Одна утеха трубочка была, и ту отняли.

— Подожди, Митрич. Может закуришь свою трубочку.

В ротной канцелярии тоже беседуют о трубке.

— Семь червей... говорят, это какой то беглый каторжник.

— Пас... ерунда, господа. Я сам когда то курил трубку. По моему, дурацкий приказ отдал командир... насчет трубки. Солдаты смеются и потихоньку продолжают курить из трубки. Не бросать же, в самом деле, ежели привык человек к трубке. Словом, глупость... берите прикуп, я тоже пасую.

— Вообще, что то странное творится, господа. Какая то тревога в воздухе.

— В городе беспорядки начинаются... играю в червах. Начальство нервничает... хожу с козыря. Не понимаю, чего нервничать. Ежели беспорядки мешают, подавить и вся недолга.

— Некому подавлять, уважаемый.

— А солдаты для чего?

— А слышали, что в Петербурге творится?

Дверь канцелярии с треском открывается. Просунув голову, фельд-фебель испуганно шепчет:

— Ваша благородья, командир полка прибыли!

Глава 29 я, загадочная.

— Встать, смирно!.. Господа офицеры!..

В казарму торопливо входит командир полка в сопровождении помощника и группы офицеров.

— Где командир роты?

— Болен...

— Кто замещает?

— Я-с, господин полковник.

— Потрудитесь, прапорщик Головастиков, кончить занятия... Вы чем занимались?

— Первый—второй взводы винтовки чистили. Третий—четвертый на духовной беседе.

— Прапорщик Дымов в роте?

— Я здесь, господин полковник.

— Вы чем занимались?

— Газету читал.

— Почему не при своем взводе?

— При моем взводе полковой священник сейчас.

— Так-с. Потрудитесь отдать вашу шапку дежурному по полку...

Кстати, ваша трубка не при вас?

— При мне.

— Та-а-ак, милостивый государь. Ваша трубка тоже арестована... потрудитесь отдать трубку дежурному по полку.

— Я арестован, господин полковник?

— Арестованы-с, господин прапорщик... Трубка!.. Прапорщик Головастиков рота вся на лицо?

— Так точно, господин полковник.

— Ваша рота тоже арестована... вся! Никаких отлучек!

— Позвольте, а я то причем?—растерянно восклицает отец Виталий.—Меня за что?

— Ради бога извините, батюшка... вы, натурально, свободны. Прошу прощенья!.. Полковник Хлопачевский, потрудитесь приступить к обыску. Самый тщательный... господа младшие офицеры роты, прошу извинения... вы тоже будете обысканы. У меня предписание... пожалуйста в ротную канцелярию, вас там обыщут... прапорщик Трубка, пожалуйста...

— Господин полковник, разрешите доложить?

— Что вам угодно, прапорщик Головастиков?

— Я... видите ли... я должен предупредить... совершенно случайно, прошу поверить.

— Что такое?

— При мне... ей-богу, случайно... при мне три колоды игральных карт и... и еще, еще... у меня уж-жасно зубы болят, господин полковник... честное слово, не вру.

— Карты?.. Зубы? Причем тут зубы?.. ничего не понимаю...

— Не зубы, а скляночка, господин полковник... маленький пузырек... от зубов...

— Зубы, карты, скляночка, пузырек! Ничего не понимаю! Что вы хотите сказать?

— Пузырек, чтобы не ныли... ужасно ноют... по ночам не сплю.

— Говорите толком, чорт возьми. Что вам надо?

— Кроме карт при мне еще маленький пузырек спирта... четыре, пять рюмок... ей богу, от зубов, господин полковник. Я счел долгом предупредить...

— Ах, какие глупости... пейте пожалуйста ваш спирт, играйте в карты... только заразу не разводите...

— Какую заразу, господин полковник? Я здоров, честное слово здоров...

— Ах, оставьте пожалуйста, я не про то... крамолу не разводите, вот что, милостивый государь!.. Выстроить роту в коридоре!

Глава 30-я. Два слова о дезинфекции.

Командир полка шагает вдоль строя и, стуча кулаком о ладонь говорит:

— Когда вошь в голове заведется, что делают? Моют голову, с мылом моют, кипятком моют. Когда зараза заведется, что делают? Дезинфекцию делают, вот что! Карболкой, сулемой, серничками заразу выводят. Поняли?

Рота молчит и недоумевает.

— Не поняли? Так я скажу! Разные вши, жиды, агитаторы, трубки и другая нечисть напозгла в наш дом. Войну, чу, долой! Правительство долой! Родины не жалеют, с-сукины дети! В уши дуют: вяжи начальство! Как это называется? Крамола, зараза, которую надо огнем выжигать... Предупреждаю, ребята: если хоть одну бактерию среди вас обнаружу, башку сорву, кишки выпущу, шкуру сдеру!.. Я отчу смуту разводить! Поняли, что я сказал?

Рота молчит, угрюмо, зловеще.

— Ну, после поймете! Стоять вольно, из строя не выходить! Полковник Хлопачевский, приступим!

Глава 31-я, вроде кинематографической картины и совсем не секретная.

Городскими улицами, сломя голову, мчатся мальчишки-газетчики, крича:

— Арест человека с трубкой!

Прохожие обступают газетчиков. Полиция зорко следит за порядком.

В трактире. По случаю базара, людно. Посетители оживленно жестикулируют, гневно сверкают глазами, стучат кулаками по столам. Восклицания:

— На ишено снова набавили!

— Соли нет!

— Трех сынов убили, четвертого берут!

— Для ради кушцов начальство старается...

На улице. Встречаются потертое пальто и поношенная шуба.

Потертое пальто (тихо). Слышали, Василь Васильч? В Петербурге, чу баррикады, а у нас на фабриках неладно.

Поношенная шуба.—Вот хорошего. Пора гнать по шее...

К а з а к (подъезжает).—Эй, не скопляться!.. Р-расходись!

Чумазый парень в худых валенках крадучись выходит из ворот постоялого двора. Оглянувшись вдоль улицы, торопливо мелом пишет на заборе:

— Далой, царя, далой войну, далой кровопивцев.

Полицейский с угла спешит к парню. Парень ныряет в ворота. Полицейский читает написанное, качает головой и, плюнув в ладонь, трет мокрой ладонью по забору.

Людной улицей шагают три солдата. Фуражки обиты на затылок. Навстречу офицер с барышней. Солдаты, весело ухмыльнувшись, словно по команде суют руки в карманы и дерзко смотрят на офицера, не козыряя. Офицер делает вид, что не заметил солдат. Барышня возмущена солдатами.

Улицей рабочего поселка бредут усталые полицейские, надзиратель и городской. Оба смотрят на заборы.

— Вон еще две приклеены, — показывает городской на прокламации.

— А, ну их к чорту, — решает надзиратель. — Весь город заклеили. Пускай остаются, всеравно не сдерешь...

— Так точно, крепко примерзли.

У железных ворот фабрики. Наряд казаков, пешая полиция, пристав, надзиратель, слышно, как во дворе гремит людской водопад. Через решетки видны толпы рабочих, запертых во дворе.

Вечер. Зажигаются огни. Торговцы торопливо закрывают магазины. В окнах магазинов свежо выстроганные деревянные щиты. Огромные замки на дверях, около которых фигуры с охотничьими ружьями. Улица быстро пустеет.

Поздний вечер. Вьюга. Темно.

— Кто идет?—слышится тревожный окрик.

Неутомимо печатают подковы казачьих лошадей. Прохожих не видно.

— Большие дела делаются, — говорит ночной сторож городскому, которого трясет непонятный озноб.

Глава 32-я. Полк набивает трубку и зажигает спичку, что-бы закурить.

Тьма—чернила. Ни лиц, ни людей не видно. Взволнованный шопот:
— Сначала команду выздоравливающих вызвать...
— Нельзя... они же без ружей. Третья, четвертая рота должна...
— Да не так! Вы слушайте. Я с моей ротой запираю казармы... Харчугин ведет восьмую, девятую, десятую...
— Ох, что то путаем. Погоди, я посвечу...
Желтая вспышка освещает солдатские фуражки. Черноусый солдат с шрамом на щеке держит спичку над полевой книжкой... Снова тьма...
— Конечно, так. У меня же записано...
— Ну, ладно, дальше...
— Дальше так. Первая и вторая занимают склады, телефоны, канцелярию... так?
— Верно, говори скорее.
— Кучеров арестует шинек... так? Пятая... постой, куда же пятую? Андрияша, свети!

Вторая вспышка освещает скуластое каменное лицо с нависшими бровями... Потухло.

— Пятая запирает казаков... По городу Стогов командует. Не путайте: остальные роты под его команду. Я выпускаю арестованных и вместе с Дымовым оцениваю телеграф, улицы, вокзал. Патроны готовы?

— Есть!

— Не горячиться, не робеть! Чуть что на ура, в штывки. Стрелять в крайнем случае, не надо гаметь. Чтобы все тихо и скоро... Ну, кажется все. Ничего не забыли?

— Когда начнем?

— По ракете, ровно в два часа. Кто пускает ракету?

— Тюкин.

— Смотри, чтобы сухие ракеты!

— Сделано... Ну, ребята, не пятиться. Ровно в два.

— Сейчас сколько?

— Андрияша, посвети! Третья вспышка освещает десятка полтора солдат, которые кружком сидят на полу.

— Двенадцать скоро.

Спичка погасла, тьма. Шопот:

— Ну, пошли! тихо, расходись по двое...

Напряженную тишину разбивает судорожный тяжелый вздох, нервный кашель, осторожный стук сапогов.

Глава 33-я. Долг платежом красен.

— Вы меня извините, пгалогицик Дымов. Ужасно нещигятно своего товарища агестовать, но что поделаешь... служба.

— Совершенно правильно, поручик, я понимаю.

Поручик Сатанелов выходит с Дымовым из роты, где идет обыск. Поручику приказано сдать Дымова на гауптвахту.

— Мы живо, пгалогицик. Как будто гулять едем. Хлопочевский предложил мне свою лошадь, где она кстати? Эй, кучег!

Рослый солдат на козлах тревожно смотрит на Дымова, который, встретив его взгляд, вдруг хлопает себя по лбу ладонью.

— Чорт возьми, как досадно! Поручик, разрешите последнюю просьбу? Очень обяжете.

— С удовольствием, пгалогицик. Для вас всегда готов...

— Я позабыл палиросник в роте... он, кажется, на столе в канцелярии.

— Понимаю, с удовольствием пгинесу.

Сатанелов бегом в роту. Дымов быстро кучеру:

— Грязную улицу знаешь?

— Так точно,—отвечает кучер, пожирая прапорщика влюбленными глазами.

— Выручай. Сегодня же, скорее туда, дом Егоркина, в окно с бумажкой, стукни три раза, два раза, четыре раза, скажи...

— Я вас проучу, милостивый государь,—раздается в дверях роты взбешенный голос командира.—Устава не знаете?

— Виноват, господин полковник, оправдывается сконфуженный поручик, вылетая птицей из роты.—Я не думал, что это важный пгеступник. Гади бога простите.

— Без разговоров, ж-жи-в-ва!

Полковник бросает свирепый взгляд в сторону Дымова.

— Потрудитесь, пгеступник, занять место,—сухо приказывает поручик Дымову.—Кучер, трогай, к гауптвахте...

Отехав шагов сто, поручик глядит через плечо на дверь злополучной роты и возмущенно замечает:

— Скотина! Огать так на офицега! Пгохвост! Гади бога извините, пгапогщик, что я вас пгеступником обозвал. Понимаете, служба!

— Отлично понимаю,—весело улыбается Дымов.

— Мне вас жаль, пгапогщик, вы очень симпатичный человек и однажды оказали мне крупную услугу.

— Какую?

— Пгавда, сумма ничтожна, но... но... дело не в деньгах. Кстати, пгапогщик, вчега я познакомился с очаговательной женщиной. Объяснил ей в любви, а она... знаете, что она сказала?

— Не знаю.

— Она сказала, что я самый красивый мужчина, очень ей пгавлюсь, но мои усы—чогт побегии мои усы—ей не пгавляются. Пгагедия, я прямо в отчаянии.

— А вы сбейте усы...

— Увы, невозможно! Тги дня назад я познакомился с очаговательной женщиной, котогая в востогте от моих усов. Отчаянное положение, не пгавда ли пгапогщик?

— Ужасное положение.

— Ах, да, пгапогщик, извините, я позабыл возгватить вам девять копеек. Дугацкая память! Когда я буду пги деньгах, я сочту своим долгом...

— Пожалуйста не беспокойтеесь...

— А за что вы агестованы, пгапогщик?

— Недоумеваю, не знаю. Думаю, что какое нибудь недоразумение.

— И я так думаю. Когда вас освободят, я познакомлю вас, пгапогщик, с очень интересным типом. Пгедставьте, он выпивает залпом бутылку водки и не пьянеет. Я тоже выпиваю залпом бутылку, но—увы—сильно хмелею. Вы любите водку, пгапогщик?

— Приехали,—с усмешкой говорит Дымов, показывая на гауптвахту вдали.

Глава 34-я. Ракета освещает ночь.

Город спит. Спят и казармы. Занесенные снегом низенькие квадраты казарменных корпусов подмигивают улице мутным светом в окнах. Зябко ежась в ободранном тулупе, у ворот шагает часовой с винтовкой и жалобным тенорком тянет:

«А мла-а-дший сын за родину

«В земле-е чу-жой убит».

В тон его песне где то далеко воеет собака.

- Эх, жизнь наша собачья!—бормочет часовой и тяжело вздыхает.
— Кто идет?—слышится окрик в стороне.
— Свои, не ломай дурака, убери винтовку, — говорит сердитый

басок.

Несколько фигур торопливо пробежали двором. Крайняя казарма зашумела, в окно видно, как солдаты одевают шинели. Мелькают рукава, винтовки.

— Марш в казарму!—говорит за спиной сдавленный голос.

Часовой вздрагивает, оглядывается. Незнакомые люди в мирной одежде. Чья то рука ухватила крепко ствол винтовки. Фельдфебель роты, из которой часовой, шуточно приказывает:

— Ступай, погрейся, я вместо тебя постою.

Незнакомцы побежали двором. Из-за сараев, в углу казармы, в темное небо с шипом полетела красно-желтая веревка с белым шаром на верхнем конце. Шар прыгнул к звездам, остановился на полдороге, блеснул яркой молнией, оглушительно треснул. Тысячи красных звездочек мелкой пылью рассыпались высоко над казармами.

— Караул, в ружье!—слышится взволнованная команда во дворе.

— Отставить!—командует властный голос. — Ребята, берите за жабры эту сволочь!..

Выстрел. Еще выстрел. Стон. Новая команда:

— Девятая рота, становись!

Двор ожил. Сотни людей бегают в разные стороны, ощерив штыки.

— Ур-ра!—слышится внутри дальней казармы.

Часовой в ободранном тулупе бежит к своей роте. Около караульного помещения в снегу лежит раскинув руки, офицер.

— Р-рота, бегом а-арш!

С винтовками на перевес к выходу на улицу бегут, тяжело дыша, солдаты в растегнутых шинелях.

На дворе толпятся уже тысячи. Взволнованные лица, гул. Резкий крик:

— Тихо!

Напряженная тишина.

— Братья, слушайте! В разных городах восстали солдаты и рабочие. Старые власти, старые наши начальники будут раздавлены. Мы—сила, мы—штыки, винтовки, пулеметы. Мы—народ. А нас бьют, над нами измываются, нас порют. Мы устали, мы хотим мира, нас не слушают, гонят палками на убой... Довольно терпеть нам, солдаты!..

Рев потрясает воздух, тысячи винтовок поднялись над головами.

— Довольно! Долой начальство...

Отдельные выкрики:

— Братцы, да ведь это Харчугин!

Снова взрыв тысяч голосов:

— Долой войну!

Резкий голос:

— Эта война нужна кушцам, помещикам, царю, офицерам. Они жиреют, рабочие голодают, солдаты умирают. Нужна ли нам эта война?

— Долой!..

Резкий голос:

— Солдаты, мы должны начать свою войну против помещиков, против кушцов, против царя, против генералов:

— Правильно! Бить их, мать их...

Со стороны города доносится оглушительный треск. Вторая ракета лошнула над городом, осветив колокольные кресты, которые через мгновение нырнули в тьму ночи.

Глава 35. Полк закурил трубку.

Ночь. В штабе полка полный свет. Перед крыльцом дежурят солдатские фигуры с ружьями. Внутри стучат машинка, звонки телефона, беспокойный говор, движение.

Все писаря за работой, согнули спины, бросая украдкой взгляды в сторону кабинета командира. Офицеры в караульной форме шепчутся в коридоре.

В кабинете командир, помощник, адъютант около писаря, который за столом барабанит на пишущей машинке. Командир диктует, теребя усы и сердитым голосом:

— Скорее же!.. ах, какая ты скотина! Дописал?

— Такаточ, васскройдь!

— Пиши дальше... арестовано офицеров один, нижних чинов сто двадцать, обнаружено...

— Виноват, я не успеваю.

— У, сволочь, в кашевары прогоню!.. Да пиши, что бельмы вылунил? Что я по твоему, пресвятая богородица что ли? А?

— Никак нет-с... я дописал.

— Что же молчишь, болван? Пиши.. найдено...

— Я написал обнаружено...

— Чорт с тобой, пусть обнаружено... что мы обнаружили Глеб Глебыч?

Помощник командира диктует:

— Обнаружено свыше тысячи антиправительственных воззваний к солдатам...

— М-мерзавцы! Где у меня глаза были!?!—воскликает командир.

— Я предупреджал вас,—с упреком замечает помощник...—значит, тысяча воззваний...

— Свыше тысячи,—поправляет писарь.

— Тысяча сто сорок три воззвания,—говорит адъютант, смотря в записную книжку.

— Засим... засим... засим... что засим?—вспоминает помощник.

— А эти... окаянные трубки, чтоб им подохнуть!..

— Ах, да! Засим четырнадцать трубок... два красных флага...

— Оставьте, это же рваные старые рубашки,—морщится командир.

— Ну, нет-с, не согласен,—возражает помощник.—Осталось при старом мнении... как вам угодно, но это фла-ги...

— Чорт с ними, пиши, пусть флаги... все равно отрешат от должности... где у меня глаза были?.. пиши, крупно пиши: **зараза вырвана с корнем, главари арестованы, в полку полный порядок и дисциплина, следствие произво... что это, что такое?**

В коридоре частый топот, шум, крик, выстрел, треск телефона, хриплые голоса, в кабинет врываются солдаты с винтовками на перевес. Впереди черноусый солдат с шрамом на щеке. Рядом с ним рослый солдат в теплых рукавицах.

— Что такое? Что нужно? Кто вы такие?—в ужасе кричит командир.

Т-т-тут, тут... ту... тут мой кучер, — шепчет помощник стуча зубами.

— Дер-ряжись, сволочь,—рычит великан, потрясая рукавицами.

— Не смей трогать!—металлическим властным голосом приказывает черноусый солдат, толкая великана в сторону и хладнокровно, не спеша говорит:

— Господа офицеры, вы арестованы. Потрудитесь встать вон в тот угол...

— П-п-п-а-а-а-з-вольте, за что? Что-ж это такое? Я кажется ни-
чего никому никогда нигде,—бормочет помощник.

— Вон оно что... вот она где, зараза-то!—стонет упавшим голосом
командир... Значит... значит, в угол, командира...

— Вон в тот,—с тонкой усмешкой замечает черноусый солдат и
темными, глубокими, как омут, глазами показывает в угол, куда должны
встать арестованные.

— Писаря! Командир смещен, офицеры арестованы, — доносится
ровный спокойный тенор из канцелярии.—По телеграфу мы узнали, что
в Петербурге бои, солдаты и рабочие против старых властей, старого на-
чальства нет, вы должны служить новой власти, народу! Согласны?

— Р-рады стараться, вас-скро-дья!

— Тьфу, черти! Привыкли в хомуте ходить...

Смех. Веселый голос.

— Вася, дай-ко, милый, я из трубочки подыщу?

Глава 36-я. Поручик Сатанелов в большом недоумении.

Темными улицами горохово идет большая группа военных. Снег
скрипит под сапогами молчаливых солдат, которые плотным кольцом,
ружья на изготовку, оцепили своих офицеров.

— Ходу, ходу!—командует усатый солдат с наганом в руке.

Он зорко следит за пленниками. Здесь командир полка, помощник—
сгорбленный, унылый, командиры рот, адъютант. Среди них поручик Са-
танелов. Он не в силах молчать и громко беседует сам с собой, потому
что спутники не в силах поддерживать разговор.

— Чогт знает что такое! Только что взял прикуп; хотел иггать де-
вять чегвей и вдуг—бац! Агестован. Позвольте, говоюю,—у меня четые
гемиза, я должен отыггаться, дайте хоть доиггать. Нельзя, оказывается!

— Ходу, ребята, ходу!—торопит усатый солдат.

— Послушай, куда ты нас ведешь?—обращается к нему Сатанелов.

— Сейчас увидим.

— Возмутительно, я протестую. Послушайте, полковник, что слу-
чилось?

Командир угрюмо молчит.

— Станно. Точно во сне. Послушайте, господа, я не сплю?.. Эх, не
нужно было втоюю бутылку пить. Господа, мы сегодня чистый спит
давили.

Среди солдат смех.

— Смир-рно, чего рты растегнули,—обрывает усатый солдат.

— Ничего не понимаю!—восклицает Сатанелов.—Дугацкое поло-
жение...

Солдаты входят в переулок, направляясь к ярким фонарям перед
низеньким, похожим на баню, кирпичным домиком.

— Гауптвахта!—восклицает изумленный Сатанелов.—Значит и
меня, как прапогщика Дымова? Значит, я тоже гпестушник.

— Эх, будет вам болгать!—страдальческим голосом просит коман-
дир полка.—Неужели не понимаете, что это мятеж?

— Мятеж? Ах, чогт возьми! Вот ловко! Кто же устроил этот мятеж?
Замечательно сделано!.. Представьте, я бегу прикуп, хочу иггать девять
чегвей, нью спит, а тут—оказывается—мятеж! Кто же устроил этот
мятеж?

— Стой!—командует усач.—Зри в три, ребята. Я сейчас...

— Ужасно станно, где же нагужные часовые?—недоумевает Са-
танелов, пожимая плечами.

По ветхим пристуцкам усач вбегает в гауптвахту. Лица солдат хо-
лодны, враждебны, петина штыков опоясала пленников. В помещении

гауптвахты внезапно раздается свирепая брань, дверь с треском открывается и в клубах пара наружу вылетает усач, таща за шиворот перелуганного рожастого фельдфебеля.

— Я тебе покажу пароль!—рычит усач, потрясая наганом. Продажная шкура!Вон они, твои хозяева, гляди!

Фельдфебель, в ужасе растопырив руки глядит на офицеров.

— Придержите, ребята,—командует усач, показывая на фельдфебеля и снова уходит в гауптвахту.

— Что-ж, раз в караул поставлен, я обязан пароль,—бормочет фельдфебель, становясь под охрану штыков.

— Молодец!—одобрительно шепчет командир полка.

— Весь караул разбежался, вас-скородие,—жалуется фельдфебель.—Один всех сторожил. Хорошо спали арестанты, а то беда!

Дверь гауптвахты опять открывается. Кутаясь зябко в шинели, кашляя, охая, на крыльце появляются одна за другой фигуры солдат. Позади всех весело улыбается Дымов, которому усач сконфуженно говорит:

— Какая штука вышла, шут те дерн. Запомняли в горячке... Заминка вышла небольшая... Расходись ребята, ваши места нужны.

— Пгалогщик Дымов!—вне себя от недоумения восклицает Сатанелов.—На свободе!

Глава 37-я. Скверные сны жандармского ротмистра.

Таинственный человек с трубкой, наконец, пойман. Скованный по рукам и ногам крепкими кандалами, он перед столом ротмистра. Он самый! Бледное лицо, насмешливые губы, темные глаза.

— Ну-с, будем беседовать.—радуется ротмистр.—Откуда прибыл?

Незнакомец молчит.

— Предупреждаю, я не отпущу, пока не добьюсь ответа. Я сумею развязать язык! Ну?

Молчание. Странно: лицо незнакомца вдруг исчезло. Головы нет,—пропала. Перед столом человек без головы, закованный в кандалы.

— Не хитри, приятель. Куда спрятал голову?

— Я здесь.

Вон она, голова незнакомца. Подмигивая и насмешливо улыбаясь тонкими губами, голова смотрит со спинки кресла, к которому вдруг приросла.

— Не испугаешь... марш на свое место! Ну?

— Пожалуйста извините, что потревожил,—говорит она голосом помощника.—Необходимо по срочному делу.

Вместо человека с трубкой перед столом помощник, бледный, испуганный.

— Трубка убежала.—шепчет помощник бескровными губами.

— Глупости, она без головы,—успокаивает ротмистр, смотрит на кресло и чувствует мурашки по спине. Во рту незнакомца громадная фабричная труба выбрасывает клубы дыма, искры, от которых загарается письменный стол, тяжелые занавески на окнах, платье ротмистра...

— Ко мне, на помощь!—кричит он.

— Не ори!—Приказывает за спиной грубый голос.—Вставай, живо!

Ротмистр оглядывается через плечо. Оказывается, он лежит на диване, одетый, в сапогах. Черноусый солдат с шрамом на щеке, левой рукой трясет за плечо, в правой руке револьвер, дуло которого смотрит холодно в глаза ротмистра.

— Вставай же!

— Что такое?—Бормочет ротмистр, протирая глаза.

В кабинете солдаты с ружьями.

— Еще одна птичка.—говорит один из них, кивая на ротмистра.—
Пойдем скоро за другими.

— Что это значит?спрашивает ротмистр, сердито сдвигая брови, и
встает с дивана, на котором заснул ночью.

— В тюрьму его!—коротко приказывает черноусый солдат.

Глава 38-я описывает февральское утро отрывочными картинками.

Казаков на улицах нет. Вместо них за порядком следят солдаты с
ружьями. И полицейских не видно. На углу собралась большая толпа,
которую никто не разгоняет. В толпе много солдат.

Г о л о с.—Братцы, как это вышло?

С о л д а т.—Больно просто. Перевязали всех ночью и баста.

Г о л о с.—А кушцов перевязали.

С о л д а т.—До кушцов черед не дошел. Перевязаем, коли потре-
буется.

Молодой человек в студенческой фуражке (взвол-
нованно).—Товарищи, позвольте я расскажу в чем дело?

Г о л о с а.—Говори... прослушаем...

С т у д е н ч е с к а я ф у р а ж к а (солдату).—Товарищ солдат, мож-
но к тебе на спину?

С о л д а т.—Для чего на спину?

С т у д е н ч е с к а я ф у р а ж к а.—Чтобы меня всем видно было.
Я речь скажу...

С о л д а т (нерешительно).—Пожалуй... Залезай!..

Наклоняется. Студенческая фуражка прыгает на спину, солдат тя-
жело крикает, говоря:

— Эх, отелся какой!

Понуднее устроившись на солдатской спине, студент поднимает
к небу правую руку и звенящим голосом говорит притихшей толпе.

— Товарищи, долго мы в рабстве стонали...

С о л д а т.—Не лягай ногами, кишки болят...

С т у д е н т.—Но чаша терпения переполнилась! Мы восстали и мо-
гучим порывом сбросили власть царей-палачей...

С о л д а т (крякая).—Ой, спина... А ты с которой ротой был, прия-
тель, когда мы сбрасывали?..

С т у д е н т (вдохновенно потрясая обеими руками).—Золотая заря
освобождения поднялась из рабских туч и мы могучим порывом сбро-
сили цепи...

С о л д а т (недовольно).—Будет трепаться, слезай, у меня в спине
две пули сидят...

Толпа смеется над студентом, которого солдат сдирает с своей спины
за полу пальто.

С т у д е н т вскакивает на тумбочку и кричит:

—Товарищи, позвольте кончить!

На другом углу встречаются две теплых, хорошего сукна, шубы с
отличными каракулевыми воротниками.

П е р в а я ш у б а.—Вот так дела, Михей Ильич. Каторжников, чу
выпустили из тюрем, а начальство в тюрьму засадили.

В т о р а я ш у б а.—А вы потише... не очень того... а то... того... этого,
понимаете?

П е р в а я ш у б а.—Отлично понимаем. Вы лавку отпираете се-
годня?

В т о р а я ш у б а.—С одной стороны боязно этих, с другой стороны
покупателя опунать жалко. Посмотрю, как другие... Тесь, вон солдат
с рабочим...

Первая шуба.—Поклонимся на всякий случай. а? Говорят, сажать хотят нашего брата.

Мимо идут рабочий в дырявом пальто и солдат в рваной шинели. Обе шубы, сдирая теплые шапки:

— Наше вам почтение, господа товарищи!

На крыше Городской Управы ходит по снегу управский сторож с большой черной заплатой на спине желтого дубленого полшубка. В руках длинный шест с красным флагом.

Здрав голову кверху, перед крыльцом стоит коренастый человек в бобровой шапке, меховое пальто в накидку.

Бобровая шапка (кричит сторожу).—Товарищ Кузьмич, привязывайте шест к трубе.

Сторож.—Не видко будет.

Бобровая шапка.—Ничего не значит, привязывай к трубе.

Прохожая баба спутнице.—Чего это они?

Спутница.—А это член управы флаг втыкает. Над лавками у себя он тоже навтыкал... около вывесок.

Баба.—Вишь ты!..

Встречаются:

Человек с портфелем и в золотых очках.

Человек в золотых очках, но без портфеля.

С портфелем.—А, Исая Моисейч, здравствуйте. С праздником освобождения... Христос Воскресе!

Без портфеля.—Поздравляю обратно, воистину воскресни!.. А что вы себе полагаете, так таки война и закончится миром?

С портфелем.—Увы, кажется к концу дело. Ужасно жаль!.. Я сапоги поставляю.

Без портфеля.—Ой, ой, ой! Что мы будем делать?

С портфелем.—Разоренье!

— Свержение царя!—орут газетчики, выбегая на улицу.—Купите свержение царя!

Улица—большая читальня. У каждого в руках газета. Читают в одиночку, по двое, группами, молча и вслух.

Люди выбегают из ворот, из магазинов, одеваясь на ходу, перебегая от группы к группе. На лицах волнение, радость, страх, недоверие, любопытство.

Огромная площадь черна от тысяч людей. Красные флаги, солдатские ружья, рабочие картузы, рваные шапки. Народ на крышах домов, на водосточных трубах, на выступях зданий, на карнизах окон, в окнах белеют лица. Площадь шумит, звонит, поет, смеется, пестрая, разноцветная, веселая.

Внезапно тишина. Над головами, в середине площади, поднимается фигура человека в серой шапке. На солнце блестит пенсне. Спокойными темными глазами он пытливо глядит кругом и звучным голосом бросает в толпу.

— Рабочие и солдаты!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава 39-я. «Который из них настоящий человек с трубкой?»

Действие в большой зале, мебелированной мягкими диванами, мягкими стульями. Вдоль стены чистые постели с белоснежными подушками. Посредине длинный стол, за которым ротмистр, его помощник, полицмейстер, командир полка, его помощник, казачий офицер, два полицейских пристава. На столе шипит ярко начищенный самовар. Кругом самовара тарелки с закусками, чайная посуда, бутылки, рюмки. В потолке большая люстра.

В дверях на стуле сидит солдат в шинели. Ружье приставлено к стене.

Помощник ротмистра — Я говорил, что он самый настоящий человек с трубкой. Он всеми сейчас верховодит. Эх, досадно, выпустили птичку! Глядишь, не сидели бы мы сейчас в тюрьме.

Полицейстер.—Каков он собой?

Помощник ротмистра. — Бледный такой, в пенснэ... эх, дали убежать! Я смотрю всегда из окна, когда он ораторствует на площади. Оп! Он самый!

Командир полка.—Дымов тоже ораторствует.

Помощник командира.—Вот, кого нужно было вязать с самого начала. Я предчувствовал, что он налагостит нам.

Ротмистр. (многозначительно).—Еще неизвестно, чем кончится вся эта возня. Почему то сочли нужным поместить нас в более сносной обстановке.

Командир.—О, уж-жасно! На гауптвахте такая грязь, вонь...

Его помощник.—Масса клопов. Представьте, я все ночи не спал.

Полицейстер. — А в тюрьме, представьте, легионы вшей. Крупные, жирные... брр...

Все (хором)—Бр-ррр!..

Полицейстер.—Госнода, за наш перевод из тюрьмы! (Наливает рюмки).

Все чокаются, пьют.

Командир.—Отличный коньяк.

Полицейстер.—Завтра еще будет. Жена обещала принести.

Помощник командира (солдату.—Эй, любезнейший, скажи там, чтобы самовар подогрели.

Солдат.—Гм... кхм... качает головой, усмехается и со вздохом берется за свисток. Через минуту влетает расторопный юноша в красной рубашке, берет самовар.

Ротмистр (ласково).—Рюмочку, товарищ?

Юноша.—С удовольствием-с, (ставит самовар на пол, пьет коньяк, вопросительно смотрит на бутылку).

Ротмистр (ласково).—Еще рюмочку?

Юноша.—С удовольствием-с, товарищ. (Пьет и вопросительно смотрит на бутылку, которую полицмейстер в тревоге убирает под стол).

Ротмистр.—Вы, товарищ, партийный человек?

Юноша (радостно).—Эсер-с.

Ротмистр.—Давно в партии?

Юноша.—Три недели-с.

Ротмистр.—А вы незнакомы, товарищ, с этим... вот что речь произносит? Такой... в пенснэ он?

Юноша.—Очень даже известная личность.

Помощник ротмистра (живо).—А кто он такой?

Ротмистр (морщится).— Не мешайте пожалуйста...

Юноша.— Это Стогов.

Ротмистр.— Откуда он приехал?

Юноша.— Этого не знаю... можно узнать.

Солдат сердито, крикает, стучит сапогами, шумно вдыхает.

Ротмистр (нежным голосом).— Ах, это очень интересно. Да вы сели бы.

Юноша.— Мерси, постояим, мы привычны.

Ротмистр.— А какой он партии?

Юноша.— Международной. Он больше про международную революцию учит.

Командир.— А Дымова не знаешь?

Юноша.— Они приятели со Стоговым.

Ротмистр (морщась).— Виноват... Скажите, товарищ, кого больше всех любят товарищи рабочие?

Юноша.— По моему, Стогова.

Командир.— А Дымова кто любит?

Юноша.— Этого—солдаты.

Солдат (угрюмо).— Эй, вы, там! Кончать разговор. Нельзя с посторонними.

Ротмистр (нежно).— Очень извиняемся, товарищ солдат. Бога ради извините.

Командир (мрачным шопотом).— Паршивый черт. В рожу плюнуть хочется... сволочь!

Его помощник.— Тссь, полковник.

Юноша уходит с самоваром.

Помощник ротмистра.— Который же из них настоящий человек с трубкой?

Полицмейстер.— Будет вам, господа, голову ломать. Там двадцать вожakov и ничего вы не узнаете. По моему, сейчас все люди с трубками. Право. Выпьем лучше.

Глава 40-я. Светлая заутреня.

Огромный зал в огнях. Сотни стульев заняты сюртуками, пиджаками, косоворотками. На стульях господа, дамы, бабы, солдаты, рабочие. На заднем плане стол, накрытый красным сукном. У стола справа кафедра. За столом президиум: рабочий в линючей рубашке, господин в смокинге, солдат в гимнастерке, офицер во френче, дама с золотой цепью и лорнетом, через который смотрит на сидящих. За стульями, в проходах, в дверях—давка. Это набрались слушатели.

Господин в смокинге.— Слово товарищу Капиталову! Никанор Ильич, пожалте.

Тяжело дыша, на кафедру всходит грузный мужчина с большим животом. Кафедра трещит. В зале тишина. Оправив манжеты с золотыми запонками оратор начинает:

— Товарищи! После грозы настают ясные дни. Солнышко греет, птицы щебечут, сердце радуется красоте божией. Товарищи, мы сделали величайшую революцию...

Ураган аплодисментов. Оратор признательно кланяется, продолжает:

...сделали величайшую революцию! Но после грозы ясные дни, после революции—порядок и труд. Я предлагаю, товарищи, постановить, чтобы все мы приступили к труду на благо отечества и революции. Я кончил.

Аплодисменты.

Дама с лорнетом.—Как председательница комиссии помощи политическим деятелям, я предлагаю приветствовать находящихся в публичке наших старых революционных товарищей, прибывших из тюрем...

Аплодисменты, овации, от которых электричество мигает. Всех громче аплодируют, восторженно кричат смокинги, большие животы, золотые цепи, золотые запонки.

Голос.—Жертвую в пользу революции пятьсот рублей.

Картавый баритон.—Жертвую две тысячи.

Басище.—Чево там... жертвую пять тыщ, а для солдатов два пуда колбасы вареной.

Дамский голос.—Я предлагаю послать телеграмму...

Голос неизвестного.—Товарищу Беренскому!

Картавый баритон.—Товарищу Вилюкову Павлу Николаевичу!

Тенор.—Товарищу князю Рвову!

Возглас.—Эге!

Голоса.—Просим, просим. Послать всем телеграммы!..

Господин в смокинге.—Итак, дорогие товарищи, мы постановили приветствовать вождей революции.

Десяток солдат, группа рабочих, две женщины встают и молча пробиваются к дверям.

Возгласы.—Что это? Что это такое?

Солдат (дрожащим голосом).—Мы протестуем... стыдно... это обман!..

Картавый баритон.—Скатегтью догога.

Басище.—Эфтим солдатам колбасы не отпущу. Пушай гнушаются нашего обчества.

Глава 41-я. Трубка пылает, пуская дым большими клубами.

В тесной, с ободранными обоями, комнате за длинным, залитым чернилами, заваленным газетами и бумагами столом сидит десятка полтора людей. Солдатские рубахи и затертые, поношенные пиджаки. Висячая лампа над столом освещает хмурые, усталые лица, небритые. На конце стола, боком, нога на ногу сидит солдат со шрамом на щеке. Он курит трубку. Трубка ворчит, трещит, дым большими клубами ползет по потолку. Меж затяжками солдат отрывисто говорит, стуча по столу костяшками пальцев:

— За коим же чортом, спрашивается, мы старались? Пуф, пуф... Ради чего мы, чорт возьми, рисковали? Пуф-ф, пуф-ф... А? Пуф-ф... Ну? Пуф-ф.

В комнате тишина.

— Для чего все это? Пуф-ф... пуф. И что мы получили?

— Что?

Стол трещит под свинцовым ударом кулака. Из темных глаз искры. Голос—щелкает кнутом.

— Предупреждаю... п-у-у-фф... пф-фы. Полк сердится. Солдаты в щепы разобьют город, если дальше так... Правда, Харчугин?

— Правда,—нервным тенором подтверждает худоцавый солдат.

— Обещали солдатам мир—где он?.. Пф-ффы, чорт возьми! Вчера уехали на фронт еще две роты. Начальство солдатские рыла било, а теперь на даче прохлождается, винище жрет, в карты играет. Жандармы непривычны, чу, к решеткам... Пыф-ффы... Кто распорядился поместить их в дворянском клубе?

— А мы откуда знаем?—угрюмо возражает долговязый рабочий с подвязанной щекой.

— Пффы... пуфф... Обязаны знать. Власть несчастная!

— Мы в совете работаем.—замечает хладнокровно старик с цыгаркой во рту.—Нас не спрашивают.

— Не спрашивают вас?.. пффы, пуфф, пуфф... А вы спрашивали?

Черноусый солдат гибкой кошкой нагибается над столом, обжигая глазами слушателей.

— С кушачами целуетесь, с хозяевами милуетесь, а?

— Вношу предложение.—перебивает спокойный, ровный голос.

Бледный человек оправляет пенснэ, смотрит в записную книжку.

— Дело ясное,—говорит он тихо.—Такое положение более нетерпимо. Об этом мы всегда говорили. Сила в руках солдат и абочих. Значит, нечего церемониться. Я предлагаю этой же ночью законотатить в тюрьму царских палачей. Назначить суд над ними. Кто станет мешать этому, туда же, в тюрьму. Ничьего разрешения не спрашивать, делать именем совета.

— Рискованно,—раздается робкий голос.

— Чего ты боишься?—Свистящим шопотом спрашивает черноусый солдат.

— Самих опять в тюрьму засадят. Кабы наша власть...

— Она наша,—уверенно говорит Харчугин.—Все солдаты под винтовкой, патронов миллиона полтора, пулеметы есть, гранат тоже достаточно. Так, Дымов?

— Так,—подтверждает Дымов, выходит из угла, где сидел, приближается к столу и, качая головой, с улыбкой добавляет:—какие мы, однако, храбрые стали. Не выкатить ли нам еще пушки? Без пушек, пожалуй, не возьмем арестованных?

Смех. Черноусый солдат с улыбкой выколачивает из трубки золу.

— Вопрос решен,—объявляет человек в пенснэ.

Глава 42-я. Скверная квартира.

В решетчатое окно видна одинокая звезда в сером квадрате. Лиц не видно, слышно кряхтенье, первые вздохи, сердитые голоса.

— Ах, черт! Господа, нет ли спички? Меня зажрали клопы.

— Отобрали спички... Это вы, ротмистр, виноваты. Не нужно было болтать с этим мальчишкой, который самовар нам подавал.

— Господин полковник, подвиньтесь пожалуйста, мне тесно.

— Ох, проклятые вши! Господа, я упаду в обморок...

— Ай, мышь по ноге пробежала!..

— Ужасно скверный запах...

— Мерзавцы! Вот так братство, равенство, свобода!

— Одну единственную рюмочку коньяку сейчас и я счастливейший человек. Господа, нет ли случайно папироски?

— Все отобрали.

— Варвары... негодяи... схватили ночью и пожалуйста, Господа, я предлагаю протестовать и жаловаться высшим властям.

— Обязательно жаловаться. Что ж это такое? Словно мы какиенибудь настоящие каторжники. Извините; брат моей жены женат на дочери члена Государственной думы. Шурин не допустит такого издевательства...

— Знай я, что за штучки эти Дымовы, Харчугины и прочая сволочь, собственными руками задушил бы.

— Я вас предупреждал, господин полковник.

Гнетущее молчание.

— Пить хочется... ой, господа, я что то проглотил с водой.

— Вероятно, таракана.

— Меня стошнит... бррр...

— На каком основании они держат нас в потемках?

- Произвол!
- Анархия!
- Николай Николаич, кого раньше держали в этой клетке?
- Политических.
- Гм...
- Господин полковник, я рассержусь, наконец. Вы ударили коленкой прямо в живот.
- Извините.
- Гнетущее молчание.

Глава 43-я. На сцену выходят две женщины в сопровождении подпоручика Сатанелова.

Одна в сером бархатном платье, смуглая брюнетка. Большие черные глаза, красные губы. Молодая, статная. Вторая почти девочка. Маленькая блондинка, печальные глаза—васильки. Нежное лицо, в розовых маленьких ушах слезинки—бриллианты.

Подпоручик Сатанелов благоухает духами, вафсой, сигарой, спиртом.

— Пашу покожно, — приглашает он, входя в комнату с ободранными обоями, в которой за столом сидят Дымов, бледный человек в пенсне и черноусый солдат. — Товарищи, разрешите предважительно представить.

Сидящие с недоумением смотрят на вошедших.

Сатанелов (звякает шпорами, жест в сторону брюнетки): — Мадам Якина, убежденная революционерка.

Дымов (сухо). — Что вам нужно?

Сатанелов (звякает шпорами, жест в сторону блондинки). — Мадemoазель Ключкова, цветок нашего года, отличный пианист.

Дымов (сдвигает брови). — В чем дело?

Сатанелов (подставляя стул брюнетке, звякает шпорами; подает стул блондинке, звякает шпорами). — Прошу садиться.

Дымов (улыбаясь неволью). — Извините, мы очень заняты.

Сатанелов (почтительно кланяется, звякает шпорами). — Понимало, сознаю и сочувствую. Революция очень трудная профессия, я—напримег—никогда не буду революционером. Драться... с удовольствием, хоть сейчас, а революция... о, это не в моем вкусе.

Черноусый солдат (резко). — Вы зачем сюда пришли?

Сатанелов (надменным голосом). — Я не к вам, унтер-офицер Плящин. Я к ним (жест в сторону Дымова и бледного человека в пенсне).

Дымов (холодно). — Нельзя ли без предисловий, поскорее?

Сатанелов (звякает шпорами). — Охотно!.. Вот эта очаговательная женщина (жест в сторону брюнетки) жена ротмистра Якина.

Человек в пенсне, Дымов и черноусый солдат быстро переглядываются.

Сатанелов (Звякает шпорами). — Вот эта багышня (жест в сторону блондинки) дочь нашего полицмейстера. Они просили познакомиться с вами.

Черноусый солдат. — Для чего понадобилось?

Сатанелов (сухо). — Не с вами хотя знакомиться, унтер-офицер Плящин, пожалуйста не вмешайтесь...

Человек в пенсне (тонко улыбаясь). Товарищ Плящин, побеседуйте с посетителями, нам некогда.

Берет карандаш и продолжает писать. Дымов углубляется в бумагу, пряча веселую улыбку.

Сатанелов (в изумлении брови на лоб). — Позвольте, господа... Нам надо по очень важному делу... Нам необходимо с начальством здешнего Совета.

Человек в пенсне (показывает на черноусого солдата).—Вот вам начальство.

Сатанелов (пожимает плечами).—Странно! Пгостой чеговек и вдруг начальство. Я ничего не понимаю.

Черноусый солдат (насмешливо).—Шли бы, поручик, отсюда ко всем чертям. Надоела волынка.

Брюнетка.—Товарищ солдат, не сердитесь. Я сама расскажу вам, в чем дело. Можно?

Черноусый солдат (равнодушно).—Можно... Слушайте ка, поручик, погуляйте с барышней за дверью.

Глава 44-я. Мучения Сатанелова за дверью.

— Как это вам нгавится?—меланхолически спрашивает Сатанелов блондинку, прогуливаясь по корридуру.—Почему нас удалили?

— Я не знаю... может, так принято,—соображает блондинка.

— Возмутительно,—разводит руками поручик.—Зачем же нужно было тащить меня сюда, если она в состоянии секгетничать с этим салдафоном? Она обязана в моем пгисутствии... Извините, так неделикатно. Мы за дверью, а она осталась.

— Я при вас буду говорить,—обещает блондинка.

— Вы? О, вы—конечно—не обидете вашего пгеданного габа... Гучку, вашу нежную гучку!

Звякнув шпорами и тряхнув задом, поручик Сатанелов признательно целует руку блондинки.

— Однако, чогт возьми, я заинтгигован!—воскликает он.—Как вы думаете,—о чем она может гоговить там с ними? Она увегила меня, будто намегена пгосить за мужа...

— Я не знаю,—повторяет блондинка с наивной улыбкой.—Значит, так нужно.

— О, нет, тут что то кгоется,—упрямо трясет головой Сатанелов.—Чогт возьми, я всю ночь сегодня не усну. В самом деле, почему пги нас нельзя пгосить за мужа? Это меня интгигует! Гм... газве вот что...

Оглянувшись по сторонам, поручик Сатанелов шепчет барышне:

— Вы станете меня пгезигать?

— За что же я буду пгезигать? Я вас очень уважаю и признательна... вы проводили меня в этот страшный совет.

— Ах, это пустяки! Для вас я всегда готов на все жегтвы. Хотите, я умгру у ваших ног? Вот здесь, на полу? Лягу и помгу!

— Пожалуйста, не надо,—пугается блондинка. Какой вы чудак!

— Для вас? Готов всегда, готов на все.

Поручик Сатанелов прижимает ладонь к сердцу, звякает шпорами и низко кланяется.

— Если вы меня не будете пгезигать, газгешите мне послушать.

— Что послушать?

— Послушать их газговог—поясняет поручик Сатанелов и кивает в сторону двери.

— Вы хотите туда войти? Они не пустят вас.

— О, нет! Я в двегь...

— В дверь? Как же вы будете слушать через дверь?

— О, чгезвычайно пгосто. Вот так.

Еще раз оглянувшись, поручик Сатанелов на ципоцках к двери, наклоняет надушенную голову к замочной скважине. В этот момент дверь открывается.

Глава 45-я. Первый раз в жизни поручик Сатанелов без ума влюбился в мужчину и поэтому становится революционером.

На пороге комнаты бледный человек в пенсне. Прищурясь, он долго смотрит в затылок поручика Сатанелова, который словно замерз в прежней позе.

— Позвольте пройти?—наконец, тихо говорит человек в пенсне.— Я сейчас опять закрою дверь и прищемлю вам ухо, если вы так будете стоять.

Поручик показывает красное, сконфуженное лицо, сжимает виски ладонями, отступает шаг назад и бормочет сдавленным голосом:

— Какой позог! О, какой позог!

— Верно, подслушивать нехорошо, — подтверждает человек в пенсне, закрывая за собой дверь и выходя в корридор.

— Повежьте, я исключительно потому, что ужасно заинтригован... Я застелюсь, честное слово застелюсь! Какой позог!

— Ну, зачем же стреляться?—улыбается человек в пенсне.— Патроны беречь надо, в них большой недостаток.

— Нет, я застелюсь.—упрямо мотает головой поручик Сатанелов.—Пежежить такой позог? Невозможно!

— Возможно,—только подслушивать больше не надо, — замечает человек в пенсне, хлопая дверью на улицу.

После его ухода поручик угрюмо сдвигает брови, кусает губы, щиплет кончик уса. Блондинка смотрит на поручика с выражением крайнего страха.

— Не стреляйтесь, пожалуйста.—просит она робким голосом.

Поручик бросает на нее мрачный взгляд и скандируя говорит:

— За-ме-ча-тель-ный че-ло-век!

— Кто?

— А вот этот самый... в очках. Чогт возьми! Гешено! Я не стелюсь! Он спас мне жизнь! Сказать вам новость?

— Скажите.

— Слушайте!

Поручик, наклонясь к блондинке, рыдающим голосом говорит:

— Пегвый раз в жизни я влюбился в мужчину! Честное благогодное слово. Без-по-во-гот-но влюблен!

Блондинка в изумлении смотрит на поручика и вдруг весело смеется:

— А, как же мадам Якина? Ведь, вы в нее тоже влюблены?

— За-ме-ча-тель-ный че-ло-век!—в каком то экстазе шепчет поручик.—Сколько деликатности, такта! А еще смеют говорить, что все революционеры катогжники и преступники! К чогу! Сказать вам еще новость?

— Скажите.

— Слушайте.

Поручик Сатанелов грозно хмурится, грудь колесом, ногу вперед и говорить с важностью:

— Я твегдо гешил поступить в революционегы. Этот замечательный человек сделал меня революционером.

— Какой ужас!—Пугается блондинка.—Это хуже самоубийства...

Глава 46. Опять за дверью.

Дверь, в которую подслушивал поручик, снова открывается.

— Можно войти,—приглашает черноусый солдат.

Поручик призначательно звякает шпорами и хозяйским жестом приглашает блондинку:

— Пгону!

Та идет робко в комнату.

— Что вам угодно, барышня?—блондинке.

Поручик Сатанелов упирается ревнивым взглядом в Дымова, переводит глаза на брюнетку и, подумав минутку, шепчет ей:

— Вы назначили свидание пгалогцику Дымову?

— Нет. — улыбается брюнетка, натягивая перчатку на холодную руку и направляясь к выходу.

— Вы уходите... без нас, без меня?—изумляется Сатанелов.—Очень стганно... Пгишли вместе... Вы не желаете, чтобы я вас пговожал?

— Извините, я тороплюсь.—бросает брюнетка и поспешно скрывается за дверью.

— Послушайте, я теперь тоже геволюционег.—в отчаянии кричит вслед ей Сатанелов, озадаченный поведением брюнетки.—Чогт возми.—бормочет он, поворачиваясь к столу.

— А вам что угодно от нас?—спрашивает его черноусый солдат.

— Мне?.. Я ничего не имею... я пгосто так... в качестве спутника.—поясняет Сатанелов.

— В таком разе обождите за дверью вашу спутницу.—предлагает черноусый солдат.

— То есть как это?—багровеет поручик.—Я мешаю?

— Да, вы мешаеете нам.—подтверждает солдат.—В коридор пожадуйте.

Передернув плечами, вконец расстроенный поручик хлопает дверью так сильно, что в окнах стекла звенят.

Глава 47-я. Внезапное нездоровье Дымова.

— Ну-с?—обращается Дымов к блондинке.

— Мы слушаем.

— Я хотела просить об отце.—робко говорит блондинка.—Он зрестован солдатами и в тюрьме.

— Ваша батюшка полицмейстер?

— Да.

— Вы хотите, чтоб его освободили?

— А это можно?—радостно спрашивает блондинка.

— Никак невозможно.—отвечает Дымов, ласково смотря в ее глаза.

— Он пипшет, что в тюрьме очень грязно и клопы.—жалобным голосом говорит блондинка.

— А вы посоветуйте ему вывести клопов. Пошлите порошку какого нибудь.

— Я вас очень прошу.—плачет блондинка.— Он умрет в тюрьме. Нельзя ли хоть в тюремную больницу? У него ревматизм и астма.

— Посоветуйте к врачу обратиться.—невозмутимо отвечает Дымов.

— Как это жестоко, бесчеловечно.—вдыхает блондинка.— Вдруг папа помрет?

Она прячет лицо в платок и плачет жалобно, по детски. Дымов страдальчески морщится.

— Принеси пожалуйста воды.—просит он черноусого солдата.

Солдат уходит, блондинка плачет. По нежным пальцам текут крупные слезы.

— Не плачьте.—говорит Дымов.—Ваш родитель отлично проживет в тюрьме. Другие помногу лет сидели в тюрьме и не умирали.

— Я теперь совсем одна.—жалобно вслипывает блондинка.—Я так привыкла к папа.

— А матушка есть у вас?—любопытствует Дымов, поднимаясь с своего места и подходя к блондинке.

— Она померла... совсем недавно... я теперь сирота,—вexлипывая, жалуется блондинка.

— Ну, что же с этим поделаешь? — силится Дымов успокоить. — Поверьте, мне ужасно жаль вас, но я не имею права.

Черноусый солдат входит со стаканом воды. За дверью мелькает лицо Сатанелова, который кричит:

— Доготога не надо?

Дымов подает стакан просительнице. Та поднимает плачущие огромные глаза и, сжав теплыми ладонями руку Дымова, взволнованно шепчет пухлыми детскими губами:

— Ах, как мне тяжело, если бы вы знали! Чем я виновата, что папа полицмейстер?

Вздрогнув, Дымов осторожно освобождает свою руку и глухим голосом говорит черноусому солдату:

— Плащин, поговори с барышней, а мне... я уйду... мне слегка нездоровится.

И торопливо набросив на плечи шинель, глядя в пол, выходит из комнаты.

— В чем дело?—долетает голос Сатанелова в коридоре.

— Убир-райтесь к чор-рту!—слышится ответ Дымова.

Глава 48. Громовые удары в безмятежной обители братства, равенства, свободы.

Действие в той же зале, где стол с красным сукном и кафедра. Ужасная давка, духота, взволнованный гул сотен голосов. За столом те же: офицер, солдат, рабочий, господин в смокинге, дама с лорнетом, через который обзревает публику. Взглянув на золотые карманные часы, господин в смокинге встает, торжественным голосом говорит:

— Экстренное заседание революционного комитета объявляю открытым!

Длинная пауза, которую нарушает протяжный печальный вздох председателя.

— Прискорбнейшие события потрясли революционный порядок в нашем городе. Как истомленные путники в знойной пустыне к холодному ключу принадлежат, так мы свою жажду братства, равенства, свободы утолять стремимся к источнику величайшей в мире революции!

Потоп аплодисментов. Гул восхищения. Возгласы одобрения.

Движением руки господин в смокинге ходатайствует о спокойствии. Тишина восстановлена.

— Мы — революционная власть, — продолжает оратор. — Наши постановления закон для всех, признающих революцию. Но!..

Растопырив руки, оратор могильным голосом сообщает:

— С нашими распоряжениями некоторые слои населения не считаются. К таковым нарушителям революционного порядка относятся — увы! — наши доблестные воины и — увы! — местный рабочий совет. Три дня тому назад они без нашего согласия перевели в тюрьму заключенных, с которыми мы должны быть гуманны.

Крики:

— Позор!

Одинокий голос:

— Правильно сделали.

Негодующий голос дамы с лорнетом:

— Какая бессердечность!

— Вот именно, бессердечность! — восклицает оратор. — Неумирающие принципы братства, равенства, свободы обязывают нас к величайшей

деликатности с нашими бывшими врагами, которые в прах повержены революционным мечом и сейчас безвредны.

Обвал аплодисментов. За столом с красным сукном дама победоносно обозревает аудиторию через лорнет.

Одинокий голос с сокрушением:

— Эх-ма! Рюционеры!

Оратор вдохновенно гремит:

— Наш девиз: справедливость, а не месть! На этом основании мы предлагаем означенное мероприятие наших доблестных воинов и рабочего совета отменить!

Одинокий голос:

— Руки коротки!

Шум, негодующие возгласы:

— Кто посмел сказать—руки коротки? Призвать к порядку.

В это время раздается ужасный вопль:

— Батюшки!.. солдаты!.. с ружьями..

В дверях движение, видны штыки, солдатские шапки, слышен стук прикладов. Все потрясены, перепуганы. Жуткую тишину нарушает председатель в смокинге. Более бумага с отвисшей от ужаса челюстью, он дрожащим голосом спрашивает:

— Зачем ружья с товарищами солдатами? Мы, ведь, ничего предосудительного... собираться разрешено.

Безмолвная, оцепеневшая от изумления толпа слушателей расступается, давая дорогу каренастому солдату в черной мохнатой шапке. Он идет к столу с красным сукном, снимает шапку и показывает аудитории черноусое лицо с прапом на щеке.

— Внеочередное заявление вашему комитету,—говорит он спокойным, жестким тоном.—Два часа тому назад мы закончили разборку особо секретных бумаг вашего жандарма. Бумаги были запрятаны далеко, но мы их нашли. Так вот, значит, пришлось потревожить и вас..

— Куды? Нельзя!—кого то осаживает в дверях рослый солдат.

— Мне выйти бы,—слышится сконфуженный тенорок.

— Никого не выпускать!—приказывает черноусый солдат, достает из обшлага сложенный вчетверо лист бумаги, медленно развертывает и метнув в залу презрительный взгляд, говорит с усмешкой:

— Сегодня мы нашли список тайных сотрудников вашего жандарма.

Голоса:

— Почему нашего? Это оскорбление.

В дверях движение. Солдаты:

— Говорят, нельзя! Осади!

Взволнованный басок:

— Но я же болен... у меня живот...

Еще голос:

— Я тоже болен...

Тенорок:

— Не имеее права. Это насилие. Кажется, теперь все свободны.

Дама с лорнетом:

— Уж-жас-с-сс!

Черноусый солдат:

— Не шуметь там! Ребята, зорко!.. Ну-с, так вот дальше говорю.

Среди вашей компании кое-кто такие найдутся. Вот мы и пришли за ними.

Шум, голоса:

— Брунда... оскорбление... не может быть... клевета!.. воп!

Черноусый солдат сдвигает брови и берет со стола принесенный лист бумаги. Мгновенно тишина.

— Первый,—начинает солдат.—Самоваров Евдоким Иванов...

Голоса:

— Ах!.. Невероятно!.. Такой почтенный и...

Черноусый солдат:

— Кличка «Штопор»...

Голоса:

— Безобразие!.. он врет!

Черноусый солдат:

— Служит в мужской гимназии учителем истории...

Плачущий голос:

— Я нечаянно... увлечение прошлого... я раскаялся.

Возгласы:

— Скандал!.. Срам!..

Дама с лорнетом:

— Я предлагаю порицание.

Черноусый солдат с усмешкой:

— Эй, Штопор, марш вон к той двери!

Закрыв глаза ладонью, со стула поднимается сухощавый человек в сюртуке. Бородка клинышком, в петлице красный бант.

— Второй,—невозмутимо продолжает солдат.

— Это я,—перебивает жалобный тенорок.—Сознаться честнее...

Все с крайним изумлением смотрят нарядного человека с золотыми пуговицами на чиновничьем пиджаке.

Голоса:

— Петр Ильич!.. Да что-ж это такое?

Черноусый солдат:

— Какая фамилия?

Тенорок:

— Салазкин из казначейства-с.

Черноусый солдат смотрит список:

— А кличка?

Тенорок:

— Одеколон.

Черноусый солдат:

— Нет тебя в списке... ну, все равно, ежели сам сознался... Ковалько, прими там одеколону.

Тенорок в ужасе:

— Неужто меня в списке нет?

Что я наделал?..

Картавый басок:

— Я предлагаю пеггвать это мученье и пеггкатить немедленно уни- зительное заседанье. Такие дела нас не касаются.

Голоса:

— Верно... правильно... прекратить!

Черноусый солдат холодно и властно:

— А я приказываю молчать!—Когда выловлю прохвостов, делайте что угодно!.. Продолжаю. Второй—Мякинников Никонор Платоныч...

В зале стон:

— Не верим!.. Чепуха!

Черноусый солдат:

— Кличка «Монастырский»...

В первом ряду стульев поднимается широкоплечая фигура в черной бархатной рубашке. Пренебрежительно улыбаясь, шурясь на солдата

сквозь золотые очки и пощипывая длинными тонкими пальцами холёную бородку, вставший говорит:

— Я заявляю, что это жандармский ход и гнуснейшая провокация. В чем дело, я догадываюсь, но сейчас не скажу. Аресту—конечно—подчинюсь.

Голоса:

— Ошибка!.. Доктора все знают... он старый демократ.

— Разберемся, зря не обидим. — утешает с усмешкой черноусый солдат. — Дальше...

Глава 49-я. Отрывок из письма, которое не дошло по назначению.

... «творится у нас чорт знает, что такое. Полнейший произвол, анархия, измывательство над личностью. Среди населения прямо паника. Безобразничают солдаты, совет, форменные негодяи. Дымов, Харчугин, Плащин, Стогов руководят всеми безобразиями. Нельзя ли первых троих выгнать на фронт—они военные?»

Стогов—вообще томная, подпольная личность. Говорят, будто нашумевший человек с трубкой—это он. Голова у нас всех кругом. Наложены незаконные контрибуции за то, что мы, вишь, буржуазия. Словом, Леонид Васильевич все подробно расскажет, а ты прими меры и повлияй на министров. Между прочим: ужасно напакостила жена ротмистра Якина доктору Мякишикову. Говорят, она из ревности и мести за то, что Мякишиков женился, включила его в список провокаторов, который у ротмистра был где-то заперт, а Салазкина вычеркнула за то, что в его квартире свидания с любовниками устраивала».

— Вон оно что!—тоненько присвиснув, восклицает бледный человек в пенсне.—Талантливая дама, чорт возьми!

— Мошенница!—угрюмо замечает Дымов.

— Ну, она по крайней мере большую услугу оказала нам.—равнодушно говорит черноусый солдат.—Без нея как своих ушей не выдать нам особо секретных дел. А вот другая... беленькая... зачем повадилась к Дымову? Чуть не каждый день. А?

— Оставь глупости,—густо краснеет Дымов и сдвигает брови.—Она была всего два раза, хлопочет за отца, вообще пожалуйста без намеков. Плащин.

Все трое сидят в комнате, где принимали дам в сопровождении поручика Сатанелова. Черноусый солдат и человек в пенсне с лукавыми улыбками смотрят на Дымова, который, наконец, не в силах сдерживать счастливого смеха:

— Чего усталились? Допустим, ходит ко мне. Вам то что?

— Не люблю красивное семя,—сквозь зубы цедит солдат.

Глаза Дымова загораются недобрым огоньком. Заметив это, человек в пенсне поспешно говорит:

— К делу, товарищи. Из письма видно, что против нас правильная атака. Будем готовы ко всему.

— Ни черта не поделают,—беззаботно говорит черноусый солдат.

— Но предусмотрительность не мешает?

— Мы всегда на чеку... читай дальше письмо... Дай—ка, Дымов, огонька трубочку прикурить!

— Постой, я тоже набью.

— Тогда и я за компанию с вами,—решает человек в пенсне, откладывая письмо.

Все трое закуривают трубки.

— Братцы, а кто же из нас нашумевший человек с трубкой?—спрашивает черноусый солдат, подмигивая.

И все трое смеются с таким видом, словно кого то они одурачили.

ХОД ПЕРВЫЙ.

«Настоящим для производства строжайшего расследования и наказания нижепоименованных по всей строгости революционных законов предлагается под охраной усиленного конвоя направить в распоряжение прокурора №-го окружного суда. Помощника начальника №-го жандармского ротмистра Якина вместе с его помощником Свайкиным».

— Недурно придумано,—весело крутит головой человек в пенсне.

— Как быть, Стогов?—озабоченно спрашивает черноусый солдат.

— Я советую сделать так, как требуют,—говорит Дымов спокойно.

Двое с изумлением, широко открытыми глазами смотрят на третьего, который невозмутимо продолжает:

— Наряжаем самый надежный конвой. Арестантов ведут на вокзал. Дорогой арестанты внезапно убежали, скрылись, сквозь землю провалились.

Двое пристально смотрят на Дымова, он холодно смотрит на них.

— Значит, сквозь землю?—зловещим шепотом говорит черноусый солдат.

— Что-ж, я согласен,—с усилием произносит человек в пенсне, нервно кусая губы.—Отлично придумано. Этих выпускать нельзя.

Защищаясь, красные сбивают две белые фигуры.

Ночь. В небе высокая луна. Пустынным полем торопливо шагает группа людей с ружьями. Под ногами звенит ледок весенних луж.

Люди с ружьями идут к черному пятну леса.

Смутный говор. Голос:

— Вот здесь.

Тревожные слова:

— Что вы хотите с нами?..

Отчаянный крик:

— Спасите!.. пустите!..

Команда:

— Пли!

Залп освещает две падающие фигуры. Снова тишина и луна на прежнем месте.

ХОД ВТОРОЙ.

«Прапорщику Дымову:

Командующий войсками №-ского военного округа предлагает Вам немедленно явиться в штаб Округа для личных объяснений.

Дежурный генерал...»

Старший адъютант...

— Игра начинается серьезная.—задумчиво говорит бледный человек в пенсне.—Очевидно, нажаты все пружины.

— Обязательно свяжут, если послушаться дежурного генерала.—хмуру замечает черноусый солдат.

— Нельзя являться,—решительно заявляет скуластый белокурый писарь.—Придется вот так.

Он берет в руки карандаш, минуту обдумывает, потом пинет на доску бумагу.

Красные делают рокировку.

«Дежурному генералу

«Командиру № полка

«На предписание прапорщику Дымову за № 1892 доношу:

В виду крайне болезненного состояния и на основании медицинского свидетельства за №... прапорщик Дымов три дня тому назад уволен в продолжительный двухмесячный отпуск.

Местопребывание прап. Дымова в настоящий момент точно неизвестно».

— Вот как надо,—показывает бумажку писарь.—Документы можно изготовить задними числами.

— Отлично,—одобряет человек в пенсне.—Дымов, согласен?

— Все равно,—равнодушно бросает Дымов, погруженный в свои

думы.

ХОД ТРЕТИЙ.

Расшифрованная телеграмма.

«Предписывается срочно отправить в распоряжение дежурного генерала №-фронта прошедшие двенадцати и восьми-недельный срок обучения роты пополнения в полном боевом вооружении, а также роты пополнения, комплектованные из эвакуированных — тоже в полном вооружении».

— Это которые же роты?—любопытствует черноусый солдат, сердито кусая губы.

— Почти весь полк,—с ехидной усмешкой отвечает скуластый писарь.—Останется пять рот стариков с негодными винтовками.

— И тогда бери нас голыми руками.—усмехается худощавый солдат с нервным лицом.

Голоса:

— Правильно, Харчугин.

— Выручай, обращается к Дымову человек в пенсне.—Ты больше понимаешь в этих делах.

— Это распоряжение надо исполнить,—с потемневшим от гнева лицом говорит Дымов.—Мы делаем так...

В комнате с рваными обоями тишина перед взрывом. Солдатские шинели и потрепанные пиджаки рабочих сбились в тесный комок, похожий на кулак, который хочет размозжить врага. Ноздри дрожат, зубы сжаты, глаза—огонь.

Жертвуя пешками, красные переходят в нападение.

— Делаем так,—повторяет Дымов, одетый в мирное платье:—Отправляем стариков и с ними самые дрянные винтовки. Начальство не скоро разберется...

Общий вздох облегчения.

— Стариков накалываем. Для этого непрерывные митинги с участием солдатских вдов. Разделить их так, чтобы они непременно дорогой разбежались, а винтовки побросали.

Общий смех.

— Вместе с ними отправляем самую боевую роту эвакуированных. Чтобы в пути не остыли старички.

Общий смех. Голоса:

— Правильно, верно, накручивай генералам.

— Вместе со стариками отправляем еще первую и седьмую роту без ружей. Они голосовали за войну до победного конца. Пускай берут Дарданеллы.

Общее веселье. Голоса:

— А командир полка согласится на это?

— Сатанелов сделает все, что мы ему велит. Не зря же мы выбрали Сатанелова командиром.

Неуверенный голос:

— Ненадежный он.

Дымов уверенно:

— Зато Плащин надежный. Он приставлен к Сатанелову.

Все с уважением смотрят на черноусого солдата.

Глава 51-я. Поручик Сатанелов командует полком.

Напудренный, надушенный, в новых сапогах, новом френче, с сигарой во рту и хлыстиком в руках, поручик Сатанелов в кабинете штаба полка беседует с маленьким старичком, у которого веселая детская улыбка, румяные щеки и красный нос пуговкой. Это полковой врач. На лице Сатанелова сознание своего могущества и крайнее утомление от бессонной ночи за картами.

— Ужасно утомляюсь, доктор. Негвы гаспатались.

— Бром помогает,—замечает доктор, обнажая беззубые десны.

— Пробовал, не действует. Четговски трудно командовать полком, доктор. Вы как думаете?

— Да, не легко.

— Громадная ответственность негед начальством и этим, как это... негед революцией. Я, доктор, убежденный революционер.

— Я тоже революционер,—сообщает доктор.

— А скажите, доктор, каково медицинское состояние моего полка?

— Очень хорошее, господин поручик.

— Меня чаще называют «товарищ командир полка»,—мельком замечает Сатанелов.—Так революционер и так требует современное начальство. По вашему, как лучше?

— По моему тоже так лучше, товарищ командир полка.

Блаженная улыбка озаряет лицо восхищенного доктором Сатанелова.

— А скажите, доктор, много больных в моем полку?

— Пустяки, товарищ командир полка.

— Очень приятно, доктор. Вы отличнейший доктор. Доктор, вы не профессор?

— Нет, товарищ командир.

— А скажите,—медикаментов у нас достаточно?

— Хватит.

— М-мм... это хогошо. Кстати, доктор, нельзя ли мне спити небольшую порцию? Бутылку-другую?

— Возьмите сразу четверть, товарищ командир. Для околотка я выпишу...

С кипой бумаг в кабинет входит скуластый, белобрысый писарь.

— Подписать надр,—показывает он на бумаги.

Сатанелов делает ужасный зевок, берет перо и спрашивает:

— Что тут?

— Разная переписка... отпуска... про маршевые роты.

— Мудреная штука командовать полком,—вздыхает Сатанелов, делая росчерки на манер смотанного пастушьего кнута.—Сегодня пойду в театр... Эх, жаль, что я не в Москве команду полком: меня сфотографировали бы и напечатали в жугнале...

— Сегодня вечером хозяйственная комиссия, — сухо напоминает писарь.—Нельзя в театр.

— Я после комиссии схожу,—решает Сатанелов.—А, может, комиссия без меня займется?

— Нельзя.

Сатанелов грустно вздыхает:

— В отпуск пога... утомился до невозможности.

Глава 52-я. Шахматный турнир: белые ликуют и переходят в яростное наступление.

Богатый кабинет, тяжелые драпри на дверях и окнах. На огромном столе массивная золоченая лампа. В креслах господин в смокинге, грузный мужчина в сюртуке.

Смокинг.—Куда скрылся ротмистр?

Сюртук.—Молодец, ротмистр. Он себя теперь покажет.

Смокинг.—Надо спросить его жену.

Сюртук.—Ни в коем случае. О таких вещах не говорят. (Задумчиво).—Раз убежал, значит, чтонибудь готовится.

Смокинг.—Пора. Эта вольница оторвет нам головы, если так будет продолжаться.

Сюртук.—Не спешите. Сначала надо солдат выкурить из города.

Смокинг.—Насчет продовольствия я принял меры. Через два дня оно исчезнет. Торговцы продадут остатки, от новых сделок временно воздержатся.

Сюртук.—Согласились?

Смокинг.—А как же иначе? Им тоже не сладко от этой рвани.

Сюртук.—А как эти... люди с трубками?

Смокинг.—Дымова не видно, прочая солдатня не страшна.

Сюртук.—А этот... главный?

Смокинг.—Вы про Стогова? Приняты тоже меры. (С загадочной усмешкой). Попадет в капкан, годубчик.

Сюртук.—Дай то бог! Надоела канитель. Учредительное и то лучше... да право!

Смокинг (с упреком).—Не время падать духом. Действовать нужно!.. Ах, да—новость слышали? Этот Дымов влюбился, говорят, в дочь полицейстера. Мне Якина сообщила.

Сюртук (взволнованно).—Не может быть!

Смокинг.—Честное слово. Ходил с ней в театр, угощал шоколадом, вздыхал.

Сюртук (радостно).—Тогда мы, смогли бы при помощи этой бабышки кое-что сделать.

Смокинг.—Предоставим это Якиной. Она отлично делает свое дело.

Сюртук.—Умная баба! Министр!

Смокинг.—Слышали, как она прибрала к рукам Сатанелова... нового командира полка?

Сюртук.—Знаю. (Задумчиво). Собственно говоря, наши дела очень не дурны.

Смокинг.—Когда солдаты уйдут на фронт, будет совсем хорошо.

Сюртук.—Главное, Стогова выхватить.

Смокинг (уверенно).—На днях все решится.

Глава 53-я. Незначительный разговор мадам Якиной с дочерью полицейстера.

Свернувшись кошечкой, брюнетка отдыхает на диване. Одета в прозрачный шелковый капот, через который видно полные плечи, высокую грудь. Рукава очень широкие и очень короткие. Маленькая ножка перед самым носом поручика Сатанелова, который распластался перед диваном на полу и умирает от восхищения.

В низком кресле блондинка. Она задумчиво смотрит большими глазами в розовый фонарь в потолке. Одета в строгое и простое платье. Руки сложены ладонями на груди, словно она молится.

— Вы стали рассеянна, Нина,— лукаво грозит пальцем хозяйка.— Я просила новые ноты, вы пришли без нот. Почему это?

— Извините, я позабыла,— слабо вздыхает блондинка...— Как хорошо пахнет сегодняшний вечер.

— Весна гонит волнение и в женской груди, не только у мужчин,— меланхолически замечает Сатанелов.— По нагодной примете, когда чегемуха цветет, даже багышни...

— Не болтайте глупостей,— обрывает круто хозяйка. Закройте окно.

— Покояюсь приказу моего монаха,— послушно поднимается с ковра Сатанелов и целует носок туфельки.

— В кого вы влюблены?— наступает брюнетка, испытующе глядя на блондинку.— Сознавайтесь! В Дымова, да?

— Любви все возрасты покожны,— вздыхает Сатанелов, который закрыл окно и занял прежнее место.

Блондинка сконфужена и молчит.

— Что ж, он отличный молодой человек,— не отстает хозяйка.— Дымов мне нравится.

— Чогт возьми, еще один,— угрюмо вздыхает Сатанелов.— Ского у меня будет целый батальон сопегников.

— Еще слово, поручик, и я выгону вас вон,— сурово хмурится хозяйка, закрывая ножку капотом.— Вы неприличны.

— Я стгадаю, божественная...

— Ни слова больше... Нина, скажите,— давно вы не встречались с Дымовым?

— Я дал Дымову двухмесячный отпуск и он уехал,— с важностью заявляет Сатанелов.

— Я видела Дымова вчера,— тихо, смущенно говорит блондинка.

— Это невежотно,— возражает Сатанелов.— Он уехал.

— Почему невероятно?— пожимает плечами брюнетка.— Уехал, а потом опять приехал. Нина, вы не увидите Дымова сегодня или завтра?

— Вероятно, увижу... завтра вечером, конфузится блондинка.— Чтонибудь передать нужно?

— Да, пожалуйста передайте низкий поклон от меня.

Сатанелов с недоумением разводит руками:

— Станно. Его вызывал командующий войсками, а я ответил, что Дымов уехал в отпуск. Некгасивая штука.

— А зачем вы неправду пишете?— с упреком замечает брюнетка.

— Это писагь Шнугов писал, а я... я подписал ответ... Какой я дурак, Анна Павловна!

Нагудренное лицо поручика Сатанелова изображает озабоченность. Он не замечает даже ножки, которая снова выглянула из шелкового капота.

Глава 54-я. Блондинка решает, что Дымов сумасшедший.

Над городом темное кружево сумерек бессонного мая. Тихий говор любовных пар на скамейках общественного сада. Тихий вечерний лепет свежей листвы на деревьях. Тихая песня с реки у сада. Тихий ропот полковой музыки, которая на веранде играет вальс.

— Как легко на душе,— тихо говорит Дымов блондинке, любуясь красными оранжевыми лентами вечерней зари.

Они в самом темном углу сада под старой липой. Дымов в штатском платье. В кели он похож на англичанина. Курит маленькую трубку. Блондинка смотрит на него нежно и с любопытством.

— Зачем вы так одеты?— ласково улыбается она.

— Я в отпуску, военное надоело.

— Ах, да,—я очень виновата перед вами.—вспоминает блондинка.
— Вчера Анна Павловна Якина поручила передать вам низкий поклон, а я позабыла. Я стала рассеянна... Вы просили никому не говорить о вашем пребывании здесь, но я выболтала. Пожалуйста простите. Якина спрашивал, где вы...

— Якина спрашивала?—быстро перебивает Дымов.— Она знает, что я здесь?

— Знает... и Сатанелов знает. Пожалуйста не сердитесь.

— Большое спасибо, что предупредили.—встает Дымов со скамьи.
— Прекрасный вечер, но какнибудь в другой раз погуляем. Якиной ни слова о сегодняшней прогулке. Глядите, какой я сейчас фокус покажу!..

С печальной усмешкой Дымов делает поклон, смотрит по сторонам длинной аллеи, легкими прыжками бросается к соседнему забору, перелезает кошкой и пропадает из глаз пораженной блондинки.

— Куда вы?—кричит она испуганно.

— В спуск,—доносится веселый голос Дымова за забором.

Блондинка глядит на забор, на деревья, себе под ноги и ничего не понимает.

— С ума сошел,—шепчет она взволнованно.

Быстрые шаги. Двое справа, двое слева, один сзади — в шляпах, в котелках окружают блондинку. Торопливый вопрос:

— Барышня, а где ваш кавалер?

— Он... он там, через забор, он с ума сошел,—дрожащим голосом отвечает блондинка, готовая заплакать от потрясения.

Пятеро смотрят один на другого, растерянно, озабоченные.

— Убежал,—говорит один.

— Нужно было при входе взять.—резким начальническим тоном кричит коренастый человек с подстриженными усами, борода клинышком.

И круто, по военному, налево—кругом спешит к выходу из сада. Четверо почтительно идут позади, двумя парами.

Глава 55. Паника: пришли броневики, а Стогов с Дымовым пропали.

— Дымова не видал?

— Нет.

— А где Стогов?

— Не знаю.

— Как же быть нам, Харчугин? Пришли броневики, а Стогов с Дымовым пропали.

Черноусый солдат нервно щиплет усы, ломает пальцы, кусает губы, сердито хмурится. Темные глаза—пропасть, на дне которой верная смерть.

— Харчугин, скверные дела. С броневиками юнкера. Приехали гнать весь полк на фронт.

— Ну, что ж, поедем на фронт. Придет праздник и в нашу улицу,—спокойно говорит худощавый солдат с нервным лицом.— Там легче переждать эту...

На лице Харчугина такое выражение, словно наступил ногой на мокрицу.

— А как здешние без нас?—щурится черноусый солдат,—снова на хозяйский аркан. Юнкеров кто прислал.

— Начальство,—усмехается Харчугин.

— Хозяева выхлопотали!—гневно бьет ладонью по столу черноусый солдат.

Дверь комнаты с треском открывается, вбегают рабочие.

— Стогов с Дымовым арестованы!—кричат они.—Беда!..

Черноусый солдат с едкой насмешкой бросает в лицо Харчугина:

— Собирайся, Петр Иванович, на прежнюю квартиру. Начальство на волю, тебя в тюрьму, а нашего брата под офицерские кулаки. Айда на гауптвахту!

— Ну, это ты зря, — хладнокровно говорит худощавый солдат, вставая из за стола.—Собирайся лучше в полк, надо с ребятами потолковать. Начальство думает, наша трубочка потухла? Ш-ш-ш, не те времена!..

Глава 56-я. Квартиранты мадам Якиной.

— Барыня дома?

— Пожалуйте...

— Гостей нет?

— Одна, книжку читают.

Прислуга показывает на дверь в комнаты. Дымов и бледный человек в пенсне, весело переглянувшись, входят в комнату. Мадам Якина мечтательно смотрит в потолок, на полу развернутая книжка. Шелковый капот, волосы распущены.

— Ах!—воскликает она при виде гостей.—Дымов!.. Стогов!

Глаза испуганы. Ладонь левой руки щитом, за которым она хочет спрятаться.

— Пожалуйста, спокойствие, — говорит Дымов ровным голосом.— Вы одна?

Хозяйка молча кивает головой.

— Ктонибудь обещал зайти?

— Сатанелов,—испуганно шепчет хозяйка.

— Скажите прислуге, чтобы не принимала. Вас нет дома. Поняли?

Молчаливый кивок головы.

— Распорядитесь сейчас же. Маленькое предупреждение. Вы нам очень рады. Хотя одно слово горничной, малейший сигнал,—видите эту игрушку?

В руке Дымова тускло блестит ствол браунинга.

— Вы меня не знаете? Я—человек с трубкой. Поэтому шутить не советую.

Испуг в глазах хозяйки пухнет в дикий ужас. Ладони обеих рук протянуты вперед с мольбой о пощаде.

— Ступайте распорядиться. Советую быть спокойной и веселой. Вы нам рады. Велите самовар. Идите!..

Точно кукла хозяйка выходит из комнаты.

— Даша, я ушла из дома, не принимай... подай самовар.

Когда она возвращается, гости непридуманно в креслах.

— Садитесь,—показывает Дымов на диван.

Хозяйка послушна, очень бледна, глаза преданной собаки.

— Нам нужна квартира. — с усмешкой говорит Дымов. — Дня на два. Решили остановиться у вас. Вы не возражаете?

Хозяйка не в силах скрыть изумления.

— Нас ищут, хотят арестовать, а мы не хотим этого. — поясняет Дымов.—Ваша квартира вне подозрений. Ясно?

Хозяйка молчит.

— На два-три дня вы заболели, а еще лучше уехали из города куда-нибудь на дачу,—наставляет Дымов.—Гостям решительный отказ. Вас нет. Прислугу дальше дверей прихожей никуда. Если что потребуются, у нас отличный... деньщик. Словом, разрешите вас арестовать дома. А потом, когда нужно, мы уйдем. И вы свободны. Если будете нас слушаться. Иначе...

Дымов выразительно смотрит на хозяйку и переводит холодный взгляд на браунинг.

— Я согласна.—торопливо говорит хзяйка.—Я согласна и... прошу поверить...

Хозяйка мгновенье молчит и, собравшись с духом, в каком-то восторге шепчет:

— Я вас спасу... это очень оригинально... я люблю риск... и еще... еще... вы мне очень нравитесь, Дымов! Вы самый настоящий мужчина! Ах!

Она в каком-то экстазе ломает пальцы рук.

— Тем лучше,—весело улыбается Дымов.—Последнее условие. Если нам потребуется уйти в город, один из нас обязательно останется с вами. На всякий случай. Имейте в виду, мы с оружием, если вздумаете нас предать.

— Я не намерена вас предать, — решительным жестом протестует хозяйка.—Скажите, что я должна делать?

— Угостите нас чаем и с хлебом, если можно. Сегдня мы не успели закусить.

Хозяйка молча—в соседнюю комнату, на пороге вдруг останавливается, испуганно ахнув.

— Что такое?—интересуется Дымов.

— В кухне разговор, шум... кто-то посторонний. Прячьтесь скорее...

Тревожно переглянувшись, гости с револьвером в руках идут на встречу опасности.

— Ступайте в тот угол,—сухо говорит хозяйке человек в пенсне.— Ни слова, иначе первая пуля в вашу прическу.

С кухни доносится:

— Пусти же, дура. Сказано свои.

— Не приказано,—отвечает женский голос.

— Пошла, пошла!..

Шум, возня, грохот от падения тяжелого. В комнаты врывается рослый веснушчатый солдат.

— Вот они!—радостно кричит он увидев Дымова.— Ваше благородье, товарищ Дымов, это я! И Катюшку привел, как велели.

— Ф-фу, какой чудак,—недовольно хмурится прапорщик.— Зачем же такой шум?

— А это не мы виноваты,—оправдывается солдат.— Не пуцали нас.

Растерянная, побледневшая хозяйка вопросительно смотрит на Дымова.

— Наш денщик, про которого я говорил,— поясняет тот.—С ним жена. Она будет помогать вашей прислуге. Теперь у вас четыре квартиранта.

Глава 57. Пытаются залить водой полковую трубку, чему препятствует поручик Сатанелов, который неожиданно оказался тоже человеком с трубкой.

Большой деревянный цирк на огромном дуге за городом. Гул тысяч голосов солдат, которые сидят и лежат на траве, ожидая митинга. Все оживленно жестикулируют, лица тревожные, в руках у иных газеты. Среди солдат горожане, бегают мальчишки, бродят бабы—торговки с корзинами снеди. Над цирком красный флаг.

У входа в цирк группа офицеров и солдат окружила поручика Сатанелова. Он спорит с полковником, около которого штатский в изящной шляпе с портфелем.

— Почему же роты не были вами отправлены на фронт?—наступает рыжебородый полковник.

— Потому что солдаты не хотят больше на фронт,—хладнокровно отвечает Сатанелов.

— А почему они не хотят?

— Сигосите их. Вегоятно, устали воевать.

— Правильно,—гудят окружающие солдаты.—Кончать пора.

— Товарищи, как вам не стыдно?—упрекает штатский.—Вас зовет родина! Я вам сейчас объясню, почему мы воюем и после революции.

— Не надо, больше тебя знаем! Ты в окопах бывал? А мы насиделись! Будя!..

— А вы на фронте были?—насмешливо щурится рыжебородый полковник на Сатанелова.

— По своей глупости два газа, собигался третий, да к счастью пегедумал. А вы, конечно, не были, господин полковник?—весело улыбается Сатанелов.

— Это вас не касается,—сухо говорит полковник.—Кстати, на каком основании Дымов не явился по нашему вызову в Округ? Куда он скрылся?

— В отпуск уехал, а не скгылся,—поправляет Сатанелов.

— Вы не имели права пособничать изменнику родины,—багровеет полковник.—Это называется контр-революцией.

И повернувшись к штатскому,—спиной к Сатанелову,—ласково спрашивает:

— Не пора ли нам побеседовать с солдатами?

— Я всегда готов,—с важностью, сообщает штатский.

Через полчаса на лугу пусто. Все в цирке. Взобравшись на ящик, на арене штатский вдохновенно поливает красноречием слушателей.

— Товарищи воины,—щелкает в воздухе.—Революция требует жертв... будем доблестными сынами революции... бьет двенадцатый час... враг стучится в ворота... на фронт нужны подкрепления... победоносная война...

При слове война немедленно ужасный свист, шум, крики:

— Мало ухлопали народику? Не дадим больше, вре-еешь! Будет!

— Братья солдаты!—воскликает оратор, отирая пот шелковым фуляром.—Опомнитесь! В качестве военного комиссара Округа призываю... наша союзница Франция изнемогает...

— А мать ее, Францию вашу! Сто лет что ли воевать будем?

Оратор в отчаянии:

— Братья!

Свирепый рев:

— Слезай! Надоел!

— Вот плоды вашей деятельности,—раздраженно шепчет рыжебородый полковник Сатанелову.—Я доложу про вас в Москве, как о виновнике, если солдаты воспротивятся мне и прольется кровь. Она будет на вашей совести! Я не зря с броневидами!..

— Позвольте, пги чем же тут я?—изумляется вслух Сатанелов.

— Вы разложили солдат, занимались подстрекательством к неповиновению...

— Что-о-о? Я газложил солдат?

— Вы!

— Я?!

— Да-с, вы-с, милостивый государь.

— В таком случае сплосим самих солдат.—внезапно решает Сатанелов, лезет на ящик, который покинул оратор и обращается к солдатам:

— Бгатцы, я не умею гечи говогить...

Голоса:

— Ну, и слезай, коли не соответствуешь.

Голоса:

— Не мешайте. Может, что дельное.

Полковник в тревоге тянет Сатанелова за галифе вниз, но Сатанелов обиженно отмахивается:

— Пустите пожалуйста. Бгатцы, скажите ему.

— Не мешай!—грозно рычат на полковника солдаты.

Рыжебородый полковник покорно отходит к сторонку.

— Бгатцы, он говогит, будто я вас подучал и что кговь на моей совести будет.

Голоса:

— Какая кровь?

Сатанелов обиженно:

— Кговь, котогая потечет, если вы добговольно на фгонт не пойдете. У него, ведь, бгоневики!

Полковник и штатский в ужасе закрывают ладонями уши, словно ожидая пушки. В цирке зловещая тишина, в которой страшен хрип тысяч грудей. Тысячи солдатских глаз брызжут гневом-огнем. Серые лица потемнели. Сатанелов с удовольствием наблюдает эффект своей речи.

— Что-ж это такое?—разъяренным тигром прыгает в тишину звонкий тенор.—Броневиками нас? Мало нас в окопах давили?

В цирке раздается оглушительный вой, тысячи кулаков протянулись к арене.

— Бить их самих! Разорвать в клочья!

— Погибли,—в ужасе шепчет штатский полковнику.

В это время черноусый солдат с шрамом на щеке, вскочив на ящик рядом с Сатанеловым, поднимает над головой руку и, как кнутом, укрощает цирк повелительным:

— Тихо, товарищи!

Полковник с штатским невольно подвигаются ближе к ящику, словно чувствуя, что их благополучие в руках черноусого человека, который говорит умоляющим тысячам:

— Если эти (пренебрежительный жест в сторону полковника) не круглые дураки, так пусть видят, как мы боимся их броневиков. Угроз мы не испугались. На чеку будем и с винтовкой даже спать будем. Но, здесь орать вам не к чему, криком дела не делают. В казармах, одни обсудим наши дела. Здесь нам нечего оставаться. Согласны закрыть собрание? Ушей много здесь чужих.

— Закрывать!—как один, отвечают солдаты.

Поципывая бородку, полковник внимательно глядит на солдат и слышит мурашки по спине.—такой негибаемой, упрямой силой веет от этих тысяч.

— Я теперь все понимаю,—шепчет полковнику штатский, поняв, что гроза прорчалась.—Этот картавый офицер, несомненно, человек с грубкой, которого ищет ваша разведка. А черненький солдат его помощник.

Глава 58. Шахматный турнир: белые снова атакуют красных, которые атакуют белых.

Летний полдень. Небо в темных тучах, дождь, но улицы полны народа.

Толпы перед лавками, которые закрыты. На дверях объявления.

Продовольствие распродано, поступления нет.

Мука крупа и прочее все продано и магазин имею честь для почтеннейшей публики закрыть.

Товаров нету и не предвидится.

Харчи вышли и когда будут про то нам неизвестно.

Разговор в толпе:

— Выходит, зубы на полку.

— Дожили, можно сказать. Зато свобода.

— Революции захотели. Вот и ешьте вашу революцию.

— Никакого порядка и голодай.

— Солдаты все приели. Чу, на фронт не желают. Вона, какие рожи отпустили.

— Гнать их, чертей!

— Товарищи, не слушайте. Зря он болтает. Кто у власти?

— А кто?

— Те же, что и прежде. Купцы с баржуями. От них все. Нашу власть надо, свою.

— Правильно!

— Красных флагов навтыкали, а сами по старому черные.

Толпа пухнет, гудит. Громкий голос:

— Товарищи, нам нужен мир, отдых, работа, им нужны война и нажива. Они нарочно хлеб спрятали, чтобы напугать нас.

— Правильно!

— За ворот купцов!

— Долой войну!

Женский голос:

— Сами жрут, а бедняки под дождем. Кровошницы!

Еще женский голос:

— Мужей на войне убивают, сироты голодные...

Крик:

— Товарищи, все на площадь! Туда идут рабочие и солдаты. Давайте вместе с ними!

Женский голос:

— Бабы, чего стоите? Потребуем!

Молния рисует в небе длинную огненную черту, удар грома, ливень шумит.

Из ближней улицы выходят передние ряды солдат с винтовками. Впереди плакаты.

Долой войну!

Долой капиталистов!

С другой улицы несется нестройное пенье, слышен гул, топот, показываются передние ряды фабричных с плакатом:

Хлеба! Мира! Свободы!

Огненные кнуты секут тучи, небо грохочет, режут трубы полкового оркестра. Людские волны сливаются в огромный поток, над которым высятся:

Вся власть Советам!

Глава 59. Белые готовятся к решительному удару.

Богатый кабинет. Тяжелые драпри на дверях и окнах. В креслах господин в смокинге, мужчина в шюртке, рыжебородый полковник, коренастый человек с бородкой клинышком.

— Силой ничего не поделаешь, — говорит смокинг. — Если, допустим, сегодня арестовать всю шайку Человека с трубкой, завтра солдатня их освободит. С большевиками нужно иначе поступать.

— Обходным движением, — подтверждает полковник, опрокидывая в рот рюмку коньяку.

— Совершенно правильно. Если, например, убрать с дороги самых опасных вожаков, тогда картина другая будет. Начать хотя бы с этого прапорщика... как его?

— Дымов, — подсказывает коренастый человек. — Он был бы в наших руках, если бы не барышня, с которой он гулял в саду. Видимо, тогда она во время предупредила.

— Вот эта барышня и поможет нам сейчас, — улыбается смокинг.

— Каким образом?

— Сию минуту.

Смокинг не спеша закуривает сигару и продолжает.

— Сегодня они последний день в квартире Якиной. Завтра переезжают в другое место. Взять открыто, много шума и опасно. Я придумал другое. Как вам нравится вот это?

Смокинг достает из бумажника листик почтовой бумаги. Все читают:

Вы мне очень нужны. Большая неприязнность. Пожалуйста придите к 11 часам вечера в сквер у собора, если это не опасно для Вас.

Ваша Нина.

- Это барышня писала?
- Почерк ея,—усмехается лукаво смокинг.
- Ага! Ну, а дальше что?
- Отправить записку по назначению.
- Не покажется ему подозрительным?
- Они переписываются, когда не видятся день—два.
- Отлично. Дальше что?
- Он, конечно, идет в сквер. Не одна революция в голове. А остальное—дело ваше,—обращается смокинг к коренастому человеку.
- Понимаю,—в раздумьи говорит тот.—Что-ж, попробуем... Безусловно, это связано с некоторыми расходами.
- Пожалуйста располагайте. Это пустяки.
- А Стогова нельзя убрать?—спрашивает доселе молчавший человек в сюртуке.—Он нашим фабричным разное внушает...

Глава 60. Дымов уезжает на новую квартиру.

Высокая луна запуталась в лохматых тучах. В улице тихо, темно. Правой стороной, не спеша, идет к собору одинокий прохожий. Руки в карманы. Вполголоса напевает грустную песню. Навстречу ему бредут, покачиваясь, двое гуляк. У старой липы останавливаются, пытаются закурить, ветер тушит третью спичку.

- Нет больше спичек,—бормочет пьяный голос.
- Плевать, идем домой, спать хочу,—отвечает с трудом спутник.
- Давай на травке уснем? Вот здесь,—смеется пьяный голос.
- Прохожий приближается. Двое, покачиваясь, смотрят, один весело восклицает:
- Ба, товарищ Дымов! Мое почтение и с любовью niskий поклон! Падает и лбом стучает в тротуар.
- В чем дело, приятель?—слышится спокойный вопрос.
- Люблю товарища Дымова,—бормочет пьяный, шлепая ладонью по тротуару.

— И я люблю,—говорит второй.—Брат мой, спаситель революции, защитник родины, дозвошь поцеловать? Христос воскрес!

Растопырив руки, посмеиваясь и пошатываясь, второй приближается к прохожему, вдруг прыгает на него и, охватив корпус и крепко сжав его локти, коротко бросает:

— Бей!

Первый быстро поднимается. Раздвинув тучи, луна освещает в его руке нож. Крик, хрип, стон, прохожий упал. Двое бегут в переулок, прячась в тени забора.

Глава последняя, в которой человек с трубкой людей с метлами и лопатами ставит на работу.

Будни. Улица украшена красными флагами. Холодный ветер поднял воротники прохожих, рвет с озябших деревьев последние листья.

Мостовой торпливо стучат сапоги взвода солдат, которые поют:

«Мы в бой пойдем
«За власть советов
«И, как один, умрем
«В борьбе за это!»

Прохожий в драповом теплом пальто и каракулевой шапке вполголоса говорит спутнику в шубе.

— Вишь, орут? Чему радуются?

— Теперь они власть,—угрюмо роняет шуба.—Еще бы не радоваться.

— Смотрите, смотрите!—хватая спутника за рукав, восклицает драповое пальто и показывает рукой вправо.

Из за угла соседней улицы выходит взвод людей с метлами и лопатами на плечах. Они очень хорошо одеты. Видны котелки, мягкие шляпы, бобровые шапки, сверкают галоши. По бокам их солдаты с ружьями. Впереди шагает усач с трубкой в зубах, руки в карманы ободранной шинели. Посреди улицы он останавливается, поворачивается лицом к метлам и командует:

— Стой!

— Смотрите, смотрите, вон городской голова, вон члены управы, и предводитель дворянства тут,—в ужасе шепчет драповое пальто, показывая на метлы и лопаты.

— Соборный протонерей тоже с метлой,—шепчет шуба.

— А вон председатель земской управы,—показывает пальто.

— Полицмейстер, купцы, фабриканты,—стонет шуба.

— Безобразия!

— И жаловаться некому!

— Зачем же метлы и лопаты?

— Андрей Васильич, пойдемте от греха. Как бы не того... и нас с вами?

Усач с трубкой не спеша говорит:

— Первый ряд выходи сюда. Вам даю участок вот от этой тумбы до аптеки. Начинай!

Двое в котелках, трое в шапках, двое в шляпах начинают мести метлами.

— Второй ряд, выходи,—приказывает усач с трубкой.—Вы будете чистить от аптеки до извозчика на углу. Айда!..

Собирается толпа зевак.

— Ты метлу хорошенько держи, вот как,—показывает усач щеголю в пальто английского покроя и в золотом пенсне.

— Я не привык с метлой,—морщится щеголь и пожимает плечами.

Человек с трубкой смотрит на него и с усмешкой говорит:

— Приучаться пора. Не трудящийся, не ест!

ЭПИЛОГ.

Не о н ли это?

В четырнадцатом этаже одного из каменных великанов на Пятой Авеню в Нью-Йорке, в квартире одного из многочисленных бюро тайной полиции весьма секретное заседание. Говорит Том Айзр, начальник бюро. Слушатели—пятеро рослых молодцов, его агенты.

— Уши на гвоздь, ребята.—говорит Том.—Большая работа для ваших ног и голов. Если, конечно, ноги тверды, а головы не набиты мякиной. Кто из вас не прочь заработать сто тысяч долларов?

— Я!—воскликнули пятеро и каждый жадно облизнулся.

— Тогда слушайте. Вы знаете, что такое Москва?

— Напиток.—догадался рыжекудрый парень с опухшим лицом.

— Да, напиток, пьяница ты этакий.—загадочно усмехнулся Том.— От этого напитка миллионеры и миллиардерыдохнут, как крысы от мышьяку.

— Москва—это Россия, где революция.—сказал узколицый, похожий на лису, Чендлер.

— Вот это дело,—одобрил Том Айзр.—Там не только революция, но и зараза, которую привозят и к нам пассажирские пароходы. Признаки такой заразы вам известны. Это анархисты, синдикалисты, динамитчики и прочая красная сволочь, которая беснуется у нас на улицах и в скверах, требуя какого то равенства в имуществе.

— Ну, мы—кажется—хорошо затыкаем их глотки.—весело сказал плечистый Гарри, выразительно показывая кастет.

— Не совсем хорошо, если получаешь такие бумажки.—озабоченно вздохнул Том Айзр, беря со стола конверт.—Послушайте-ка внимательно, что здесь написано.

Он поднял к потолку указательный палец и начал читать:

«По сведения заграничных бюро, из Москвы прибыл в Нью-Йорк виднейший русский агитатор для известных вам целей. Точных примет прибывшего не установлено. Предписывается»..

— Вот ослы!—перебил Гарри.—Как же искать его, если нет точных примет?

— Премия за поимку сто тысяч долларов,—вставил Том Айзр, хмурясь, что ему помешали дочитать.

— А приметы?—ехидно прищурился Гарри.

— Во первых, он русский,—сказал Том Айзр.

— Здесь тысячи русских.—добавил со смехом Гарри.

— Во вторых, красный.

— Среди наших рабочих и прислуги десятки тысяч красных,—ядовито усмехнулся Гарри.

— Чорт, он бунтовщик!—вспыхнул Том.

— По вашему, в Америке одни миллионеры?—не отставал Гарри.—В наши дни это не примета, а ерунда на касторовом масле. Вся нищета бунтовщики, мистер Том.

— А сто тысяч тоже ерунда?—в свою очередь прищурился мистер Том.

— Но кого искать?—завопил Гарри, потрясая кулаками.

— Одну незначительную подробность удалось установить.—загадочно произнес Том Айзр.

— Какую?—вскочили агенты.

— Наш начальник сообщил мне, что этот агитатор не выпускает изо рта трубку.

Агенты переглянулись и невольно, точно по команде, засмеялись.

— Нечего сказать, хорошая примета,—покачал головой Гарри.—Я знаю десятка полтора американцев, которые даже спят с трубкой.

— Во всяком случае, надо попытаться.—сухо заявил начальник бюро.

Гарри и Чендлер сидели за столиком в ресторане на углу Медисон-сквера и внимательными рысьими глазами осматривали посетителей.

— Здесь часто собираются красные,—шопотом убеждал Чендлер скептика Гарри.—Вдруг на наше счастье?..

За соседним столом плешивый старик, сверкая золотыми коронками зубов, выплевывал в воздух вместе с табачным дымом сердитые слова:

— Полиция спит. И правительство спит. А красные не спят и вьют веревку, на которой нас повесят...

— Правильно,—подтвердил его собеседник, желтощочий мужчина, похожий на маклера.

Чендлер тихонько толкнул ногой Гарри и шепнул:

— Послушай, взгляни вон на того молодчика у окна. Он самодовольно усмехнулся, когда услышал про веревку, которые вьют красные. Потом он курит трубку. И потом... потом он, право, похож на русского. Послушай, Гарри, не он ли это?

Другой сыщик пристально взглянул на плечистого, белокурого человека, который насмешливо улыбался в сторону старика. В его зубах торчала трубка, которую он поддерживал мозолистой, крепкой пятерней. Серые глаза смотрели пытливо и умно. Он был в поношенном костюме и не стыдился этого среди чинных и важных посетителей.

Когда он направился к выходу сыщики поднялись и пошли за ним следом.

Ив. Майоров.

Иваново-Вознесенск

Ноябрь 1923 г.

Лики революции

Перевод с французского Ал. Манизер

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

ДЛЯ ДЕВОУЩИ

Содержит в себе...

СТАРИКИ.

Этот добряк переживал начало революции не понимая ее. Это был шестидесятипятiletний обыватель, выбритый, полный, зябкий, которого называли г-н Нотабль. Он жил в скромном местечке, в окрестностях Валансьена.

Жители его деревни советовались с ним по всякому поводу. На ярмарке в Камбрэ, когда он выходил из экипажа, торговцы сбегались, чтобы приветствовать его. Бывший чиновник при Тюрго *), по его словам, именно он, когда то в Версале переписал приказ о «свободном обращении зерна в королевстве». Это придавало ему все. К тому же он носил трость и шинель и выступал с солидностью члена парламента.

Утром 8 сентября 1793 года—это число бывшему чиновнику Тюрго пришлось запомнить навсегда,—когда он одевался, служанка Розали воскликнула:

— Иисусе! сударь, небо-то все красное.

— Что же? сегодня будет ветреный день, и только.

Служанка качала головой.

— Нет, сударь, теперь я догадываюсь. Это красное, что виднеется там, за деревьями, это война.

— Ну! ну! ну! война. Пустяки. Вот уж два года только газетами питаются, прокламациями заедают, спят... (передай мне мой галстук Розали), спят только среди пороха да пухля. Спрашивается, есть ли в этом смысл?

Служанка не слушала.

— Брат мой ровно год, как ушел, сударь, как другие, как все остальные. А ведь он в ваших летах.

Г-н Нотабль потерял терпение.

— Какое тебе дело до моих лет? уж не хочешь ли ты сказать, что я стар? мне шестьдесят... пятьдесят пять лет, не больше. Что касается твоего брата, он лучше бы сделал, оставшись здесь. Где мои удочки?

— Я не к тому говорю, сударь, чтобы выжить вас, сказала служанка, подавая удочки. Что бы стала делать беззащитная женщина, как я, если бы барин ее был в армии. Только город наш, вот уже три года такой стал, что страшно взглянуть. Вы бы присмотрелись, сударь, на улицах. Только женщины, вдовы... детей уже не стало. Все они ушли. Старики тоже. Я видела ухивших к границе на костылях.

Пока служанка болтала, г-н Нотабль спустился и открыл парадную дверь, он созерцал небо.

*) Министр финансов при Людовике XVI.

— Отличная погода для плотвы, произнес он. Из пачки камыша, которую он держал под мышкой, он выбрал одну удочку, проверил крючки. Это был легкий тростник с цельным волосом.

— Леса десятый номер, моя скамеечка, мои навозные черви. Великолечно.

Г-н Нотабль положил удочку на плечо и отправился к реке. Улицы были полны солдат, направляющихся в ратушу, в госпиталь. Через площадь шли батальоны гренадеров. Показавшийся вдали артиллерийский обоз напугал рыболова своим железным лязгом. Прижавшись к перилам, г-н Нотабль ждал пушек. Потом, когда они проехали:

— Сумасшедшие, воскликнул он. Куда их несет? Я уверен, что они будут драться, шальные головы! Безумцы!

Г-н Нотабль был тяжеел на ноги. Запыхавшись, присел он на краю откоса и вздохнул с удовлетворенным видом. Кругом него восстановилась тишина. Деревья были на своих местах, ароматный ветерок дышал над Шельдой, и все ямки на склоне, приюты рыболовов, отзывались у него на душе.

— Чтобы ни творила Республика, думал старик, жить все-таки хорошо.

У г-на Нотабля была безобидная привычка приправлять свои поступки разговором.

— Ну вот, беру я мою удочку, хватаю лесу, насаживаю червячка. Фюить! я закидываю. А теперь внимание...

Но как ни напрягает г-н Нотабль свое внимание, едва прошла минута, как глаза его суживаются, руки опускаются, упираются в колени. Голова склоняется, и подобно нежной флейте легкий хрип слетает с его уст. Без сомнения он устал. Не угодно ли! При этом громыханьи пушек, этих воинственных фанфарах и бешеных скачках разве сможет выспаться разумный человек?

Склонившись над мирной водой, г-н Нотабль продолжает прерванный утром сон. Он похрапывает. Едва он уснул на своей складной скамеечке, опустив нос на грудь, как вся рыба Шельды, ободренная его молчаньем, явилась играть под его удочкой, дерзко шлепая хвостом по приманке.

— Г-н Нотабль! кричали рыбы (во сне все возможно), г-н Нотабль! Вставайте! Унесите ваши соблазны, собирайте ваши снасти! Вы ничего не выудите, кроме травы! Убирайтесь!

— Уходите! г-н Нотабль, уходите! разинули рты два карпа, улывавшихся вместе, не стыдно вам преспокойно оставаться тут, когда братья ваши сражаются!

Они прибывали со всех сторон. Вокруг поплавка кувыркались и головы, любители мельниц, которых берут из водяного колеса; лежи. лакомые до жареного зерна; щука, поднимающаяся к истокам, налимы. любители тихих вод; увесистые лини и резвые уклейки, которые изгибаются, чтобы ловче кинуться на приманку; и все еще прибывали новые белесоватые вереницы, перламутровые стаи уклек, усачи, широкие карпы—речная знать со свитой легких пискарей, дерзких до безумья.

— Какая ловля! мечтал во сне г-н Нотабль.

— Какая ваша ловля! закричали лини. Послушайте, г-н Нотабль. мы из Камбрэ. Полки проходили берегом, и мы искали вас. Раздавались награды смельчакам, которые отстаивали город в прошлом месяце. Но вас там не было, г-н Нотабль, вы тем временем удили!

Соломинка, увлекаемая течением, обернулась кругом поплавка, тонким голосом ржаная былинка проленетала:

— Я издалека, из города Кондэ, там наверху 12 июля была канонада. Какая ужасная война!

Поплавок перевернулся и соломинка продолжала свой путь, а на ветке ивы воробышек причитал:

— Я жил в Валансьене, гнезвился в пасти грифона на кровле собора, но город тоже осадили, его отстаивал семидесятилетний генерал г-н Нотабль! и что же! Бомбардировка тянулась сорок дней!

Усач пошевелил своими усами и сказал с солидным видом:

— Австрийская армия потеряла двадцать тысяч человек, французская — шесть тысяч. Я это знаю от храброго капитана, талантливого г-на Буажера, который омывал свои раны в Шельде.

Уклейка кувырнулась и закричала:

— У меня была дырка в старом мосту. Невозможно дольше оставаться. Мертвые солдаты проплывают у вас под брюхом, и река полна оружия, которое французы не захотели сдать врагу.

Пискари образовали хоровод:

— Мы оттуда, где сражаются. Шельда вся красная! Это кровавое половодье! Мадам карп, заступитесь за нас.

В этот момент отблеск далекого взрыва полоснул небо.

— Это похоже на гранату, взорвавшую мою мельницу, — сказал голынь, выставляя нос. Тень раненой птицы пронеслась над рекой.

— Новостей, ворон! Новостей!

Путник опустил клюв.

— Я из Дионкирка. Под Ондскотом сражение *)! — прокричал ворон слабеющим голосом. — Парижская жандармерия покрыла себя славой.

Журдан отличился *)! Вандам отбивает англичан!

— Что у тебя в крыле?

— Картечь.

— Слышите, г-н Нотабль! — воскликнули маленькие пискари.

Запахавшийся волк остановился над обрывом, чтобы отдышаться.

— А ты, волк, что ты нам скажешь?

— Меня прогнали из Майнца! Солдаты дерутся в Касселе. Кроме мертвых, некого есть.

— Победа! — заорал в пространстве мрачный голос.

Это был орел.

Тут, казалось, все рыбы полезли из воды.

— Откуда ты, орел?

— Из французского города, который один молодой артиллерист, как раз, берет обратно от англичан.

— Какой город?

— Тулон!

Орел исчез. Порыв ветра взбаламутил реку.

— Ветер, ты должно быть видал виды, расскажи!

— Я из-за гор! — завыл ветер. — С Юга. Испанцы отбиты капитаном Тур д'Овернь **). Дрались на Дюравсе, генерал Карто снова вернул Марсель. Да здравствует свобода!

Ураган продолжал свой путь, завывая марсельезу.

*) Победа французов над австрийцами и англичанами в 1793 г.

*) Журдан Мотье-Жув, прозванный Головорезом, террорист родом из Прованса, погибший на эшафоте в 1794 г.

***) Де Ла Тур д'Овернь — капитан французской армии, отличившийся в войнах Революции. Отказался от генеральского чина и позднее получил от Наполеона звание «первого гренадера Республики».

Тогда рыб охватил ужас. Они ринулись к рыболову, сон которого становился тревожным.

— Вы слышали? Сражаются в четырех концах Франции. Визжат пули, повсюду льется кровь, а вы тут спите на вашей скамеечке.

Волнение г-на Нотабль стало так сильно, что он проснулся.

Бледный, охваченный ужасом, он повернул голову вправо, потом влево. Полный покой.

— Мне почудились голоса... пробормотал он.—О, что за ужасный сон!

Поспешно собрал он свою корзинку, удочку и скамеечку и вернулся домой. То же смятение наполняло трубными звуками все дороги. Старая Розали ждала у дверей.

— Ну, сударь, что-же это с вами. Ваш суп уже целый час как подан. Никогда этого не бывало!

Г-н Нотабль ничего не ответил. Войдя, он упал в свое кресло.

— Розали!

— Что изволите?

— Ты достань мой чемодан.

— А потом?—сказала удивленная служанка.

— Ты уложишь в него мое фланелевое белье.

— Слушаю.

— Пару теплых туфель и мои гигиенические жилеты.

— Так.

— Потом что-нибудь повкуснее, чтобы закусить в дороге. Например, парочку бекасов.

Розали всплеснула руками.

— Вы уезжаете. Что ж, сударь, в конце концов вы правы, удирая. Когда человеку 65 лет, как вам...

Г-н Нотабль излил свою тоску в глубоком вздохе.

— Да нет же, добрейшая, я не убегаю, я определяюсь.

ЖЕНЩИНЫ.

Откуда взялась эта женщина? Пожалуй, из преисподней, по дороге завернув и на небо.

При виде этой страшной физиономии кто бы вспомнил бойкую торговку нарядами, от пируэтов которой трещали половицы в танцевальном зале кабачка Пти-Тру около 1762 г.? Несколько любовных похождения, торговое дельце в Роттердаме, потом в Лондоне, десяток разных начинаний, пятнадцать лет неудач и озлобленья привели ее к Революции: 89-го г., которую она приветствовала 10 августа с бешеным восторгом.

Голос у нее был хриплый, ее воинственный пыл порою становился трагичным. Все жаргоны были ей знакомы. Ее мрачная удаль смешивала в одно—отвратительные слова со словами дивными. Потому что у этой метеры была душа, большая душа.

Случилось, что как-то вечером, в политической перепалке, на улице Сен-Жак она встретила одного из своих прежних возлюбленных, бригадира Жува из 2-го драгунского.

Она взяла у него каску.

— Бибишь! Ты не узнаешь свою зазнобушку? А ушко?—сказала она, дотрогиваясь до шрама на виске солдата.

— Отклеилось в Ландау под Кюстином. Ну, ты не похорошела.—сказал драгун,—и кто бы увидел тебя днем—не стал бы ломать себе башку ради того, чтобы встретиться с тобою ночью.

— Мне круто приходилось, с этого не помолодеешь. Но если ты думаешь отвертеться от своей любовницы, придется с тобою посчитаться. Пойдем, опрокинем шкалик, голубчик.

Пока он пил, она гладила его руки. Драгун чувствовал ее длинные ногти.

— Вот ты и шишка. Ишь, галуны на руках. Да ты еще и собой хорош; я сразу узнала твою пушечную пасть и твои гляделки.

— Живем еще,—сказал Жув.—Эй, если б ты за мной пошла, я бы тебя пристроил.

— Где это?

— В бригаде. В полку не хватает маркитантки.

— Идет!

— Верно?

Она хлопнула себя по животу.

— Так же верно, как то, что я здесь ношу сан-кюлота.

— Минуточку,—сказал солдат,—я и забыл, что ты беременна. Война уже вовсе не подходящее дело, чтобы разводить ребят.

— Революция требует людей, это ей прибавит двоих.

Она пошла купить себе костюм на улицу Урс. Отрепья с покойника. шляпу с перьями, боченок водки, чтобы sprysнуть Свободу. Потом бригадир посадил ее на свою лошадь, и они отправились.

***

Второй драгунский уходил в Живэ. Жув показал своей возлюбленной полковника и предоставил ей выпутываться. Она всех поразила, и драгун, который держал лавочку, получил приказ вернуться в строй.

Ее назначили маркитанткой.

Полк принял ее в тот же вечер. Ее прозвали Жувша. Она была дурна и пламенна, как смерть, но бывало у нее и забавное словечко. От Живэ сделали переход на Филиппвиль. Маневр состоял в том, чтобы оттянуть врага от Дюмурье, осаждавшего Монс. Но генерал спешил. Так как австрийцы возвращались, то скомандовали атаку: точка направления, заграждения! Перескочив через своего возлюбленного, опрокинутого взрывом снаряда, Жувша первая вскарабкалась на вал. Ее сухожилые тигрицы, ее голые узловатые руки, ее голос хищной женщины, резкий, ломавшийся в опьяненных выкриках, мрачно молодили ее, и полк толпой шел за ней. Заночевали в Монсе.

— Это победа для Республики, но я то потеряли Жува и мою манерку, совсем новую манерку.

Пока Дюмурье преследовал бегущего врага и водворялся на бельгийской земле, второй драгунский с генералом Валенсом направлялся к Намюру. Было несколько стычек. Грозная, как фурия, наступала маркитантка вскачь на своей повозке, упираясь сапогами в бочки, с пистолетами в кулаках, неистовым и фальшивым голосом вопя песню „Ca ira“, а драгуны подхватывали припев.

В трех милях от Намюра она была ранена. Пока она подавала солдатам пить, осколок снаряда отнял ей палец.

— У меня их остается девять для «Неделимой».—сказала она, продолжая наливать.

Вино драгунов окрасилось кровью.

Армия заняла город и посадила дерево Свободы. Жувша остановила свою повозку около дерева. У нее были припасены свирепейшие ликеры и водки, которые она называла священным товаром солдат. После выпивших она вытирала чарки австрийским флагом.

Вторая рана. Несколько дней спустя армия Дюмурье тремя колоннами подступила к Льежу. Артиллерия заговорила. Второй драгунский дрался в течение семи часов. Жувшу оцарапало снарядом. Не выпуская вожжей, она сосала свою руку и залечила.

Эта изнурительная и триумфальная жизнь увлекала ее. В сорок шесть лет она умывалась пригоршней снега, жевала кожу сапог в дни голодовки, а свой хлеб отдавала солдату. 29-го ноября ее вытащили из груды трупов. Поднявшись, она обобрала обоз и снова появилась на Люксембургской дороге с чесноком и колбасой.

Она шутила не переставая: экий адский холод. Пощупайте-ка мои щеки, отморозила. А, ну скажите-ка мне теперь, где дерутся?

— Тебе стоит догнать батальон Шаранты, он собирается отогреться.

— Спасибо.

Удар кнута, повозка повернула и догнала батальон. Ее встретили восторженно.

— Теперь не умрем не выпивши,—кричали солдаты.—Пайковая чародейка с нами!

Пришлось сделать разведку австрийских авангардов. Когда она увидела, что гранаты посягают на ее повозку, ломая деревья, как спички, Жувша подобрала свои вожжи.

— Смело ребята! Сломя голову! В штyki!

При третьем натиске уланы загнали ее в тупик. Остановились. Французы уложили четыре сотни людей и взяли триста пленных, среди них неприятельского подполковника Лузиниана. Но маркитантка пропала.

После схватки, около 10 часов вечера, взвод австрийцев развязал женщину и приказал ей сварить суп. Но когда его подали, оказались только пули в кипятке.

— Меню Революции,—холодно заметила Жувша.

Генерал Шредер не дал своим уланам убить ее. Позднее ее обменяли. Чтобы получить своего полковника, австрийцы отдали ее.

— Я вам иначе исполокую зады,—сказала она из своей фуры. На украденной английской лошади маркитантка помчалась в Намюр, куда ее призывали пушки.

Но город был взят. Брабант и округ Льежа были подчинены Свободы. Она досадовала, ища, где бы еще дрались. И вот, однажды вечером, без предупреждения она отправилась во всю прыть к Рейну.

Там торжествовали Кюстин и Ушар. Затерявшись в огромной толпе, теснившейся к победам, она отбросила дисциплину. Не числясь ни за каким полком, она принадлежала Республике и сокрушала за ее счет. С той поры ее пылающее сердце облегченно вздохнуло. В Лимбурге видели ее, беснующуюся Медузу, прорывающую две колонны пруссаков бешеной скачкой своей жалкой повозки, продырявленной пулями и изрубленной саблями. По временам она даром давала промочить глотку. Эта Валькирия сан-кюотов была в Вавране на возвышенности рядом с Брусье, капитаном батальона Мезы, который подавал ей оружие, потому что она стреляла лучше любого офицера. Наконец в Кенигштейне она почувствовала приступ болей, отодвинула свой боченок с ромом и родила без посторонней помощи, как абиссинка. Это был мальчик. Гренадерская сумка служила ему колыбелью. В походе или сражении она прикручивала его ремнем к своей голой груди. Он сосал на-скаку. Только ребенок давал возможность угадать женщину, мать.

Она носила солдатскую обмундировку, и на лицо ее вследствие страданий сделалось страшным. В сражении при Гамме, пуля сожгла ей брови, как перья паленого цыпленка. Кошмар! Такою увидал ее парламентар, который явился требовать сдачи. Жувша разговаривала с офицером, ребенка при ней не было. Между ними завязался спор. «Маркитантка права».—сказал часовой. Австрийский посланец был поражен:—Я вижу здесь только мужчин.—Который же из вас эта маркитантка?—Я, сказала Жувша. И, когда чужой засмеялся, этот смех взбесил ее.—Бери твой пистолет! закричала она, торопливо заряжая свой, или я тебе прострелю мозги! Австриец попятился:—Вступим в переговоры.—Поговорим, если хочешь, и она раздробила ему челюсть. Впрочем, никто не собирался сдаваться, и позиция отстаивалась в течение четырех месяцев. Такое сопротивление раздражало Жувшу. Едва освобожденная она бурей помчалась по дорогам вплоть до Тирлемона, где сражался пятый гусарский, и пожала руки своим прежним товарищам. Они не сразу ее узнали. Цвет ее лица стал свинцовым, волосы, словно по ошибке, позеленели, но язык ее был все тот же. Она по-прежнему говорила:—Дождь хлещет.—солнце жарит для всех.—Приходи пораньше, будешь моим... Республика присудила ей саблю:—Это моя железная радуга,—говорила она. И все смеялись. Или же содрогались. Наконец она решила признаться. Временами она чувствовала себя обессиленной: ребенок изнурил ее:—я измоталась, достаточно всадить мне вилку в спину, и всю меня можно было бы по косточкам раснять... На другой день армия сражалась:—Приняла ты мое средство? спросил майор.—Я приняла пулю, сказала она, показывая свою ногу. Над болью она смеялась, но неизвестно почему вдруг стала печальной. Печальной по-своему, т. е. еще более неистовой. Она чувяла свою смерть. В последний раз в Нервиндене, эта невероятная маркитантка участвовала на своей повозке в трех атаках, с пистолетом в руках. С офицерскою шляпою, надвинутой на глаза, с мальшном, прикрученным к груди. В этот-то день ее задело. Добрая половины гранаты в живот. Общим потоком ее занесло в австрийские ряды. Надвигалась ночь. Лошади мчались туда и обратно. Она поняла, что пропала, и корчилась на земле, шипя, как раздавленная змея. Потом, в заботе о своем сыне, она развязалась. Он был невредим:—Революция сделает его своим приемным, пробормотала она. Жувша глядела на него с кровью на глазах, потом протянулась на спине, чтобы он еще раз напился у ее груди. Вопли росли вокруг нее. Стоны раненых. Повернув голову, она увидела, что поле покрыто барабанчиками:—Пить, кричало поле сражения. Голоса французов. И она негодовала, что лежит неподвижная. Но две легких тени, двое ребят с нашивками барабанщиков заметили ее при свете луны. Они ползли. Тяжелый путь. Который напьется первым? Она смотрела на них с минуту, потом закрыла глаза, прислушиваясь, как сосет ее мальчик.

На другой день австрийский офицер нашел ее на этом самом месте, с широко раскинутыми руками, с сыном у левой груди, одним из барабанщиков у правой, оба спали с полными ртами молока и крови. Второй барабанщик не смог доползти до нее, он умер рядом.

И австрийский офицер перед этой женщиной думал:

— Что же такое эта Республика, которая посылает против нас подобных женщин и таких детей?

ДЕТИ.

После злополучий французской армии при Экс-Ла-Шапель, 5 марта 1793 года, одна дивизия стала отступать.

На Тирлемонской дороге начался беспорядок. Каждый старался быть первым. Казалось, ни один из полков не был в состоянии противустоять неприятелю. Генералов уже не было видно. Ежеминутно злосламенные или трусливые люди прибегали сказать, что арьергард французской армии разгромлен. И в этом-то хаосе, командир одного из полков гражданин Ташерон внезапно остановил своих людей.

— Это положение невозможно! Людям чести больно видеть многочисленную армию, бегущую перед врагом, словно стадо. Будем держать на косогор, который виднеется там. Потом увидим.

Лихорадка прошла. Спокойно построились, и полк последовал за своим командиром.

Наверху Ташерон сейчас же стал укрепляться. Он приготовил «рога», по его выражению, окопался за тремя здоровыми четырехдюймовыми пушками и стал ждать.

В холодную, дождливую погоду, вечером 9-го числа австрийцы наводнили равнину Тирлемон; но, заметив на холме полубригаду, они расположились лагерем на пути к Лувену.

— Отлично,—сказал Ташерон,—эти молодцы решили, что ночной приступ будет опасен, они собираются нас атаковать ранним утром. Позовите тамбур-мажора.

Вскоре явился тамбур-мажор.

— Гражданин Большой-Луи,—сказал Ташерон,—что твои барабанщики храбрые?

Я предпочел бы пощечину, чем этот вопрос,—проворчал великан.

Храбры ли мои барабанщики? Или ты не видел их при Вальми, когда был сделан знаменитый обход слева? И при Жеманне, когда я трижды смыкал их взвод под ядрами. Мои барабанщики не только храбры—они отважны!

— Ладно, ладно. То, что я о них сказал, это, видишь ли, для того, чтобы иметь удовольствие выслушать тебя. Теперь, когда я вижу, что можно рассчитывать на твоих барабанщиков, я попрошу у тебя одного из них, одного настоящего.

— Ты его получишь, потому что мне сдается, что это на благо Республики.

— Уж, конечно, не для того, чтобы чесать мне спину его палочками. Зови его; я хочу с ним поговорить.

— Прежде чем я выберу одного из них, полковник, не можешь ли ты сказать мне, чего ты от него хочешь?

— Правильно.

И Ташерон, шагая взад и вперед, рассказал свой план Тамбур-мажору. Когда он кончил, он остановился.

— Итак, теперь, когда ты знаешь о том, что я требую, есть ли у тебя человек?

— Да, я знаю одного, который как раз подойдет. Лучшая рука в батарее. И с азартом и с решительностью.

— Его имя?

— Маленький-Луи.

Наступило молчание. Затем Ташерон понизил голос.

— Знаешь ли ты, на что ты ставишь своего малыша? Ведь это же ребенок. Лет восемь, десять, что ли?

— Десять лет. Но не обращай внимания на его возраст,—сказал гигант,—этот мальчишка настоящий пороховой заряд; и не беспокойся об его росте: если он не провалит свое дело сегодня ночью, он сразу станет больше, чем его отец.

Оба вышли. За одной из палаток, Маленький Луи, задрав босую ногу (другая была в деревянном башмаке), играл со своими приятелями в камешки.

— Ты позволишь, полковник? Мой, видишь ли, еще принадлежит к мелюзге. Если я поговорю с ним по-своему, это на него подействует больше, чем твой чин. Подойди, Маленький-Луи!

Тамбур-мажор поднял ребенка и посадил его на своей широкой ладони.

— Смотри. Ты видишь все эти огни, там, вдали на равнине?—Ну вот! Это враг, австрийцы. Теперь слушай. Мы, прочие, мы уберемся, чтобы навалиться на них с тыла. А ты тем временем, ты останешься здесь, совсем один.

Острый взгляд отца вонзился в голубые глаза ребенка.

— Вбей себе это в голову. Если ты останешься здесь, то не для того, чтобы играть в камешки, а тебе придется поработать. Гражданин полковник хочет заставить врага думать, что мы все еще в своем лагере. Для того же, чтобы его надуть, тебе придется поднять чертову кутерьму. Ты пробегашь всю ночь барабана; от времени до времени ты заставишь кричать ослов и мула, и, кроме того, будешь поддерживать огни на линии. Можем ли мы рассчитывать на тебя?

Спущенный на землю ребенок приставил свою босую ногу к деревянному башмаку правой ноги:

— Да, граждане.

И на косогоре остались только ряд зажженных огней, три осла и мул с ребенком.

**

Маленький Луи начал с того, что подтянул свой барабан. Это был славный инструмент. Вместо телячьей или ослиной кожи, на этом барабане была кожа волчицы. С особым старанием мальчуган закрепил ремennyй узел, связывавший струны. Затем он подышал на свои палки, так как было холодно, и, оборотясь к звездочкам австрийских огней, стал на вытяжку, сам едва выше, чем его барабан, он принялся выбивать полковой марш. Какой трезвон. Каждый удар палочками размножался в ночи дробными раскатами. После марша он выбивал «левым флангом»..., повернулся, прошелся вдоль пустынного бивуака, между красными огнями, и пересек батарейную площадку учебным шагом. По дороге, если какой-нибудь костер погасал, он бросал в него хворост. Чтобы хорошенько барабанить, он придумал способ. Маленький Луи представил себе, что он идет за своим тамбур-мажором. Огромный, страшный призрак отца скользил перед ним, с жезлом, пересекающим наискосок его широченную спину; это значило: «вечерняя зоря», и Маленький-Луи выбивал зорю. Огромный призрак нес жезл перед собой, это значило: «ускоренный шаг», и Маленький-Луи бил ускоренный шаг. Призрак брал жезл за шнур, вытянув руку на высоте плеча, это значило: «к столу», и Маленький-Луи бил «к столу». Медленно текли часы. Три осла и печальный мул следовали за ребенком, подняв одно ухо, другое опустив, шагая, как и он, в такт. Пот тек со лба барабанщика. Становилось трудно. Тогда, не оставляя барабана, он вскочил на осла и заставил его проскакать в конце лагеря. Там он снова принялся барабанить. Новая скачка, новый марш. Еще и еще. И ведь

содом начинался каждый раз заново: рев ослов, сливающийся с глухими ударами тяжелого беснующегося барабана. Вся тьма гудела. Между раскатами Маленький-Луи подправлял огонь своими палочками и исчезал под шум. Невозможно было за ним уследить, он был повсюду. Он походил на одного из тех пестрых гномов, которые порхают в огоньках рождественских сказок, оставляя за собой отголоски песенки и запах дыма. От переутомления мальчик уже не чувствовал слабости. Он весь был—нерв, шум, напряжение. И настойчиво, «без передышки», по выражению его отца, не останавливаясь, не ослабляя, без перебоев, все время ровной выдержанной дробью, полно, без пустот, упорно, стойко, свивывая между собою батареи, шелкая, звякая, отбарабанивая каждую от первой до последней, он до утра крутил вихрь по площадке.

Тогда запыхавшись, он остановился.

Ему приказали барабанить до рассвета; и вот, уже занимался день, свет, от которого горели медные части его барабана.

Сидя на этом барабане, он смотрел, как равнина, разрывая туманы, медленно выходила из своего темного ложа. Но как он ни глядел, он ничего не видел. Между тем окрестности таили что-то...

Тогда Маленький-Луи почувствовал, что у него забилось сердце.

Но тревога его длилась не долго. Вдруг в великом безмолвии что-то тонко, как призыв рожка, поднялось из отдаленного леса:

... Марсельеза.

— Уф! — пробормотал мальчуган, — теперь папина очередь.

***

Этой завязывающейся схватки, этого боя, который благодаря ему должен был быть новым триумфом, слишком уставший ребенок не мог уже слышать. И когда победоносная полубригада поднялась, чтобы смеяться и расцеловать его, Маленький-Луи, бледный, спал на своей шинели, а мул тихонько лизал ему руки.

ПОЮЩИЙ МОСТ.

Человек с топором в руках остановился перед домом:

— Что-то мне говорит, что мои негодяи здесь. Эй! Ребята! Бригада Лавилье, это я, генерал!

Никакого ответа.

Он постучал. Отдалось глубоким звуком, отголоском пустоты.

— Аа!—сказал он,—так-то встречают Республику! Он отступил на четыре шага. Раздался звук разлетающейся двери. Вслед за ударом своего топора человек вошел.

Дом был большой. Это была коммунальная постройка, превращенная в склад зерна.

Генерал поднялся и снова позвал. Только ветер скрипел крюком.

Во втором этаже он вошел в одну комнату, потом в другую. Слышался тихий людской говор.

— Ладно,—сказал Лавилье,—наконец-то я вас нашел, молодцы!

Генерал улыбаясь стоял в дверях, и кровь его сочилась. Вокруг головы у него была белая повязка, а на спине воловья шкура, потому что было холодно. Когда он кончил говорить, настало короткое молчание, и кто-то произнес в темноте:

— Это еще кто такой?

А другой, узнавший, отрывистый шопот:

— Это—начальство.

Первый сказал:

— Должно быть, гражданин, ты знаешь, куда ты вошел...

— На кладбище, — сказал второй.

Третий, высокий, мрачный стрелок, спросил:

— Раз твое дело знать все, генерал, ты должен был бы сказать нам — где же мы находимся.

— Дорога в Анжер.

— А неприятель, он где обретается?

— Вандейцы в Монсе, близехонько.

Шопот, который слышался по комнате, разом оборвался. Генерал продолжал:

— Проклятая темнота! Мне вас не видно. Сколько вас здесь?

— Около двух сотен.

— Ладно, значит вы спуститесь.

— А что нам делать внизу?

— Ждать Западную армию, которая скоро пройдет по дороге: вы подкрепите ее ряды.

— Для чего?

— Чтобы сражаться.

Тогда поднялись кучки теней, целая стая.

— Что! Возмущение! — проворчал генерал.

Восклицания бросались ему прямо в лицо:

— Ты думаешь, так-таки спустятся, чтобы сражаться! Не тут-то было, высокопоставленный гражданин. Опять умирать, подумаешь, завидная доля!

Громче всех прорывал драгун:

— Пока Франции нагревает себе ляжки, мы околеваем. Нет больше родины!

Не успел он договорить, как генерал двинулся, занеся топор:

— Хорошо же! куча баб, я вас вылечу, по-своему, если вы боитесь!

При этих ужасных словах буря сразу стихла. Все поднялись. Настало молчание, среди которого было слышно сопенье двухсот человек, хриплое, как в свином хлеву. Через минуту насмешливый голос окликнул:

— Эй, вы! прочие, неужели вы проглотите это словечко? Пусть храбрцы остаются на своих койках, и пусть все трусы спускаются. Разом! Я, который боюсь, я выхожу.

Послышался шум босых ног. Ужасной массой выступила вся толпа.

— Хорошо, старые братья, — сказал генерал, спохватываясь, — имеющий стыд не виновен; я не упомяну о нашей размолвке в моем рапорте Марсо. Но надо оглядеться. Пойдите-ка сюда.

Он открыл дверь, и проник лунный свет. В его сиянии выступил говоривший:

— Как тебя зовут?

— Грандидье.

— Возвращайся на свою койку, хромых не надо.

Артиллерист пожал плечами: потом, словно и не слышал, спокойно стал спускаться.

В свою очередь, драгун с доской на плече сверкнул глазами хищной птицы. У него была пуля в затылке, и он клонил голову налево, словно прислушиваясь.

— Ты тоже убирайся.

Но драгун невозмутимо прошел следом за Грандидье.

Еще один подошел, потом другой, другой, еще другой. Теперь генерал видел их вблизи, прямо в лицо. Все были калеки. Был один, которого товарищи снесли за голову и за ноги.

— Как ты будешь драться?

Человек показал пистолет:

— У меня есть огонь. Надо спуститься, потом будет видно.

— Да вы все бракованные! Так бы и сказали! Я же вас не видал только что. Если бы я знал! Я прошу у вас, чорт возьми, прощенья! Идите обратно, поднимайтесь все. Не можете же вы сражаться в таком состоянии!

— Теперь уж снова не заснешь,—сказал гренадер.—Да и что мы потеряем? Жизнь? Ее и так уж нету.

Один артиллерист рассмеялся.

— На войне выгоднее одерживать победы с полу-людьми; это обойдется Нации в меньшее число рук и ног.

Драгун, раненый в затылок, ворчал, пристегивая саблю:

— Ну и наконец, если драться идут за Права Человека, это уже вперед оплачено.

И он грозно закричал из темноты двора.

— Эй, вы, мертвецы, там наверху, спускайтесь проветриться. На дороге собираются устроить железное крошево!

Почти сейчас же, на верхней ступеньке лестницы показались самые увечные, десять, тридцать, пятьдесят, скатившиеся со всех коек, шестифутовые остовы и коротыш, радующиеся последнему случаю помахать саблей, ужасные карлы, ползущие на лапах, продырявленных свинцом, полтора десятка гусар, поседевших от страданий, артиллеристы, из которых один помешанный, с разошедшимися рубцами, который рывгал в темноте: «К батарее! Орудия, пли!», и, затесавшись в их кучу, расталкивал их своими сапогами, тамбур-майор без ушей, с красной рожей, облепленной шеей, который спускался, напряженно вытянув руки, поднимая свой жезл в воздухе.

Обеаумевший генерал перебежал от одного к другому:

— Поднимайтесь все! Говорят вам, все идите наверх! Не можете же вы тащиться!

Согнувшиеся люди, тащившие других, прибывали.

— Эти еще кто такие?

— Полумертвые,—сказал Грандидье; там найдем им употребление. Став во главе товарищей, он скомандовал:

— Марш!

И, ковыляя, ватага отправилась, чтобы соединиться с Западной Армией.

***

Тем временем Марсо, уведомленный о направлении, взятом Вандейцами, пустился преследовать их. В пяти милях от Лавала он разделил свою армию на три колонны, которые пустил по дороге в Вандом, в Тур и Анжер.

Ла Рошжакелен ничего не подозревает. Скорее. Мы должны быть в Монсе с восходом солнца.

Шли всю ночь. Но на заре заговорило орудие. Это была Вандейская пушка.

— Я надеялся прийти первым,—пробормотал Марсо.

Сопровождавший его генерал-адъютант услышал.

— Затруднение велико. На твоем месте, в виду того, что здесь нет броду, я бы оставил намеренье навести мост в верхнем течении. В трех милях, правда, есть песчаная мель поперек реки, но мы уже не успеем взять наискосок. Если ты не можешь немедленно переправить нашу артиллерию и лошадей, я думаю, что благоразумнее будет скомандовать отступление. Это мое мнение. А твое?

— Линия отступления всегда плоха.

— Тогда мы пропали.

Марсо уже целую минуту старался приучить свою голову к мысли, что вся ответственность лежит на нем, и что именно он, он один рискует жизнью этих трех тысяч человек.

— Пусть,—сказал он,—отступим, но долг наш был умереть здесь.

Он собирался скомандовать отступление, как вдруг окровавленный, в лохмотьях явился генерал.

Это был Лавильдьё.

— Что с тобой? Несчастье...

Солдат стучащими зубами рвал свои жесткие усы.

— Гражданин главнокомандующий, я только что видел ужасную вещь!

— Говори!

Лавильдьё оглянулся и без остановки, голосом, в котором трепетали его ужас и волнение, сказал:

— Партия раненых, окол двух сотен, укрылась третьего дня в сарае в окрестностях Манса. Люди эти по большей части умирающие, по видимому, повинуются драгунскому бригадиру по имени Грандидье. Они находились в своем бараке без провианта, без вещей, без медикаментов, без помощи. Сначала, так как я их побеспокоил, немного пошумели. Когда же они узнали, что ты приближаешься, они пожелали идти за мной. Что за народ!

— К делу, генерал!

— Именно. Я и мои раненые, мы пустились в путь сегодня утром, чтобы присоединиться к стрелкам, говорю тебе это откровенно, генерал, я подумал, что река его остановит. Я знаю реку и ее водосток. Перейти невозможно. Я вслух бесился. Тогда этот самый Грандидье, услышав, заявил мне: «Если ты согласен предоставить дело мне, то у меня есть идея; я беру мост на себя». Дьявольское положение! Угадай, Марсо, что это была за идея?

— Говори! Говори же!

— Так вот!—закричал Лавильдьё.—это было устроить мост из раненых. «Раз нужен переход, тебе его устроят, генерал, устроят настоящий, из человеческого мяса». Сказано-сделано! Те, которые были в силах, начали с того, что бросили в реку трупы, потом уложили их на песке, на дне. Сильно раненые в следующую очередь пожертвовали собой. Я видел их опускающимися в воду, цепляющихся за других мертвецов, умирающих на них. Все пошло туда, пять рядов по тридцать человек улеглись друг на друга, как ряды сардинок, так что река оказалась преграждена. Пятьдесят последних тоже протянулись, эти уже выступали из воды. Вода вокруг них стала красная. Тогда Грандидье сказал мне: «Теперь, генерал, иди за Марсо, он может проскакать через нас со своей кавалерией и даже со своими пушками». Буквально! Прежде чем подставлять свой горб на войне, я изучил героизм в школе, и что же! Пусть мне снимут голову, если я читал о более прекрасном подвиге в истории Рима и Афин! Что ты думаешь об этом?

— Я того же мнения, — ответил Марсо содрогаясь, — и если этот невероятный факт действительность, я передам Конвенту имена этих двухсот храбрецов.

Бледный, он дотронулся до плеча своего генерал-адъютанта:

— Ты видишь, что мы нашли мост... и что никогда не надо сомневаться во Франции.

Они тронулись.

Когда они приблизились к реке на расстояние ста сажен залп ядер разорвался под погами лошадей и разом сбросил трех всадников. Вандейцы открыли огонь. Марсо поднял свою саблю:

— Вперед, по четыре в ряд, марш!

Бригада егерей, за ней полк гусар рысью понеслись к реке. Марсо не предупредил своих солдат. Все думали, что есть брод.

Показался неприятель. Залп. Первые ряды егерей покатились.

— На мост! Наступай!—закричал Марсо.

Он был впереди бригады. Полк следовал за ним молча под градом свинца, сверкая тысячью сабель на великолепном солнце; и четыре пушечных эскадрона готовились перейти реку, как вдруг, когда уже лошади ступили на края запруды, жуткий вой мрачно раздался из глубины воды, буя человеческих голосов, возбужденных, прерывающихся, в которых прорывались обрывки гордых слов, ужасных призывов. Люди только успели нагнуть головы, увидеть, ужаснуться, вонзить шпоры в беснующихся лошадей. Некоторые обернулись позеленевшие, подобные призракам, чтобы предупредить... Но полки подвигались лавиной, они не смогли бы остановиться. По этому эластичному мосту прошла ускоренным маршем вся армия, охваченная ужасом тогда, как не переставая, все время под взмыленными животами лошадей и жесткими сапогами солдат те же крики, холодные, задуренные, бешеные извергались из неподвижной багровой воды и словно широкими ударами крыльев хлестали уносящиеся эскадроны.

«Мост» шел Марсельезу.

Жорж Д'Эспарбес.

ПЕТЬКА.

(Рассказ).

ИЗДАТЕЛЬСТВО

(ИЗДАТЕЛЬСТВО)

Записывались просто: незнакомый молодой рабочий в черной, смятой как блин фуражке, сдвинутой на затылок, с серым острым лицом (папироска в углу рта), вписал в синюю ученическую тетрадь имена тех, кто приходил.

— Фамилия?—отрывисто спросил он, когда Петька с сильно бьющимся сердцем, застенчивый, смущенным связанный по рукам и ногам, очутился перед его столом. Петька ждал, что его прогонят: «куда, паршивец, лезешь? Молоко на губах, а тоже...»

— Петр Клоков, почти прошептал он.

— С какой фабрики?—опять спросил рабочий, не поднимая от тетради глаз.

— Петька сказал.

— Номер винтовки?

— Чего?—спросил Петька, не понимая вопроса.

Но рабочему ответил солдат, стоявший у груди винтовок, сваленных на полу здесь же у стола; он проговорил длинный номер и сунул Петьке винтовку в руки.

— Иди к тому столу,—показал он рукой в глубину комнаты, где у длинного стола, накрытого черной клеенкой, толпились рабочие уже с винтовками в руках. Петька, широко улыбаясь, крепко держа винтовку обеими руками, пошел. Он не чувствовал ни рук, ни ног, словно они были ватными, и плыл в тумане.

Ему дали какую то бумажку, патронные сумки из холста, пачки патронов, ременный пояс, а потом молодой солдат, бойкий и веселый, что то говорил ему о затворе, о том, как надо держать винтовку, брал винтовку из его рук, щелкал затвором и все спрашивал:

— Понял, товарищ?

— Понял,—невнятно отвечал ему Петька, хотя от волнения не понимал ни одного слова.

В углу комнаты, у окна рабочие рассматривали только что полученные винтовки, заряжали их, гремели затворами, подпоясывались новыми желтыми солдатскими ремнями, прилаживали сумки с патронами и сговаривались, кому и с кем идти.

В большой комнате было холодновато, дымно и сыро. Пахло махоркой.

— Ага, и Клоков с нами,—весело сказал низенький безусый рабочий, когда Петька подошел к окну:—записался?

Петька маслом растеся—широкой улыбкой.

— Записался.

— Постой, постой, товарищ.—вдруг живо и насмешливо отозвался другой рабочий с широким лицом, по которому через всю щеку и подбородок шла белая полоса—старый шрам:—ты же ведь в эс-эрах ходил. Как же теперь то?

Петька вспыхнул малиной, будто его поймали в краже.

— А правда, зачем же ты записался?—спросил первый рабочий.

Все рабочие, что стояли у окна, смеясь смотрели на Петьку. Петька задохнулся.

— Нет... Я больше не хочу... с ними...

И вдруг сразу выпалил:

— Ну их к чорту! Они к буржюам подмазываются.

Рабочие засмеялись. Низенький безусый энергично кивнул головой и хлопнул ладонью Петьку по плечу.

— Верно, товарищ. Теперь рабочие должны идти с большевиками.

Все заговорили шумно, задвигались, и Петька незаметно отошел в сторону, оглянувшись. У самого окна мастер Леонтий Петрович перебирал пачки патронов. Он аккуратно, как вообще делал все, клал патроны в сумку и говорил, ни к кому не обращаясь.

— Раз на улице баррикады, то мы незамедлительно должны решить, по какую сторону этих баррикад мы стоим. Иль по эту сторону, или по ту. В середине да в стороне теперь стоять нельзя. А к буржюам мы не пойдем. Значит, и говорить много не надо. Бери винтовку и иди бить юнкеров и студентов.

— И эс-эров еще,—добавил кто то насмешливо.

— Что ж, если достойны, их тоже не надо миловать.

— Правильно. Поглядим теперь, чья возьмет.

— Да уж и глядеть то нечего: мы победим. Это бесспорно.

Петька был рад, что на него не смотрят. Он прислонил винтовку к стене и начал подпоясываться и прилаживать патронные сумки. От нетерпенья у него дрожали руки.

А комната наполнялась народом. Входили новые группы рабочих. Говорили громко, нервно, будто подбадривали себя, смеялись необычным отрывистым смехом без веселости, а двигались по комнате как то толчками. Три солдата, называвшие себя инструкторами, составляли из рабочих взводы красной гвардии, отсчитывали по двенадцать человек и назначали к ним старшего. Петьку причислили во взвод Леонтия Петровича, который здесь же, в комнате, попытался поставить свою гвардию в ряд и, сдерживая улыбку, сказал:

— Ну, товарищи, у меня команды слушаться. Чтоб все в порядке было. Иначе... Строго, товарищи. Идемте.

Все, подтягиваясь, шумно вышли на улицу. От дверей клуба по тротуару тянулась длинная очередь, желающих записаться в красную гвардию. Это пришли рабочие с фабрик и заводов, что за заставой. Среди их черных засаленных курток в очереди резко выделялись синие новенькие шинели трамвайных кондукторов. Около дверей на тротуаре и даже на мостовой уже стояла большая толпа женщин и пожилых рабочих, пришедших сюда поглядеть, как «наши пойдут воевать». Смеялись, перебрасывались веселыми шутками, грызли семечки, и все были спокойны и беззлобны. Только молодая женщина с бледным, меловым лицом, до самых глаз закрытым черным потрепанным платком, в шубейке с плетивым воротником, кричала, стоя у самой очереди:

— Вернись, Овдонька. Богом прощу, вернись. Гляди ка какой гвардеец нашелся! Чорт конопатый. Слышишь, Овдонька? Домой иди!

А Овдонька—уже пожилой рабочий с рыжей свороченной набок бородкой—злобно искося смотрел на женщину и, не покидая очереди, вполголоса ругался:

— Цыц, стерва. Убью.

Было видно, что он стыдится за свою жену: вот у других жены не пришли сюда ругаться.

— Иди домой, пока я тебе не поправил затылок.—грозил он.

— А я говорю, не пойду без тебя. Детей бросил и на-ка, гравдейцем захотел быть. Мурло! Ежели с тобой что случится, я то как буду? Куда с ребятишками пойду? Ты об этом подумал?

— Пшла вон. Исколомачу!—ругался Овдонька.

Толпа с удовольствием слушала перебранку. Но женщины сочувственно и немного насмешливо поддерживали женщину.

— Конечно, какая уж тут гвардия, ежели двое детей.

— Записываться должны молодые.

— Знаю, надо молодым. Пушай они идут.

Высокая властная старуха с суровым лицом вела к штабу за рукав парня лет восемнадцати, у которого в руках была винтовка, а у пояса холщевые сумки с патронами.

— Иди, сейчас же отдай все назад.—сердито говорила она:—я тебе покажу гвардию!

Парень шел, опустив голову, красный от стыда и сердито бормотал:

— Все одно убегу. Не сейчас—ужо убегу.

А старуха, дергая его за рукав, грозила:

— Я те убегу! Ты у меня свету не взвидишь. Вояка какой отыскался. И, обернувшись к толпе, бросила мельком:

— Дело то без дураков обойдется.

Петька испугался: ведь и его могут так. Придет мать, увидит,—она, пожалуй, тоже хорошую гвардию задаст. Он испуганно стал осматривать толпу. Но матери, слава богу, не было. Две знакомые барышни смотрели на него и чему то смеялись. Петька, будто не замечая их подтянул, ремень и громко сказал:

— Ну, товарищи, скорее.

Взводы смешались. Пошли просто толпой человек в пятьдесят. Леонтий Петрович попытался было установить порядок, но потом махнул рукой:

— Сойдет.

***

Шли серединой улицы—шумной и веселой гурьбой. А на тротуарах стояли густые толпы народа и хмуро смотрели на них. Петька все еще боялся, что его увидит мать и заставит вернуться, но когда прошли Кудрино и вышли на Саловую, он успокоился и пошел уже весело, словно его кто подбадривал. Везде было полно народу. Еще никогда Москва не казалась такой многолюдной, как в первый день гражданской войны. Шумно носились грузовые автомобили с солдатами и рабочими, точно вазы с качающимися цветами. Слышались крики ура, отрывочное нестройное пение и выстрелы, выстрелы со всех сторон.

Петька, сдвинув шапку на затылок, шел смело с самым решительным видом. Когда проезжали автомобили с солдатами, он кричал ура, срывал с головы свою обтрепанную серую шапченку и отчаянно махал ею. И туго подпоясанный ремнем, подтянутый, взволнованный, он будто плыл в толпе: так легко было ему идти.

И толпа, и улицы, и эти крики ура, и сам он,—все это было таким новым, и все так диковинно изменилось, что Петьке хотелось и петь, и смеяться от радости, хотелось сорвать винтовку и долго стрелять в воздух.

Вооруженные солдаты и рабочие собирались на Скобелевской площади у дома генерал-губернатора—старого, с желтым строгим фасадом. В доме был революционный штаб. Солдаты и рабочие с винтовками в ру-

как пробирались через узкую дверь, заполняли чопорные комнаты, черносерой массой толклись в белом зале и на широкой с золочеными перилами лестнице, громко разговаривали, курили. Острый табачный дым стоял низым облаком над толпой по всем комнатам.

Петька впервые был в этом большом всегда таинственном доме, где жили только князья, графы и очень важные генералы. Он с наивным удивлением смотрел на высокие лепные потолки, на зеркала во всю стену, на белые колонны огромного зала и с гордостью думал:

— Наша взяла...

И радовался: теперь будет о чем рассказать матери.

Высокий человек в теплом с барашковым воротником пальто, но без шапки, с длинными волосами, растрепанными и повисшими, как темная спутанная кудель, поднявшись на стул, надрывно кричал тенорком:

— Тише, товарищи. Нужно заслон в Камергерском.

И еще кричал что то, чего Петька не разобрал.

Рабочие заговорили шумно, заволновались:

— На Камергерский, товарищи. Держись!

И толкаясь, группами начали уходить, и на ходу щелкали затворами винтовок. Петька потерял в толпе и Леонтия Петровича, и товарищей с Пресни и с незнакомыми пошел на улицу.

Выстрелы внизу Тверской гремели беспрерывно. По соседству с домом генерал-губернатора стояли часовые, предупреждавшие рабочих и солдат, идущих вниз по Тверской:

— Ценью, товарищи. Осторожно.

Солдаты и рабочие пригибались на ходу, прятались за выступы стен шли гусем один за другим. Мостовая была пуста, что после глумных и людных улиц тревожило. Здесь уже ходила жуть.

У Петьки запрыгало сердце и сперло в груди. Он крепко, обеими руками вцепился в винтовку, готовый каждую минуту выстрелить, и шел за другими, приседая и останавливаясь, как все, бессознательно подражая им в движениях, и даже в манере идти.

— Пэк-пэк! Тррах!—гремели выстрелы совсем близко. Что то резко щелкало в камни мостовой.

— Летают, голубки,—засмеялся солдат, шедший впереди.

Петька оробел.

— А что это?—спросил он.

Солдат насмешливо, мельком глянул на него.

— Что? Канфета. Подставляй рот и лови.

Петька смущенно засмеялся.

— Ничего, не робей, брат. Пойдешь на войну, не то увидишь.

Один по одному все перебежали от выступа к выступу и собрались на углу Камергерского, где уже стояла небольшая кучка рабочих и солдат, прячась за угольный красный дом со старой проржавленной голубой вывеской: «Виноторговля». Здесь воздух был полон свиста.

Рабочие были все незнакомые. Петьке хотелось поговорить с ними, расспросить, где сидят враги, но он робел.

Желание выстрелить из винтовки захватило его с новой силой; но и здесь никто не стрелял, а одному стрелять было боязно: вдруг заругают?! Все стояли молча, нерешительно переступали с ноги на ногу, пощелкивали сапогами, словно всем было холодно; у всех были серые лица с пепельными губами.

Румяный Петька с живыми быстрыми глазами тянул к себе глаза всех. Ах, как ему хотелось выстрелить. Но никто не стреляет... Только на углу Долгоруковского (соседнего) переулка, ниже по Тверской, толпились солдаты и среди них резко выделялись черные фигуры рабочих: они стреляли вниз к Охотному. Петька не утерпел:

— А откуда стрелять нельзя?

— В кого же ты будешь стрелять тут? Тут не в кого. Иди воп на тот угол, угрюмо ответил высокий солдат с поднятым воротником шинели в серой шапке, глубоко надвинутой на уши.

— А страшно идти туда?

— Ты попробуй.

Солдат лениво потоптался, помолчал и вдруг оживился:

— Айда-ка, товарищ, вместе. Я вперед, а ты за мной. Вместе те веселее. Только берегись. Стрелять будут, бражайся на землю.

У Петьки забилось сердце и по спине пробежали мурашки, но он храбро ответил:

— Что-ж, идем.

— Зря вы лезете, — лениво сказал кто то сзади.

— Ну вот еще, скажет тоже, — сердито отозвался солдат, — идем.

Он поглубже надвинул шапку, поправил винтовку, подтянулся и быстро побежал вдоль стен по тротуару, низко пригибаясь на бегу. Петька бросился за ним. Один дом пробежали, другой. Где то щелкнул выстрел, и окно над головой солдата печально звякнуло. Солдат прыжками бросился к зеленому крыльцу аптеки и здесь присел. Петька точно подтянутый пружиной, метнулся за солдатом и присел рядом с ним. Солдат тяжело дышал.

— Откуда это? — тревожно спросил Петька.

— А чорт их знает. Должно, с крыши.

— А ведь могут убить.

Солдат хмуро, мельком взглянул на парня, и в этот момент Петька заметил, что солдат дрожит, как в ознобе, а лицо позеленело, и глаза странно расширились и посветлели. Стало жутко. Едва разжимая челюсти сквозь зубы солдат сказал:

— Убить могут... это как пить дать. Того и гляди.

Оба, крепко прижавшись к камням крыльца, сидели минут пять. Солдат все дрожал и сквозь зубы ругал кого то.

Между тем, стрельба стихла. Не стреляли даже в Охотном. Солдат поднялся на ноги и осторожно начал осматривать крыши домов, потом рванулся, прыжком выскочил из за крыльца и побежал через улицу. Петька, не помня себя, почти не сознавая, что делает, побежал тоже. Сверху нервно и беспорядочно затрещали выстрелы. Вокруг защелкало. Солдат, бежавший впереди, неловко споткнулся, выронил винтовку и, громко выругавшись, грохнулся на мостовую. Петька успел заметить, что солдат смаху ударился головой о камни, и его серая шапка отлетела вперед.

— А... А... Скорей! — кричали с угла.

Петька перебежал улицу, спрятался за угол и только тогда оглянулся. Солдат лежал все там же, где упал, а кругом него по камням мостовой щелкали пули и подскакивали изредка кусочки земли, поднятые ими.

— Готов, — отрывисто говорили солдаты, стоявшие за углом: — нужно лезть было чертям.

Они сердито смотрели на Петьку, будто он был виновником смерти солдата, и ворчливо ругались. А Петька бледный, задохшийся, оглушенный стоял у стены. Он так испугался, что готов был бросить винтовку и по-ребячьи заплакать. Но удержался. И так стоял долго, судорожно глотываясь. Он вдруг вспомнил, как солдат заскоружлой большой рукой навдвигал на уши шапку и деловито поправлял винтовку.

Сверху, с Тверской, приехал автомобиль со студентами-санитарами и подобрал убитого. Быстро положили его на носилки, собрались уезжать, но с угла им кто то крикнул:

— Шапку то, шапку возьмите.

Шапку забыли. Вдруг всем показалось, что шапка для убитого необходима.

— Шапку, шапку возьмите,—кричали все.

— Возьмите шапку!—истерично крикнул Петька:—Шапку!..

Студент-санитар соскочил с автомобиля, поднял шапку и положил ее на носилки рядом с головой убитого.

Теперь было все в порядке.

Автомобиль уехал и стало почему-то немного легче на душе. На том месте, где лежал убитый, камни потемнели и стояла пугающая красная лужа во впадинах. Не хотелось туда смотреть, но тянуло подойти ближе и посмотреть пристально...

— Эх, крови то сколько,—сказал сумрачно рабочий в темной, сильно потертой кожаной куртке и с рыжим теплым шарфом на шее:—теперь полетела душа в рай.

Рабочий потрогал шарф рукой, подумал и тихонько сказал на свои мысли:

— Да. Так-то вот.

Все молчали. И каждый думал о чем-то своем, и прятал глаза от других.

— В рай на самый край,—пробормотал рабочий с рыжим шарфом и скрипуче, нехорошо засмеялся.

— В рай, не в рай, а вообще-то, братцы, дело не того.. табак. Бьют по настоящему, подлецы.

— И откуда это?

— Должно, с крыши, с гостиницы. Там их тьма засела.

— А жоя, от Воскресенских ворот?

— Нет, это с крыши,—подтвердил Петька:—я видел, с крыши.

Все с любопытством посмотрели на него: паренек то случайно не лежит рядом с мертвым солдатом.

— Ну что, товарищ, чай у тебя душа в пятках?—спросил рабочий, говоривший о рае:—пожалуй, теперь тебе иголку надо?

— Какую иголку? Зачем?—удивился Петька.

— Иголку настоящую. Душу выковыривать из пятка.

В толпе коротко засмеялись. Петька сразу покраснел, и у него стал такой сконфуженный вид, что пожилой усатый солдат угрюмо сказал ему:

— Зря ты, парень, полез сюда.

— Почему же зря? Разве я не такой же гражданин, как, например, вы? Это даже странно,—запальчиво, обидевшись, чисто по-мальчишески выпалил Петька.

Солдат промолчал, и молча, пренебрежительно сплюнул в сторону.

— Тьфу...

Потом опять угрюмо глянул на Петьку.

— Бить, брат, тебя некому. Вот, что скажу.

Но тут за Петьку вступился высокий худой рабочий в темной шапке, надвинутой на самые глаза.

— Ну, что ты его смущаешь? Пошел и пошел. И хорошо сделал. Чем он хуже нас с тобой?

Рабочий говорил громко, бодро и, чтобы согреться, подпрыгивал, нервно хлопал руками, а винтовку перекинул через плечо.

Вдруг в конце переулка, там, ближе к университету, началась сильная стрельба. Здесь все встрепенулись. Петька нервно прошелся взад и вперед по тротуару, подошел к самому углу и, вытянув шею, глянул к Охотному.

Отсюда уже было видно и Охотный, и Воскресенскую площадь, и часовню Иверской, и дальше через Воскресенские ворота уголки Красной площади. Все было пусто. Ни людей, ни экипажей. И эта пустота особенно пугала. Всегда, даже в глухую ночь, здесь был народ. Теперь же никого. Под Воскресенскими воротами и ближе сюда из за углов стреляли из винтовок, и пули с резким зikanьем летели мимо, били в мостовую и в забор большого строящегося дома.

В Охотном ряду, за углом, мелькнула какая то фигура. Петька взял винтовку к плечу. Фигура скрылась. Но Петька, всем существом чувствуя, что ему можно выстрелить и что его за это никто не накажет, прижал к плечу винтовку и нажал спуск.

Винтовка резко толкнула в плечо. В ушах загремело и запишало. Солдаты все столпились к углу.

— Кого бил?—спросили они.

— А там студент, кажись...

— Смотри, не убей частного какого. Здесь много шляющих.

Из за угла опять высунулась фигура в серой шинели и—тр-рах!—раздался выстрел. Над головой Петьки что то глухо стукнуло, кусок штукатурки скакнул на тротуар и покатился, рассыпаясь на мелкие части. Облачко тонкой белой пыли повисло в воздухе. Все отшатнулись.

— Вот, мать честная,—удивленно сказал Петька и засмеялся.

— Ах они...—вдруг громко на всю улицу закричал молоденький юркий солдат.—Они этак?!

И, ругаясь, начал торопливо стрелять по улице. Два других солдата тоже подскочили к нему и один с колена, а другой стоя, упорно, будто по наступающему неприятелю, стреляли в улицу. Петька весь загорелся. Он выскочил из за угла на мостовую и, стоя открыто, стрелял. Никого нигде не было видно, но и солдаты, и Петька, и пятеро рабочих—все усердно, сосредоточенно стреляли, пересыпая выстрелы ругней. Из за угла, напротив, тоже показались солдаты и тоже раздался выстрелы.

Сумашедшая стрельба продолжалась минуты две. Петька видел, что никого нет, стрелять не нужно, что их выстрелы попадают или на мостовую, или в стены домов, где, может быть, сидят свои же люди. Но возбужденный, продолжал стрелять. Стрелял по улице, потом по крышам, не целясь, не задумываясь, надо ли стрелять.

От выстрелов у него заныло плечо. Ладонь правой руки покраснела, натертая пишечкой затвора. А пока отсюда стреляли, в Охотном было тихо.

— А, может быть, они ушли оттуда?—спросил Петька.

— Как ушли. Там. Сейчас вон в угольный дом стреляют.

— А там наши?

— Ну да. Сидят наши.

И вдруг, как бы подтверждая этот ответ, из окон красного дома на дальнем углу затрещали частые выстрелы.

— Вишь? Это наши,—подтвердил солдат.

Из Охотного донесся отчаянный крик. Солдаты и рабочие прислушались. Крик опять повторился.

— Ранили кого-то,—оживленно сказал Петька.

— Должно быть. Кричит. Не хочет умирать...

— Юнкера должно.

— Видать по всему, что юнкера. Кричит, как резаная свинья,—сказал юркий солдат и нехорошо засмеялся.

Он заискивающе посмотрел на всех, словно искал сочувствия. Но все промолчали.

— Стойте-ка, о чем это кричат?

За углом кричали надрывно. Все стали слушать, вытянув шею. Но ничего нельзя было разобрать. Петька опять вышел из за угла, приоткрылся и, подняв винтовку, стал стрелять. Теперь он уже стрелял спокойно, целясь, уже не боялся, что его остановят. Сначала выстрелил в дымовую трубу, хорошо видневшуюся на фоне серого неба, потом в большой электрический фонарь, висевший на столбе на соседнем углу. Фонарь после выстрела качнулся.

— Попал!—с удовольствием подумал Петька.

Передохнув немного, он опять принялся стрелять. Разбил большое зеркальное стекло в галантерейном магазине, стрелял в угол красного дома, с удовольствием наблюдая, как там после каждого выстрела, отлетала кусками штукатурка и клубилась пыль. Потом целился в вывески, в мозаичные большие картины на стенах гостиницы «Националь».

И ему было приятно, когда он видел, что его пули разбивают огромные зеркальные стекла, разрушают стены, рвут железные вывески.

— Бу-ух!..—вдруг ахнуло за домами и сразу резко свистнуло где то около, как показалось, рядом.

Петька рванулся от неожиданности. Он увидел, как на дальнем углу обвалилась, будто плеснувшись на мостовую стена красного дома. Солдаты и рабочие, а вслед за ними и Петька, кучей бросились бежать от угла по переулку, не понимая, что случилось. Но потом задержались, оставались по одному.

— Из пушек бьют!—крикнули с противоположного угла:—Держись, товарищи.

— Бу-ух!—ахнул новый выстрел.

Все опять дрогнули, но оправились быстро и, словно второй выстрел успокоил, пошли назад к углу.

Винтовочные выстрелы в Охотном загрели резко и часто.

— Наступают! Идут!..—крикнул кто-то из окон.

Тревога захватила всех. С угла напротив человек пять солдат побежали вверх по Тверской. За ними, громко стуча сапогами, бежали рабочие. Оставшиеся начали часто, пачками бить, по улице без цели. Из кучки, где был Петька, убежало человек десять. Осталось четверо. Петька, дрожа и задыхаясь, ждал, когда покажутся враги. На дальнем углу закричали резко. Из за дома, прямо на мостовую, выбежали люди в серых и синих шинелях и, стоя открыто, начали стрелять по улице и в тот угол, за которым прятался Петька.

— Вот они!—крикнул Петька:—Идут!

Все, грохоча сапогами, побежали от углов по переулку. Петька за ними. Едва он повернулся и увидел, что все, сломя голову, бегут,—он сжался от ужаса, и острые мурашки запрыгали по его спине. Выстрелы позади сразу стали резкими, пугающими, и показалось: вот-вот кто то подскочит сзади, выстрелит ему в спину. Ему! Потому что другие бегут впереди, а он самый последний. Ему! В спину! Он втянул голову в плечи, наддал, чуть согнулся, и зайцем-зайцем вперед, стараясь перегнать когонибудь, чтобы тот, другой, был последним, а не он, Петька; чтобы не в него, а в другого попала пуля. Ветер в ушах свистел, а сердце точно барабан. Но теперь в спину стрельнут другим, задним. Ффууу!..

Каменное крыльцо, за ним ворота—проходной двор, и все, толкая плечами один другого, бежали двором.

И Петька—резвые ноженьки—уже впереди всех.

— Сто-ой!!

Крик, словно выстрел.

— Сто-ой, сволочь!

Петьке в лицо и другим в лицо матрос сунул винтовку. Черная дырочка—страшная перед глазами. Петька отшатнулся, прыгнул к стене.

— Вояки, чорт вас. Назад! Убью!

У матроса лицо безумное: рот набок, глаза как пятаки.

И страшные ругательства с хрипотцой (что особенно страшно) всем на голову:

— Трусы! Рвань! Назад! Перестреляю всех!

И все будто в стену уперлись. Остановились, растерянно оглядываясь.

— Назад! За мной!

Сажеными прыжками матрос побежал через двор. Через двор проходной назад к углу, к Тверской. Первый побежал за ним Петька. Ему стыдно было, что струсил он.

— Ура! Бей!—в ярости закричал он, словно хотел погасить стыд.

И, не сознавая, яростно выкрикивал ругательства. Он видел только как вились ленты—два хвостика сплетающихся у затылка—на шалке матроса и метались у башмаков раструбы его черных брюк.

Вот угол. Матрос прыжком на мостовой:—трах!—выстрелил. Петька подскочил к нему рядом и едва приложился, выстрелил в кучу народа, что виднелась на дальнем углу, в Охотном. Оба—матрос и Петька—стояли открыто, прямо на мостовой, стреляли в перегонки, яростно. У Петьки ходнем ходили руки. С угла словно ветром всех смело. Не видно никого. Но матрос, страшно ругавшийся при каждом выстреле, вдруг закачался, захлебнулся, открытым ртом ловил воздух и, сделав два шага к углу, упал на тротуар, щекою в грязь, и задергался в судорогах. Петька скакнул за угол.

— И этого убили,—закричал он навстречу бежавшим сюда солдатам и рабочим:—убили...

Те остановились и нерешительно, издали смотрели на матроса. Петька подошел к ним: страшно было оставаться одному.

— Ага... Храбрился то он больно,—сказал рабочий с рыжим шарфом:—«Вояки, говорит. Вот теперь тебе и повоюй».

Все столпились на самом углу, хмурились. Матрос лежал на боку, лицом к переулку, беспомощно разбросав руки и ноги. И тут только Петька успел рассмотреть его. Молодой, с маленькими черными усиками, волосы свободой. Из открытого рта текла тоненькая струйка темной крови; виднелись зубы, покрытые пузырьчатой красной слюной; и рот казался страшным, до смерти пугающим. Глаза были полуоткрыты и в них виднелись невылившиеся слезы. И все лицо было напряжено: словно матрос хотел вздохнуть полной грудью:

— Ох-хох...

И не мог.

С жутким любопытством смотрел Петька в его мертвое пугающее лицо. Народу к углу подходило все больше. Смотрели на матроса молча, не стреляли, и почему то каждый прятал свои глаза от другого. Кто то робко сказал:

— Убрать бы его.

И все разом оживились.

— Конечно, убрать надо. Убрать.

И задвигались, словно обрадовались, что нашли дело. Два солдата выскочили на тротуар, схватили убитого за руки и овлоком затащили за угол, а отсюда понесли уже на руках. Петька поднял его шалку с черными лентами, на которых было написано «Тральщик», и понес было вслед за матросом. Но потом положил ее убитому на грудь и вернулся к углу. На том месте, где лежал матрос, валялась винтовка, из которой тот стрелял, и всюду около—золотистые гильзы патронов.

— Вот, что делают, буржуи проклятые!—злбно бросил рабочий.

Другой подхватил:

— Душить всех подряд надо.

Все хмурились. Лица у всех посерели, исказились. Только Петька смотрел на всех беззлбно, с удивлением. С ним происходило странное: ему всюду мерещился пугающий, открытый, окровавленный рот убитого матроса. Вон вдаль провал разбитого окна—черный и страшный. Это рот. Черное окно подвала, черная подворотня вон у того серого дома... Рот, всюду рот открытый и страшный. И чудились там зубы, покрытые липкой кровавой слюной. По спине бегала дрожь и не хотелось смотреть туда. Непонятная тревога вдруг охватила Петьку. Вот где то около ходила опасность. А где? Неизвестно. Бросить бы винтовку и поскорей выбраться отсюда домой.

Рабочие и солдаты перебрасывались тяжелыми каменными словами. Стрельба теперь велась лениво. Кругом было гулко, тихо, и в тишине выстрелы перекатывались, как дальний гром. Петька заметил, что в доме напротив все окна занавешены. А одна штора шевелится. Ему чудилось, что там кто то сидит злой... Выстрел, другой, тишина. Еще выстрел, тишина. Слышать, стреляют где то на Лубянке.

Вдруг в тишине ухо поймало глухое шипенье и фырк.

— Стой, ребята, кажись автомобиль?—встрепенулся юркий солдат и, взяв винтовку на перевер, поспешно подошел к самому углу и украдкой выглянул туда, к Охотному.

Все стали прислушиваться. Шум становился яснее.

— Верно: автомобиль. А ну-ка, поглядим..

И все сразу оживились, сгрудились на самом углу, приготовив винтовки.

Из за угла Охотного вышел грузовой автомобиль, на котором стоя и сидя ехали вооруженные люди в синих и серых шинелях. Винтовки беспорядочно торчали во все стороны. Ползучая ваза: винтовки, головы, руки, синие и серые шинели—точно цветы. Он полз к другому углу, хотел скрыться.

Петька, рабочие и солдаты торопливо, наседая один на другого, прицелились, залпом выстрелили в него. Автомобиль дернулся и остановился; из машины брызнула белая струя; на нем судорожно заматились люди.

— А-а-а!..—торжествующе заревел нечеловеческий голос рядом с Петькой.

И рев толкнул всех. Солдаты и рабочие выскочили на мостовую и, стоя здесь кучами, не думая об опасности, начали стрелять по автомобилю. Из-за соседнего угла прибежали еще солдаты, еще рабочие. Все стреляли с судорожным азартом. Петька видел, как там люди клубками падали на мостовую, на дно автомобиля, судорожно метались, стараясь прятаться за колеса и за борта; видел, как летели щепки, отбитые от деревянных бортов автомобиля. И острая неиспытанная радость дупила его.

— Бей их! Луши!—орали здесь около.

— Бей!—орал Петька, уже не чувствуя себя, и стрелял без передышки, едва успевая заряжать.

Прошла, может быть, только минута,—автомобиль стоял разбитый и никто уже не шевелился ни на нем, ни около него.

— Ого-го,—торжествовали здесь:—это здорово, ни один не ушел.

Хохотали, двигались порывисто. Подмигивали задорно, упоенные победой. С любовью смотрели на автомобиль.. Тихо, мертво. Просто!..

Огневое схлынуло, и Петьке опять почудилось, что разбитое окно вон в том доме, похоже на открытый мертвый рот.

А все смотрели—ждали, что будет дальше. Из-за угла из-за красного дома—высунулся белый флаг с широким красным крестом, закачался на палке,—вверх-вниз, вверх-вниз, продвинулся над тротуаром, и показалась рука в кожаном рукаве—рука держала флаг, махала. Так долго, может быть, целую минуту, рука махала. Из за угла вышла девушка в кожаной куртке—на рукаве рдеет крест—и голова в белой косынке. Она пошла к автомобилю открыто, и несла флаг над головой. Вот положила его на разбитый борт, пошла вокруг, нагибаясь к колесам, у которых лежали спутанные кучи—будто мешки. Девушка от одной кучи к другой наклонялась, трогала их рукою и обходила медленно, и молча.

А здесь—затаив дыхание—напряженно смотрели на нее рабочие, солдаты, Петька.

Девушка что то крикнула, махнула рукой. Из-за угла плывущим шагом вышли двое солдат с поясками на рукавах—к автомобилю. Над чем то наклонились, потом один подставил спину, другой поднял неуклюжий мешок в шинели, внизу болтались сапоги, и положил первому на спину. Так начали они носить убитых...

Поднимали их с земли, вытаскивали из автомобиля, клали на спину и, сгибаясь, тащили за угол...

И каждый раз, когда там поднимали труп, здесь радовались:

— Несут-ут! Еще несут! Это вот та-ак! Это вот по нашему.

— Гляди, гляди—это студент.

— Ого, а это офицер.

— Ка-ко-ой длинный.

— Ого-го, восьмого понесли.

— За одного нашего десять ихних.

— Ура!

Петька приплясывал.

Но унесли последний труп. Автомобиль стоял как раз на перекрестке, разбитый. И погасла здесь радость.

— Тррах!

Это на дальнем углу выстрелили. И сразу здесь на всех лицах мелькнуло упорство и напряженность. Все зашелкали затворами, задвигались. К углу подошел торопливо солдат с черненькой острой бородкой. Он сказал торопливо:

— Сейчас наступление, товарищи, готовься.

— Наступление,—проговорил про себя Петька:—наступление.

Под ложечкой у него задрожало. Он заюркал туда-сюда,—искал места, где бы стать, так как думал, что наступление—обязательно итти рыдами.

— Наши обходят дворами. Как начнется стрельба, мы...

Но не договорил: там, на углу, сразу закипела стрельба. Солдат метнулся в улицу, и тротуаром, не оглядываясь, побежал к Охотному. Петька дрогнул, заревел «ура» и за ним. И в раз перегнал. Один впереди всех, сломя голову, бежал, а навстречу ему несло горячее—может быть, воздух, может быть, пули.—и ветер визжал в ушах...

Остановился он только на углу, у красного дома, и видел, как вниз по Моховой бежали синие и серые шинели, и три раза успел им выстрелить вслед.

Взволнованный и торжествующий, он взобрался на крыльцо охотничьей часовни, чтобы оттуда лучше и подальше видеть. Охотный ряд Театральная площадь и улица вдали, все было пусто. Из за лавочек начали выползать люди—больше мальчишек,—и темной массой затолпились на углах. Они с любопытством, точно на диковинку, смотрели на солдат и рабочих, рассматривали расстрелянный, залитый кровью авто-

мобиль, стоявший на перекрестке. Мальчишки отдирали щепки от бортов, собирали гильзы патронов. Потом толпа смешалась с вооруженными солдатами и рабочими. Три мальчугана лет по десяти остановились перед Петькой и с завистью смотрели на него.

— Дай пострелять,—попросил один.

Петьку жестоко оскорбила такая просьба.

— Уйди!—грозно крикнул он на мальчугана и, прислонившись к каменному парапету часовни и держа винтовку на перевес, решительно и сердито закричал:

— Частные которые, расходишь! Стрелять буду!

И выстрелил вверх.

Толпа шарахнулась. Даже солдаты и рабочие, что с винтовками, дрогнули и метнулись.

— Расходишь, расходишь!—раздались тревожные крики.

В одну минуту ветер смел толпу. Было видно, как перепуганные люди мечутся между лавками, прячутся. Солдаты и рабочие сгрудились около угла Национальной гостиницы. Петька один остался на крыльце часовни. Кругом никого. Свой вон на углу, за разбитым автомобилем. Он вдруг сердцем почувствовал, что здесь он один. Стало страшно. Казалось, из-за часовни выскочит кто-то злой и убьет. Под шапкой у него шевельнулись волосы. Поблуднев, он соскочил с крыльца и через дорогу, мимо автомобиля, бросился туда к углу, к рабочим. По дороге споткнулся. Это еще больше усилило страх.

— Держись!—смеясь крикнули на углу.

Задышающийся, добежал он до рабочих. Его страх передался и другим: здесь все стояли, судорожно сжимая винтовки, готовые каждую минуту дать отпор. Но прошла минута и напряжение исчезло.

— Кажись, сами себя напугали,—сказал чей то насмешливый голос:—здесь никого нет.

— Есть—отозвался Петька.

— Где?

Петька и сам не знал, где враги, но махнул рукой куда то.

— Там.

Он чувствовал, как тревога вдруг захватила его. Почему то опять захотелось бросить винтовку и поскорее уйти домой, на Пресню, но теперь чувство было настойчивее. Стало тоскливо, холодно, и по телу забегали мурашки.

Вдруг где то близко, за углом, ахнул резкий выстрел. Рабочие и солдаты шарахнулись к стене. Петька испуганно метнулся за ними, стараясь спрятаться за когонибудь. Предчувствие чего то ужасного до боли сжало сердце.

— Уйти бы отсюда, подумал он.

Выстрелы не повторились. Рабочие и солдаты, стоявшие у стены, вздохнули свободнее, зашевелились.

Чтобы подбодрить себя, Петька поднял винтовку и выстрелил вверх. Потом еще. За ним стали стрелять солдаты. Стреляли в окна соседних домов, в крыши, где, казалось, засел невидимый враг. И, стреляя, все опять вышли на угол, на перекресток. Петька забрался на старое место, на крыльцо часовни, и оттуда стрелял в здание Национальной гостиницы, целился в окна, на которых висели прекрасные гардины, а в глубине виднелись блестящие люстры и темная пышная мебель. Выстрелы немного успокоили его, подбодрили. Он с наслаждением разбил пулями все фонари у крыльца гостиницы, сделанные из матового резного стекла, разбил графин, стоявший на столе, там внутри, перед окном.

Потом стрельба сама собой прекратилась. Солдаты и рабочие собрались у часовни и, мирно переговариваясь, стояли, курили, забыв об опасности. И опять, словно тараканы сквозь щели, к ним подошли один по одному мальчишки из охотнорядских лавченок, пришло несколько мужчин, и кругом зачернела толпа. Мальчуганы, как собаченки, шныряли в толпе, собирали расстрелянные гильзы. Стало покойнее. Но чувство неопределенной тоски не оставляло Петьку. Он знал сердцем, что опасность где то здесь, близко, рядом. Но где?

Стрельба шла все время около университета и у Кремля. Ни юнкеров, ни студентов не было видно.

Но Петька, беспокойно оглядываясь, все искал, откуда опасность.

— Идут юнкеря!—вдруг резко крикнул из за часовни детский голос.

И в тот же момент кругом часовни и на улице грянули частые выстрелы. Толпа завывала, заметалась. Мальчишки падали на землю, бежали, на четвереньках, ползали к лавкам. Дрожая всем телом, Петька попытался, присядая, пробежать к углу Тверской, но едва выбежал из-за часовни, как попал под выстрелы. Он увидел, что из ворот соседних домов по одиночке и группами бегут юнкера и студенты с винтовками на перевес и что на всех соседних крышах виднеются фигуры людей с винтовками. Петьке казалось, что все, кто засел на крышах, целят прямо в него. Он метнулся назад, на крыльцо часовни, под защиту стены. На бегу юнкера и студенты в упор стреляли в солдат и рабочих. У самого угла часовни, на грязных, покрытых осенней слякотью плитах тротуара, уже лежало несколько человек, судорожно корчившихся и кричавших, а рядом с ними валялись брошенные винтовки. Несколько солдат плотно прижались к стене часовни и стреляли в юнкеров. А те цепью бежали прямо на них. Вот они вскочили на самое крыльцо, где судорожно металась растерявшиеся солдаты и рабочие. Петька будто в полудреме видел, как юнкера штыками с размаха тыкали солдат, а те дико выли и хрипели и руками пытались ловить штыки, или стреляли в юнкеров на расстоянии двух шагов.

Забыв, что можно стрелять и сопротивляться, Петька прижались к стене и крепко уперся в холодные камни, словно хотел вдавиться в них. Широкими от ужаса глазами он смотрел на юнкеров, которые около него расстреливали мечущихся солдат и рабочих, и ждал, замерев. Два юнкера пробежали совсем близко. Один на бегу вскинул винтовку и прицелился в голову Петьке. Петька ясно увидел его темные круглые глаза. Блеснул яркий огонь. Но выстрела Петька не услышал.

Александр Яковлев.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

За пять дней.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С одиннадцати часов,—смокла улица. В двенадцать—в окно второго этажа влетел снаряд, рванул стену и заглох. Когда рассеялся дым,—убит красноармеец-вестовой.

Жерих долго не входил в комнату:

— Черт знает. А ну ка, еще снаряд полетит по той же траектории, кажут тогда...

Лоба, хохоча, тянул Жериха. Когда вошли,—обожженное молодое лицо, стиснув белые, как снег, зубы, говорило оловянными глазами:

— Сегодня я еще не думал умирать...

Жерих наступил ногой в лужу крови, а Лоба подтрунил:

— Ну, Иван Михайлович, коли сапог твой купался в человеческой крови, так быть беде...

Жерих сплюнул, бросил долгий взгляд, плюнул еще раз и вышел. Вчера с того берега, бросили в город 115 снарядов: убито пять мирных жителей, ранено—три.

У комхоза разорвался снаряд, а в кабинете Жериха задрожали окна, а затем со звоном посыпались на пол стекла.

Когда Жерих опомнился,—выбежал на улицу. Недалеко упал второй снаряд и вырвал правый бок безавшему по улице поросенку. Завизжал он благим матом, перевернулся раза три и упал.

А в прошлую ночь Жерих был на берегу реки. Когда затрещал с того берега пулемет, Жерих тронулся в исполком.

Лоба с Шульпяковым «рвали животики» сегодня целый день. Шульпяков рассказывал Лобе:

— Мы с Грыгиным были на Завражной улице. Когда затрещал пулемет, мы поехали во всю лошадиную прыть. Приехали,—а Иван Михайлович,—тут как тут. С головы—потоки пота, рубашку, хоть выжми. Ты представляешь себе: Жерих был в два-три раза дальше, чем мы. Мы на лошади, он пешком, а в исполкоме—он прежде, чем мы.

Жерих улыбался:

— Черти полосатые, я ведь для того, чтобы предупредить...

Подумал Жерих:

— Пойду спать в подвал: надежнее дело будет.

В подвале храпел Фувакин, обнявши винтовку, да отдувал губами Мишкин. В правом углу уборщица Дарья не спала, ворочаясь с боку на бок.

— Ты чего забралась сюда?

— Боюсь. Ван Михалыч, вон как боюсь, что не знаю, куда деться...

Плюнул Жерих, бросил кепку и сел на стул, положив на стол голову. Вчера, после «пулеметной истории», Лоба смог еще раз напугать Жериха. Он плотно надул небольшой бумажный пакет и крепко хлопнул над его ухом.

Жерих вскочил. Спросонья таращит глаза, лезет на окно, бьет стекло, порезал себе руку в кровь. Сам Лоба не на шутку напугался:

— Жерих, Жерих, опомнись, это я тебя ненароком немножко.

Жерих не любил сердиться. Сплюнул раз.

— Ах, чорт тебя подери. Давай закурим.

Лоба обыкновенно говорил:

— Я, Иван Михайлович,—выправляю линию твоего поведения.

Оба они любили друг друга с давних пор и без шуток, кажется, не могли бы иметь столь крепкую, товарищескую дружбу.

С Лобой у Жериха смерть не страшна.

Вчера вечером они втроем: Лоба, Жерих и Шульпяков, ехали на передовые позиции. Жерих—на козлах. Так же, как и все эти дни—снаряды сыпались. Шульпяков шутя спрашивал Лобу:

— Давно ли у тебя Иван кучером служит?

Лоба смекнул:

— Иван. О-о, давно, брат. Он еще у покойного отца начал... Да что же ему не служить: работы мало, жалованье приличное.

Сначала Жерих слушал улыбаясь, а как достало до сердца, остановил лошадь, слез с козел:

— Иш вы, едри вашу палку,—господа какие! А ну ка, поезжайте ка сами.

Лоба уговаривать:

— Это я тебе, Иван Михайлович, делаю испытание. Представь себе, мы в белогвардейском тылу,—шпионим. Еду я в офицерской форме, с каким-нибудь генералом, а ты у нас за кучера. Ну, и говорим также про кучера. Так что же, ты тоже изволишь бросить возжи и также посылать меня к чертовой матери?

Улыбнулся Жерих, снова сел на козлы, поехали...

А сейчас Лоба придумывал новое испытание.

**

Летом—ночи коротки. А как хочется, чтобы она была безконечной, или, по крайней мере, слилась в несколько суток подряд, дала отдохнуть, сгладить вчерашние впечатления. Ночью—свободно дышется. После дня оружейной трескотни, после того, как билось учащено сердце, вдруг все мертво. Как хочется, чтобы победило само время, без завтрашнего дня. Но, нет. На твоей стороне правда, твоя рука крепко держит ружье; ты победишь—не страшись жертв.

Так думал Лоба, шагая по широкому исполкомовскому двору.

С правой косы Лоба высадит десант, переправив его на лодках, с левой—флотилия Цыганкова.

Посмотрел в окно подвала,—улыбнулся: Жерих сугорбился, сидя спит, положив голову на стол.

Подвальные окна углублены в землю, углубления залиты цементом, железные решетки над рамами.

У стены валялось худое ведро.

Улыбка сорвалась с уст Лобы:

— Эврика.

Взял Лоба худое ведро, со всего размаха бросил им в железную решетку подвального окна. Оглушительно, с грохотом загремело оно.

Жерих вскочил. Раз пять метнулся по подвалу, спрятался под стол, снова вбегал и пробежал по комнате. Остановился, прислушался. Но, увы. С того берега реки, неожиданно для самого Лобы, заговорили зерна пушек, а через несколько секунд—снаряды бороздили землю...

**

В городе—колокольный перезвон. В городе—одиннадцать церквей, немецкая кирка, синагога.

Одиннадцать церквей—общий язык; двенадцатый—гнусаво слащавит, кирка. По звону—новая поповская пасха.

Напротив неолкома, на площади—Никольский собор. Благочинный в облачении, служил благодарственный, а исполком окружен. Крестьяне—кулаки ближних сел—вилы, пики, топоры, дреколья.

Ревом ревела толпа:

— Поддай комиссаров! Бей комиссаров!

Лоба, почти что выпроводил всех. Он остался один и от него не мог отстать Жерих.

— Куда ты, туда и я.

Жерих дрожал в президуме, а Лоба коротко бросил:

— Мы окружены. С реки идут белогвардейцы, здесь—восставшие кулаки ближайших сел. Спасемся, если наберемся мужества и храбрости.

Лоба вокруг пояса наткал ручных гранат, зарядил два нагана, один из них заткнув за пояс. Жерих также взял гранаты.

По коридору Лоба Жериха подталкивал вперед, а когда подошли к дверям—осадил назад, приказал следовать за собой.

— Владей собой, мужайся.

Лоба повернул ключ, открыл дверь. Невообразимый шум, крик пахнул в лицо, зазвонил в ушах.

Давили друг друга,—сотни пик направлены к двери, десятки топоров повисли в воздухе.

Лоба взмахнул рукой, бросил гранату, за ней—другую

Толпа давила друг друга, дрогнула, рассыпалась, открыла путь.

Лоба толкнул Жериха вперед,—бежали по площади

Снова толпа левой двинулась за ними.

Лоба и Жерих на паперти собора. Благочинный в облачении выскочил нос и снова исчез.

Толпа робко наседала. Лоба, отдышавшись, бросил снова одну, выстрелил раз, два, три...

Лоба с Жерихом у забора. Лоба пособил Жериху перебраться.

*

**

В здании исполкома — штаб первого добровольного отряда «восставшего народа». Полковник Бахметьев—начальник штаба. У полковника бритая борода; длинные, пушные усы. На плечах полковника—золотые погоны с двумя просветами.

У полковника в кабинете—адъютант, в полной форме и аксельбантах.

У полковника в кабинете—адвокат—меньшевик Живохлыстов—председатель гражданской власти. Бородатый дядя-кулак—начальник партизанского отряда.

Полковник коротко бросает:

— Упустили двух больших птиц. Какие же вы после этого служаки?

Обращается к адъютанту:

— Поставить на ноги всех. Через два часа оба безавшие большевика должны быть здесь. Не провалились же они, на самом деле, сквозь землю. Обыскать все дома, близкие к забору, где они перепрыгнули. Не найдете—жгите дома.

Адютант прикладывает руку к головному убору. Живохлыстов благосклонно улыбается...

**

Нина домой пришла вне себя: ночью она была с отрядом на берегу реки, а отступить не успела. Слышала колокольный звон и наблюдала за тем, что делается на улице.

Хозяйка дома, гда занимала Нина комнату по уплотнению, заявила злорадно:

— Теперь вам капут.

Посмотрела Нина в окно, а к дому подходят два бородатых, в красных рубахах, с дрекольями в руках.

Сжалось сердце от боли, стиснула зубы.

А когда услышала, как один из них громко произнес: — «здесь ли живет Нина, дочь Марковны, с Муравья-завода»,—то ужаснулась.

— Лоба! Как это так?

— Тсс. сс!..

Нина сразу опомнилась. Любопытная хозяйка вошла.

— Что, граждане, арестовать комолку пришли.—Давно бы пора. Житья, милые мои, от нее не было...

Лоба заметил коротко:

— Мы ее арестовать-то арестуем, а пока что произведем обыск. Вы же на это время, хозяйшкa, удалитесь.

Нина видела, как перебрались Лоба с Жерихом через забор. Она в это время, стоя поодаль толпы, задыхалась от радости и счастья. Сейчас она торопливо хотела знать:

— Ну, скажите, расскажите скорее.

— Сейчас не время, Нина. Нам надо очень быстро обсудить о том, как бежать отсюда...

Но обсудить не удалось: к квартире с улицы направлялись десяток людей, вооруженных дрекольями.

Лоба коротко распорядился

— Будем действовать в двух направлениях: сейчас арестуем Нину, а если напали на наш след,—будем действовать.

Толпа уже на пороге. Лоба начал:

Итак, гражданка, именем восставшего народа вы, как большевистская сообщница, арестованы.

Толпа яростно галдела: — Обыскать!

— Обыск мы здесь произвели. Подозрительного ничего нет.

Коновод толпы распорядился:

— Вести арестованную в бывший склад кушца Пухова, что на Селезнихе, туда сгоняют ихнего брата.

Под конвоем Лобы и Жериха, шла Нина арестованной...

**

Вечером, на другой день полковник Бахметьев злой ходит взад и вперед по кабинету.

Начальник разведки, капитан Забудыгин, докладывает печально:

— Господин полковник, обшарили все уголки, пятнадцать человек, имевших хоть какое-нибудь отношение к большевикам, выпороли плетью; сожгли три дома, а их все-таки не нашли.

— Слышать не хочу. Армия разваливается. Мужики расходятся по домам. Агитация продолжается, и все это дело их рук. Если вы, капитан, не примите более радикальных мер, я вынужден отстранить вас от должности...

— Господин полковник, все большевистские семейства арестованы. По слухам, Лоба часто ходил к бывшему комиссару по просвещению, обыскали его квартиру, жену его чуть из окна второго этажа мои молодцы не выбросили, пытали все...

— И почему не выбросили?—туда бы и дорога!..

— Не выбросили потому, что двое бородачей-крестьян, в красных рубахах, отстояли.

— К чорту бы этих бородачей...

— Оно как-то неудобно, лозунги...

Разговора офицеры не закончили. В комнату стремительно вбежал меньшевик-адвокат Живохлыстов.

— Господин полковник. Извините, я без доклада. Чрезвычайное происшествие. Ох, я задыхаюсь от радости.

— Да говорите же, говорите.

— Понимаете, я попал на след...

— Что?

— Да, на след попал. Собственно говоря не я, а ребятишки... дети...

Ах, как я устал... Все бегом, все бегом...

— Да говорите вы толком, чорт вас возьми.

— Понимаете, мой шурина, т. е. брат моей жены, в театре служит.

— Ближе к делу.—перебивает сердито полковник.

— Нет, господин полковник, чрезвычайно интересно.

— Да говорите же.

— И вот, мой, значит, шурина...

— Тьфу, чорт вас побрал бы с вашим шурином. Говорите, в чем дело.

Адвокат покраснел и начал спокойнее.

— И вот, в тот же самый день, когда мы взяли власть в свои руки...

В этот день приходит мой шурина в театр, а там гардероб взломан, уборные артистов открыты. Из гардероба взято несколько русских костюмов, из уборных—парики.

— Ну, и чорт с ними.

Живохлыстов обиделся:

— Дайте же, господин полковник, высказаться.

— Ну, говорите.

— И вот, мой шурина махнул на это рукой и только. Были жулики и утащили. Сегодня, уже под вечер, идет он в театр, а у дверей несколько ребятишек. Он их спрашивает:

— Это может быть вы, ребятишки, украли кое-что из театра?

Они отвечают:

— Нет, дяденька, разве можно.

А один мальчик выскакивает из толпы и говорит:

— Дяденька, украли их должно быть два комиссара. Я видел, как тогда они вошли туда комиссарами и я потихоньку прошел за ними, а потом они со своими мордами что-то делали, рубашки красные надели, пики, что у Ивана Грозного на сцене бывают, взяли и вышли из театра настоящими мужиками...

Полковник больше не слушал. Он грозно крикнул на капитана Забуддыгина:

— Капитан. Это они, что не позволили вам выбросить из окна жену комиссара Богомолова. Разины вы, а не начальник разведки.

— Адъютант, вас назначаю начальником. Сегодня же к 12 часам ночи представить их живыми или мертвыми.

**

Жерих подошел к Лобе:

— Ты видишь, как за нами с тобой наблюдает вот тот из лягавых.— Давай бежать, пока не поздно.

— А ты Нину освободил?..

— Нина-то освобождена давно. Я ключ брал у бородача-разводящего под видом проводить «до ветра», и отпустил. Она нас ждет у Лиевского моста...

— А как там, за Заовражной улицей?

— Там я с'агитировал,—весь отряд побросал ники и разошлись.

— Ну, хорошо, иди и говори там, а я вот здесь, неподалеку, буду уговаривать, чтобы арестовали полковника, как яркого монархиста. Попробуй говорить и ты в этом направлении.

Караульные, человек пятьдесят, где были Жерих и Лоба, разговорились на политические темы. Один пожилой крестьянин говорил:

— Неужто, на сам деле, при нашей власти земля господам возвратится?

— Как не возвратиться, нате-ка вот им!

— Им то им, а погоны все понадевали. А полковник Бахметьев в свое имение охрану послал и у всех отбирает свое добро...

— Что вы там об этом. Вы посмотрите: как сраженье, так их нет.

— А вот попы-то как в колокола звонили, вот что.

— Ну, что же звонили, на то они и попы, чтобы звонить в колокол, народ сзывать

Жерих встал:

— Ваши полковники на войну вас призвали, а сами от нее далеко и имения свои охраняют.

«Лягавый» человек подошел вплотную к Жериху. Схватил его за бороду,—борода сорвалась.

Лоба быстро подбежал, пустил пулю в грудь «лягавого».

Лягавый застонав, упал замертво.

— Бежим, Жерих.

В лесочке, у самой дороги, близ пристани, они втроем—Лоба, Жерих и Нина обсуждали дальнейший план работы.

Жерих настаивал на уход из города к своим, так как свои были за каких-нибудь пятнадцать—двадцать верст.

Лоба решительно против:

— Нам уходить нет смысла. Надо в конец разложить противника, надо взорвать его изнутри

Предлагались те и другие планы, но ничего не выходило. Вдали, по реке, вывернулись сотни огней.

— Первый пароход по белогвардейской линии.

Через десять минут—пароход у пристани, людей сходит немного. Звонкий голос военного громко зовет:

— Извощик. Извощик.

Извощиков нет. При свете можно было разглядеть лицо мальчика-офицера.

— Неужели придется идти пешком?

— Да, господин прапорщик, извощиков никаких нет.

— А где у вас штаб?

— Там, в городе. Вещи можно сдать.

У Лобы созрел план.

— Как только поравняется с нами господин прапорщик, сейчас его схватим, свяжем, а там посмотрим, что надо будет делать.

В бумажнике прапорщика, кроме денег, оказалось:

Штаб

Народной Армии

при

Комитете Учредительного

Собрания.

17 июля 1918 г.

№ 2578.

г. Черновск.

М А Н Д А Т.

Дан сей прапорщику Иголкину в том, что он уполномачивается быть представителем и инструктором от штаба нашей армии при отряде Народной Армии гор. Белосеженска.

Н-к штаба генерал-майор Коровкин.

Адъютант капитан Кобылин.

**

Утром рано, на четвертый день, в кабинет полковника Бахметьева вошел офицерик.

— Позвольте, господин полковник, представиться — прапорщик Иголкин, присланный начальником штаба народной армии при комитете учредительного собрания генерал-майором Коровиным в качестве уполномоченного и инструктора. Генерал поздравляет вас с победой, но...

Полковник несколько смутился и покорно протянул руку.

— Очень рад. Какие могу получить приказания от его превосходительства?

— Его превосходительство чрезвычайно недоволен вашей линией поведения. Ему известно, что зверски убиты две семьи коммунистов, которые ни в чем неповинны, а два важных коммуниста ушли из под вашего носа. Ему известно, что ваше охранное отделение застегало на смерть двух старых евреев. Ему также известно, что ваши арестные сарай и тюрьма переполнены не только членами большевистских семей, но и не в чем неповинных людей.

Полковник удивлялся молодости прапорщика и вместе с тем немножко дрожал от страха.

Прапорщик продолжал:

— Его превосходительство, от имени комитета учредительного собрания приказал немедленно освободить неповинных граждан, а также и членов большевистских семей, а по делу главных виновников, начать следствие...

— Итак, господин полковник, удостоверьтесь в моем мандате и будьте любезны принять меры к исполнению. А пока, будьте здоровы, я еще зайду к вам, а если я понадобится вам раньше, моя квартира — гостиница «Лион».

*
**

В тот вечер получены краткие сведения: разведка красных в двух верстах от города.

В штабе суета,—полковник Бахметьев, в походной форме. Трещат телефоны, выслана разведка.

Начальник охраны сообщил коротким донесением:

«Армию неведомо разлагают какие то большевистские агитаторы, но мы сблизись с толку и поймать их не можем. Добровольцы и крестьяне бегут.

Капитан Забулдыгин».

«Не лучше ли, господин полковник, отступить заблаговременно?

Забулдыгин».

На последний совет полковник улыбнулся.

«Я бы сам рад бежать,—да как?»

В два часа ночи к полковнику два бородача привели человека в нижнем белье.

— Ваш бродь, мы были в разведке и нашли вот этава человека связанным. Он ай большевистский шпион, ай какой шутник. Грит, будто он какой то офицер.

Человек в нижнем белье коротко рассказал полковнику:

— Я, господин полковник, приехал сюда уполномоченным от генерала Коровина с инструкциями. Приехал я прошлой ночью с пароходом. Извозчиков на пристани не оказалось. Пошел пешком, и меня из кустов схватили три большевика, одна из них—молодая девушка. Раздели они меня, связали и оставили с закрытым ртом, запрятав подальше в кусты. Потом они взяли мои документы и деньги, кое что выпытали и одели эту самую барышню в мою одежду и направили к вам, с моим документом. Сам я хотел бы умереть, но вот ваши разведчики наткнулись на меня...

Полковник схватился за голову:

— Батюшки. Какой я идиот. Какой я идиот. Арестовать! Она в гостинице «Лион».

*
**

Арестовать было поздно. Перед зданием рванулся снаряд, рванулся другой. Через десять минут—белые бегут, бежит и полковник.

А утром, вместе с восходом солнца, с красным знаменем вехала красная конница.

Пред зданием исполкома командир конницы товарищ Шкарбанов расцеловались с Лобой.

Андрей Новиков.

Мемориал Обл. Науч. Библ.

Отдел Красной

Библиотека О.А. Мухом. Библ.
Отдел Красной

Оглавление.

- Ив. Майоров.**—Человек с трубкой, повесть . . . . . стр. 5
Ж. Д'Эспарбес.—Лики революции . . . . . стр. 67
А. Яковлев.—Петька, рассказ . . . . . стр. 83
А. Новиков.—За пять дней, отрывок из повести . . стр. 99
-

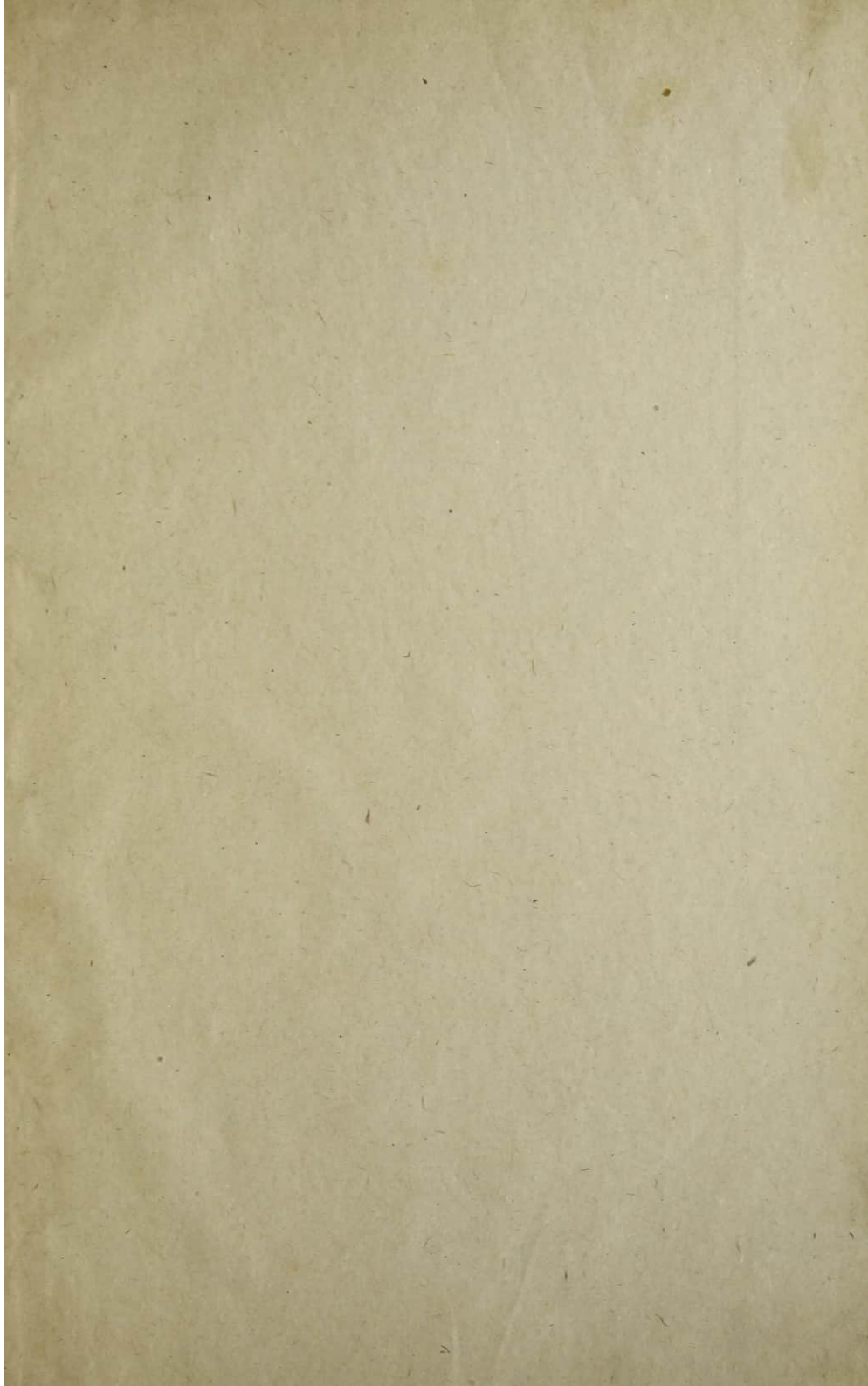
Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

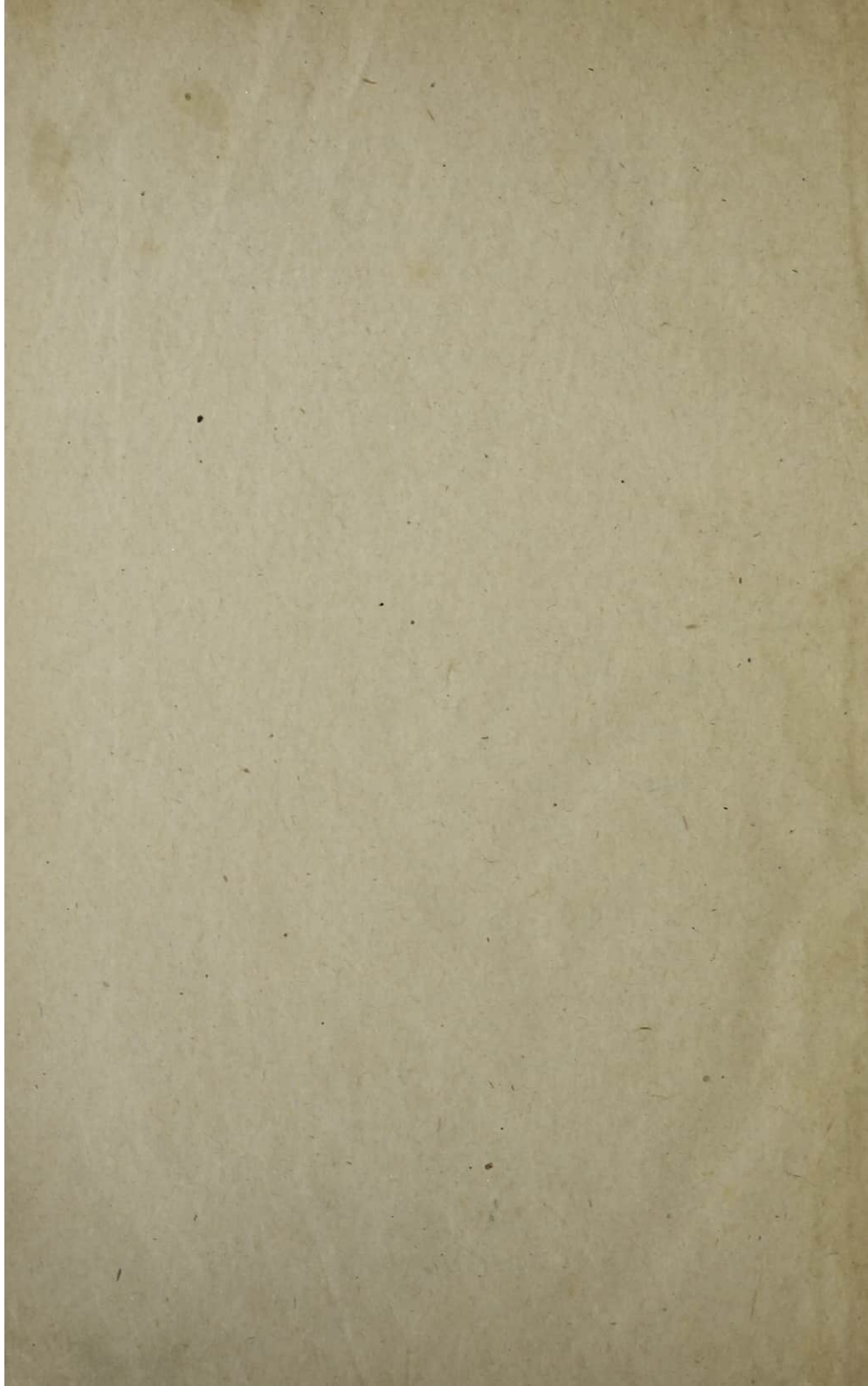
ОТВАВЕРНО

- 2. На Машин... (mirrored text)
- Ж. И. Шварц... (mirrored text)
- А. Шварц... (mirrored text)
- А. Горюков... (mirrored text)

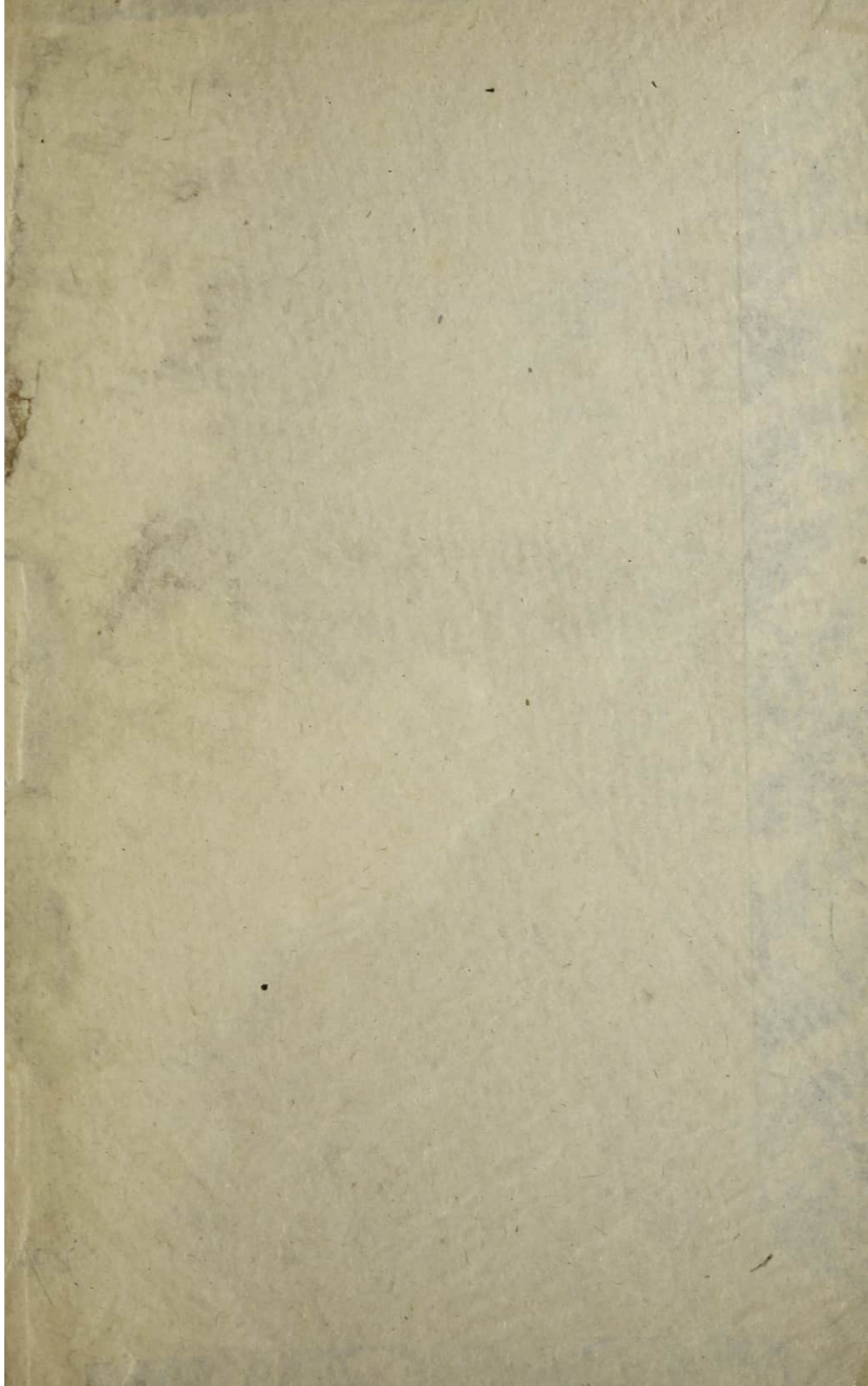
Large block of faint, illegible text at the bottom of the page, likely bleed-through from the reverse side.

348к

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ПОВЕСТИ И
РАССКАЗЫ
СБОРНИК 1

ИЗДАНИЕ РАБОЧЕГО КРАЯ
1924

